Неизвестный Кожедуб

Служу Родине

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые за 60 лет! Долгожданное переиздание ранней книги величайшего советского аса, фактически неизвестной современным читателям

Сегодня уже мало кто помнит, что, кроме знаменитой «Верности Отчизне», И. Н. Кожедуб был автором еще четырех книг, причем первые издания его мемуаров, вышедшие еще при жизни Сталина, существенно отличаются от поздних текстов, из которых исключены не только все упоминания о Вожде (обычная практика после «разоблачения культа личности»), но и целые главы.

В данном издании исходный текст воспоминаний великого летчика печатается полностью, без цензурных искажений, приписок и купюр.

- Часть первая В РОДНОЙ ОБРАЖЕЕВКЕ
- Часть вторая ПО ПУТЕВКЕ КОМСОМОЛА
- Часть третья В АВИАЦИОННОМ УЧИЛИЩЕ
- Часть четвертая В БОЕВОЙ СЕМЬЕ
- Часть пятая НА СВОБОДНОЙ ВОЗДУШНОЙ «ОХОТЕ»
- В ДНИ ПОБЕДЫ

Часть первая В РОДНОЙ ОБРАЖЕЕВКЕ

Ленинско-Сталинскому
комсомолу, воспитавшему меня,
посвящаю эту книгу.
Автор

1. Дома

В нашем дворе растут два молодых тополька-однолетки. Их посадил отец. Лет пяти, помню, я уже карабкался по ним. Взберусь на самую верхушку и смотрю по сторонам: вижу крышу нашей хаты и широкую кривую улицу, вдоль улицы — канавы. Весной они — русла пенистых потоков. Через них перекинуты мостки. У околицы два небольших озера, заросших осокой. Мимо березняка — гать, обсаженная вербами. Вдаль, к опушке сосновых лесов, уходят поля, а с севера, к Десне, — заливные луга. Гряда невысоких холмов загораживает село от напора вешней воды. Ширь и приволье!

Вдруг слышу испуганный голос матери:

— Сынок, держись, не впади, та злазь потихесеньку.

Она подбегает к дереву, и я нехотя спускаюсь.

— Ах ты верхолаз! На тебе не вспиваешь шить сорочки та штаны. Будешь лазити ще, то я батькови расскажу.

Живо скатываюсь с дерева: отца побаиваюсь.

Смеркается. Вся наша семья за столом. Ужинаем. Я загляделся на брата Гришу: он исподтишка «строит мне рожи»; несу ложку мимо рта — на столе мокрая дорожка. Вдруг отец бьет меня своей ложкой по лбу:

— Що шкодишь? Глотаю борщ со слезами.

— Та вин ще малый, билыне не буде, — говорит мать, незаметно подкладывая мне кусочек повкуснее.

Наказание быстро забыто. Ноги у меня до полу не достают. Болтаю ими и нечаянно задеваю отца. Отец в таких случаях строг:

— Вон из-за стола! Сидеть не умеешь! Обычно его светло-серые глаза добродушны, но

когда он рассержен, их взгляд пронизывает и пугает.

— Я что сказал, неслух?

Приходится лезть на печку. Обидно… Издали поглядываю на дымящийся борщ. Хочется есть…

Ужинать кончили. В хате одна мама. Она убирает со стола. Я прыгаю с печи:

— Мамо, мамо, есть хочу! Она прячет улыбку:

— А що батько сказав? Будешь ще шкодить — ничого не получишь… Ну ось тоби, трохи осталось. Ешь, та быстриш, шоб батько не узнав!..

Отец коренаст, широк в плечах, его узловатые кулаки кажутся мне огромными, и я уверен, что он — сильнее всех.

Он неразговорчив, но в душе мягок, отзывчив, старается помочь людям чем может; это я понял, когда вырос. В детстве хотелось ему учиться, но не пришлось — школы не было. Грамоте выучился самоучкой.

Читать отец любил. Очевидно, поэтому и я рано научился грамоте.

Наше село Ображеевка стоит на самом севере Украины, на Сумщине, между русскими деревнями, поэтому говор у нас смешанный. Отец чаще говорил по-русски.

Мать и сестра — мастерицы вышивать, и вечера они проводят за этим занятием. Я примощусь рядом и рисую в самодельном блокноте зверей и птиц. Отец читает, иногда одобрительно поглядывает на меня и в мой блокнот. Ему хочется, чтобы я стал художником, как наш односельчанин — старик Малышок: ведь на росписи можно и подработать между делом.

Тихо. Вдруг раздается раздраженный голос матери:

— Микита, шо ты там вычитаешь, книжка тоби хлиба не дасть!

Отец молча закладывает страницу и с виноватым видом принимается за починку домашней утвари или плетет лапти.

У матери добрая улыбка и худое, изможденное лицо. Она плохо слышит, и, когда со слезами жалуется на глухоту, мне ее так жаль, что я сам начинаю плакать и хожу за ней следом. Она ловкая, проворная, все время в движении — моет, убирает, стряпает. Но иногда бросит все, упадет на лежанку и застонет:

— Ой, Ивась, больно…

И мне от ее стонов самому словно больно. Хочется бежать из хаты, но удерживает тревога за мать: я ее очень люблю. Не отхожу от нее, подаю пить, поправляю подушку.

Отец стоит рядом, беспомощно разводит руками и тяжело вздыхает.

Мать надорвалась еще до замужества: с детства на ней лежала тяжелая работа. Родом она была из соседнего села — Крупец. Встретились они с моим отцом случайно и полюбили

друг друга. Дед хотел отдать дочь по своему выбору и прогнал моего отца, когда тот пришел свататься.

Родители мои поженились тайком. Жили бедно. Отец стал работать на заводе. Семья росла, а вместе с ней и нужда.

Началась Первая мировая война. Отец заболел тифом, хворал долго и тяжело. Хозяйство развалилось.

После Великого Октября отец получил надел земли и лошадь, но поправить хозяйство уже не мог: силы его были надорваны. Как-то, скирдуя сено, он упал с высокого стога; с тех пор прихрамывал, ходить ему было трудно, хворал еще чаще.

Мать видела, что тяжелая работа не под силу ему, но, случалось, попрекала:

— Через тебе сыны на куркуля батрачат!

Я родился в 1920 году и был младшим в семье. Ростом я был невелик, но крепок на удивление; не помню, чтобы хворал. А матери все казалось, что я могу заболеть. С другими детьми она была скупа на ласку, а меня голубила. Отец сердился, что она меня балует.

— Так вин же у мене наименьший, — оправдывалась мать.

С ней у меня связаны самые лучшие воспоминания детства. И такое «событие», как первый выезд в город.

Отец и мать собирались в Шостку на ярмарку. Попросился и я, но отец ни за что не хотел брать. Я — в слезы. Мать, конечно, заступилась, уговорила отца, и он нехотя посадил меня на воз, запряженный кобылой Машкой.

Вот и город. Дома в два-три этажа, яркие вывески — глаза разбегаются. Пока родители ходят по ярмарке, я сижу на возу — разглядываю самое высокое здание на площади и удивляюсь: какие же большие хаты бывают!..

А иногда мать вечером скажет:

— Ну, Ивась, завтра пидемо у гости в Крупец!

И я всю ночь не могу уснуть. Вскочу чуть свет. Позавтракаем и выходим в поле. Набегаюсь, устану — начинаю хныкать, сядем под дерево отдыхать. Я дремлю, а мама напевает

…Ой ты, котик-коточок, Поив бабин медочок Та й сховався в куточок…

Подрастая, я стал дичиться матери: боялся, что ребята будут дразнить, назовут «маменькиным сынком». В детстве бывает такой ложный стыд.

Мама все чаще прихварывала. Однажды, когда я, натаскав воды, хотел было бежать на улицу, она подозвала меня, грустно посмотрела и сказала:

— Чого ты, Ивась, не пидийдешь до мене, слова ласкового не скажешь?

Сердце у меня дрогнуло от чувства, похожего на жалость. Конечно, я не размышлял о том, что это такое, но, очевидно, до моего сознания вдруг дошло, как мне дорога мать.

Я долго сидел с ней, пока она сама не послала меня поиграть с ребятами.

С тех пор я еще старательнее выполнял поручения матери. Играя с ребятами, часто забегал домой узнать, не нужно ли ей чего-нибудь. И бывал рад, когда подмечал, что она мною довольна.

Братья и сестра гораздо старше меня, и у нас не было той близости, которая обычно бывает у погодков.

Сестра Мотя всегда в хлопотах по дому: то стирает, то возится в огороде, то вышивает. Ее не отдали в школу. Она научилась читать сама. На том ее образование и кончилось.

Когда я родился, ей было уже десять лет, и у нее появилась новая забота — нянчить меня. Характер у нее ровный, спокойный, взросла она была не по летам, и все же ей хотелось иной раз пошалить и порезвиться.

Мать бывало рассердится за что-нибудь на Мо-тю и непременно припомнит, как она оставила меня раз у погреба во дворе, а сама убежала к подруге. Я заполз на погреб и скатился по лестнице. Погреб был глубокий. Мать услышала мой крик, решила, что я расшибся насмерть, и упала без сознания. Соседка вытащила меня: я был цел и невредим. Мать долго не могла оправиться от испуга, и моя сестренка пролила тогда немало слез.

Иногда по вечерам у нас собираются подруги Моти. В хате шумно, весело. Девушки усаживаются вокруг стола с вышиваньем и весь вечер поют. У окон — гурьба парубков. Они стучат в стекла, но дивчата не пускают их в хату и еще громче, еще задорнее запевают песню.

Наши сельчанки — замечательные рукодельницы. Перед свадьбами в хатах вывешиваются рушники, раскладываются скатерти, занавески, вышитые сорочки, прошвы — выставляется напоказ приданое невесты. Собираются родственники, соседи, рассматривают вышивки. Этот обычай ведется испокон веков. Я люблю ходить с Мотей к ее подругам-невестам. Влезаю на лавку и из-за спин высоких мужчин и любопытных тетушек рассматриваю замысловатые, яркие узоры, запоминаю их, чтобы потом нарисовать.

2. Не хочу бояться

В детстве мне очень хотелось быть смелым, но не всегда удавалось сразу перебороть робость.

Была у нас бодливая, или, как у нас говорили, «колючая», корова. Особенно она не любила маленьких. Как увидит меня — голову наклонит, наставит рога и прямо в живот целится. Я от нее удирать в надежное место — на забор. Она постоит около, головой помотает для острастки и уходит не спеша.

Раз я не заметил, как она ко мне подошла. Оглянулся — стоит рядом, глаза вытаращила и рога наставила. Я закричал. Хотел на перекладину ворот вскочить, но не успел. Корова вот-вот прижмет меня к забору! Осмотрелся — у забора стоят жерди. Схватил жердь, изо всех сил ударил корову по боку — куда слезы и страх делись! — и как крикну:

— Ух, я тоби дам сейчас!

Корова шарахнулась и ушла.

С той поры я перестал бояться коровы. И всегда «нападал» первый.

Однажды в страду возле нас вспыхнул пожар.

Пока сбежались сельчане, пламя охватило два дома. Его скоро затушили. Но я был так напуган криком, суетой и огнем, что само слово «пожар» долго наводило на меня безотчетный ужас. Через несколько лет начался пожар на соседней улице. Забили в набат. Я испугался, задрожал, но в это время отец крикнул:

— Ивась! Бери маленькое ведро, будешь воду таскать!

Я схватил ведёрце и побежал за отцом, забыв о своем ребячьем страхе.

Когда мне было лет шесть, я решил научиться плавать. Другие ребята, постарше, плавают — дай, думаю, и я попробую. Вошел в деревенское Головочево озеро и не успел шагу ступить, как с головой ухнул в ямину. Очнулся уже на берегу — сосед спас. За эту удаль меня дома наказали как следует.

Обидно было слушать, как приятели трунили:

— Что, Лобан, поплавал?

Как водится у ребят, у меня было такое прозвище.

В то же лето я все-таки научился плавать.

Вечерами, когда сельчане приезжают с поля, деревня наполняется шумом и конским ржаньем. Ребята повзрослее водят лошадей в ночное. Я с завистью смотрю, как они с гиканьем вскакивают на коней, засунув за пазуху краюху хлеба, и мчатся в луга.

Наша старая кобыла Машка с норовом. Я обхаживаю ее со всех сторон, стараюсь на нее взобраться. Но куда там! Она лягается, храпит, и я отступаю. Но наконец добился своего:

подманил Машку куском хлеба, вцепился ей в гриву, подтянулся, вскарабкался на шею. Она рванулась, и я чуть было не упал. Подбежал старший брат и снял меня. Машка после этого стала относиться ко мне недоверчиво.

Прошло несколько дней, и как-то вечером отец подозвал меня и сказал:

— Сегодня поведешь Машку в ночное.

Он вывел кобылу, и я кое-как влез на нее. Поехал. Со мной отправился соседний хлопец Яша; он постарше меня, «опытный» конюх.

Приезжаем в луга — уже совсем стемнело. Лошадей отпускаем пастись, а сами подходим к куреню.

Куренем называется место ночлега конюхов в лугах. Всю ночь там горит костер: кто греется, кто варит уху, сало жарит, картошку печет, а кто сказки рассказывает.

Ребята играют в очко на спички, а старики уже спят. Вкусно пахнет ухой. С лугов тянет свежестью, в болотах квакают лягушки. Лошади с хрустом жуют сочную траву. Кричит ночная птица.

Тени у костра кажутся какими-то чудовищами.

Я.знаю, что мне предстоит испытание. Обычай таков: новичок в ночном получает «крещение», чтобы не боялся волков и темноты.

Ребята, завидев нас, повскакали; проснулись и старики. Меня обводят несколько раз вокруг костра — это закон ночного. Потом дают котелок и посылают к речке по воду да велят дорогой коней посмотреть.

Идти в темноте по незнакомым местам страшно. Но не пойти — значит осрамиться, прослыть трусом.

Вспомнились сказки про ведьм и русалок. Но и виду нельзя подать, что боишься. Как хочешь, а страх преодолевай.

Отхожу степенно, а потом не выдерживаю и несусь что есть духу. Добегаю до речки, глаза уже к темноте привыкли. Осматриваюсь, прислушиваюсь — никого. Тишина. И совсем не страшно. Набрал воды и иду к костру медленно, чтобы воду не расплескать, оглядываю по пути лошадей.

Старший куреня берет у меня котелок:

— Молодец, полный донес! Значит, не боялся. Лошадей смотрел?.. В ночном держи ухо востро да над товарищем не смейся, ибо над собой заплачешь! Ну, отдыхай!..

Я вошел в жизнь куреня. ˆ

Усаживаюсь у костра и тоже пеку картошку. Иногда кто-нибудь встает и идет посмотреть лошадей;

иные спят, закутавшись в кожухи, а несколько человек

слушают сказки, были и небылицы. Я поел, дремота меня одолевает, и под чей-то рассказ засыпаю.

…Каждый вечер вожу Машку в табун. И достается же мне от нее! Кое-как приведешь ее в ночное, а домой ничем не заманишь. В село возвращаться приходится до зари — отец в поле выезжает рано.

Сам хлеб не ем, чтобы на него кобылу подманить. А она подойдет, ломоть схватит, повернется и норовит лягнуть — никак не подступишься!

Вот раз еду потихоньку с ночного. Пускать Машку во всю прыть побаиваюсь — сбросит. Въехал уже в деревню. Вдруг из подворотни выбежала собака и с лаем бросилась под ноги Машке. Кобыла вскинула ногами и понеслась. Я испугался, уцепился за гриву и кричу: «Тпру!.. Тпру!..» Куда там! И не думает моя Машка слушаться, вихрем летит по деревне. Еле ее остановил.

После этого я всегда пускал ее галопом.

Как-то отец поздно приехал с поля. Уже совсем стемнело, когда я отводил лошадь в табун. Решил ехать мимо кладбища, самой короткой дорогой. Ехал зажмурившись — накануне наслушался страшных россказней про русалок и ведьм. Возвращаюсь пешком той же дорогой. Иду быстро, чего-то побаиваюсь. Вдруг вижу — чьи-то глаза, как огни, горят. У меня по коже мороз прошел, я пустился бежать: в первый раз ночью встретился с волком. Впопыхах не заметил, как добежал до кладбища. Пот с меня льет, сердце колотится. Смотрю, из темноты идет кто-то высокий, большой, в белом, длинной рукой помахивает, на меня надвигается. Ну, думаю, меня ловит мертвец! Закрыл от страха глаза и бросился бежать, не замечая дороги. А самого любопытство разбирает: «Дай же посмотрю!» Поборол страх, остановился, посмотрел назад: большая белая лошадь хвостом машет. Мне стало смешно, что я испугался лошади, запел песню и не спеша зашагал домой.

3. Первые обязанности

С возрастом у меня появилось упрямство. Отец, человек наблюдательный и вдумчивый, сразу подметил эту наклонность. Он старался переломить ее, незаметно приучая меня к трудолюбию, исполнительности и упорству в работе. И он добился того, что я привык к своим обязанностям в доме и никогда не увиливал от них.

Я еще в школу не ходил, когда отец посадил за домом несколько груш, яблонь, слив. Он и меня заставлял работать: я

рыл и таскал землю, вместе с ним ухаживал за молодыми деревцами, снимал червей, окапывал стволы. Когда деревья стали давать плоды, отец посылал меня караулить их. Я припасал рогатки, камни и, сидя под деревом, прислушивался к ночным шорохам, а самому страшновато было. Иногда отец подойдет неслышно и, если я засну, разбудит:

— Заснул? Плохой из тебя сторож выйдет. Когда я вырос, то спросил отца, зачем он это делал, ведь воров не было. Он засмеялся:

— А как же иначе! Ты у меня меньшой, я тебя и приучал сызмальства ко всякому труду. Я хворал, старел и думал — осиротеешь рано…

Постепенно обязанностей у меня по дому становилось все больше.

Летом с утра до обеда таскаю воду для поливки огорода: наполняю целую бочку, чтобы она не рассохлась, — это моя норма. Несу полные ведра на коромысле бережно, как молоко, а сам чуть повыше ведра. Колодец метрах в ста от дома, устанешь, пока с водой дойдешь. Пасу теленка на лугу. Нас собирается много ребят, и мы бродим по траве среди кустов с утра до вечера. Зорко следим за телятами, смотрим, чтобы они в посевы не зашли, не нашкодили. Если они туда заберутся, то порки не миновать. Иной раз надоест пасти, вскочишь теленку на спину и наездишься вдоволь.

К вечеру тянет домой — хлеб съеден, пора ужинать, и спать пора. Солнце стоит низко, тени становятся все длиннее.

— Пора гнати телят до дому, — дает кто-нибудь команду.

Медленно, лениво идут сытые телята — наелись: поперек себя шире. И мы шагаем не спеша, покрикиваем: «Оле, оле, гей!» Спорим, чей теленок лучше «напасся», сказки рассказываем, а наскучит — начнем бороться, с криком, хохотом катаемся по лужку, мчимся вперегонки.

Зимой я ездил с отцом по дрова. Отец срубает сухие ветки, а я их таскаю к саням. Отец кричит: «Смотри осторожнее, глаз себе не выколи!» За отцом не поспеваю, и он сам принимается укладывать ветви на сани. Туго увязывает их, подсаживает меня на воз, приговаривая: «Держись, Ваня, не упади…» Лошадь трогает; отец шагает рядом, сбоку, — он не садится, чтобы было полегче нашей кобыле. Дома складываю ветви клетками — надо их подсушить.

По утрам чищу картошку для всей семьи, подметаю в хате. Зимой вытираю воду с подоконников, чтобы они не загнили, — отец непременно проверит, сухо ли.

Улицу нашу, с одной стороны открытую для ветра, сильно

заносит снегом. Во дворе разгребаю дорожки — от крыльца и ворот к сараю, погребу.

Днем прибегают ребята и зовут играть. Слышу, кричат:

— Иван! Выходи!

Иной раз еле удержишься, чтобы не бросить все и не побежать на улицу.

4. Поступаю в школу

Читать я научился незаметно. Набегаешься днем, наиграешься, наработаешься, а вечером сидишь за столом, фантики — конфетные обертки — перебираешь и находишь знакомые буквы.

Сижу тихо, как мышонок, чтобы спать не послали. К шести годам, вот так играя, научился я читать и рисовать.

…Утро. Первый день учебного года. Стою на улице и смотрю с завистью на ребят-школьников: я еще мал. Выходит из ворот соседский хлопец, Ва-силь, мой приятель:

— Пидем до школы, я тебе запишу.

Я так обрадовался, что даже не попросил позволения у родителей и побежал за ним.

Бегу — а сам трушу: вдруг учительница откажет? Говорили, что Нина Васильевна — строгая, но ребята ее любили.

Входим в светлый, высокий класс. Больше всего мне понравилась классная доска. «На ней славно рисовать можно», — сразу подумал я. Парты блестят, ребята одеты по-праздничному.

Учительница уже сидит за столом. У нее молодое, доброе лицо, гладко зачесанные черные волосы. Потом я заметил, что, когда она недовольна или огорчена, на лбу между бровями у нее появляется глубокая прямая морщинка.

Василь подходит к ней и, указывая на меня, говорит:

— Нина Васильевна, он читать умеет, я его привел в школу.

Она ласково улыбнулась и внимательно посмотрела на меня:

— Ну, подойди, малыш, к доске, напиши буквы, какие знаешь.

Встав на цыпочки, я старательно вывел буквы.

Учительница дала мне букварь. Сначала я запинался, а потом бойко прочел какой-то рассказ.

Нина Васильевна записала мое имя, фамилию, возраст и сказала:

— Ты еще мал, но все же я беру тебя в первую группу.

Я не помнил себя от радости.

Наступила зима, завалило улицы снегом, начались вьюги и

морозы. Ходить в школу было далеко, но я вставал спозаранок — все боялся опоздать — и почти всегда приходил первый. В классе сидел смирно: заметил, что когда все прослушаешь, от слова до слова, то потом урок выучить легко.

В школе была объявлена война грязным тетрадям и книгам: Нина Васильевна строго следила за тем, чтобы они были в порядке, и я привык их беречь.

Однажды утром был сильный мороз. Ветер рвался на нашу улицу и завывал в трубе. Я проснулся. Смотрю — совсем темно, но мать уже встала и топит печь. Она меня не разбудила: решила, что в такой мороз нечего мне идти в школу. Я со слезами упросил ее отпустить меня.

На улицах ребят не видно. Мчусь что есть силы в школу. Прибегаю. На снежной дорожке — ни одного следа. В окнах темно, из трубы вьется дымок. Поднялся на крыльцо — дверь заперта. Ну, думаю, опоздал! Мне стало так обидно, что я заплакал.

Вдруг дверь открывается и выходит Нина Васильевна. Одной рукой платок на голове придерживает, а другой обняла меня:

— Зачем ты в такой мороз пришел? Ведь мы сегодня не учимся.

А я всхлипываю и молчу. Учительница вытерла мне слезы и повела к себе.

Она сняла с меня курточку, шапку и вдруг испуганно сказала:

— Да у тебя ухо обморожено!

Выбежала во двор, принесла снегу и стала оттирать мне ухо, пока оно не начало гореть. Потом усадила к столу и принесла горячего чаю и конфет.

Я совсем успокоился, пью чай и вокруг поглядываю. У нее в комнате мне еще не доводилось бывать. Мне очень понравилась книжная полка — я еще никогда столько книг не видел.

Когда я кончил пить чай, Нина Васильевна посадила меня возле печки и дала большую книгу с картинками. Сейчас я уже не помню ни картинок, ни заглавия книги, помню только, что мне было очень хорошо у нашей учительницы. С того дня и началась моя дружба с ней. Я часто потом бывал у нее и перечитал все ее книги.

Учился я с увлечением, с утра до вечера пропадал в школе. Но вот однажды перед летними каникулами прихожу домой, отец подзывает меня и как-то доверительно-ласково говорит:

— Я болею, Ваня. Надо тебе прирабатывать. Придется уйти, сынок, из школы. Определил тебя подпаском к дяде.

Я — в слезы. Лицо отца помрачнело. Ему не хотелось, чтобы я школу бросал, но заставляла нужда. И пришлось мне наутро

отправиться в соседнюю деревню, где дядя работал пастухом.

Школу никак не могу забыть. Днем еще ничего — забегаешься, отвлечешься, а вечером не находишь себе места. Первые дни дядя строго следил за мной, не отпускал ни на шаг. Но через две недели он послал меня после обеда пасти несколько коров на выгонах у деревни, а сам погнал стадо в луга.

Вижу, коровы мои в безопасности. Осмотрелся — никого кругом нет. И, недолго думая, побежал домой.

Отец уже спал. Я разбудил его:

— Что хочешь, папаша, делай, но возьми меня обратно.

Отец, ни слова не говоря, слез с лежанки, снял со стены веревку и крепко меня выпорол. За самоволие. Я даже не заплакал. И отец сдался:

— Ничего, видно, не поделаешь. Учись!

5. Куркуль

В то же лето отец мне сказал:

— Денег у меня нет. Если хочешь купить карандаши да краски — сам заработай. Вон куркуль с нашей улицы созывает малых ребят на очистку двора. Может, что и даст.

Куркуль жил неподалеку от нашей хаты, был очень богат и, как все кулаки, славился скупостью и жадностью. Мои старшие братья батрачили на него. Колхоза тогда еще не было.

Нанялся и я к нему. С утра до темноты убирал двор: таскал навоз, мел, скреб. За целый день мне не дали ни кусочка перекусить, недаром говорит старинная поговорка: «От богача не жди калача». И уплатил мне кулак за всю работу… одну копейку.

Во мне кипела злоба. Я решил ни за что не батрачить на ненавистного богатея. Но семья у нас была большая, отец болел. И я опять пошел к кулаку. Целый день гонял на молотилке лошадей по кругу. К вечеру устал, проголодался, но был доволен: на конях накатался вволю и денег, верно, заработал — уж на этот раз, думаю, куркуль проклятый заплатит получше.

Как же я был разочарован, как возмущен, когда за весь день работы на току получил кусок хлеба с тухлыми шкварками! Я швырнул подачку, повернулся и ушел.

6. Горячие дни

По вечерам к нам часто заходил наш сосед, большой друг отца, Сергей Андрусенко. Человек он был замечательный —

партизан Грааданской войны, крепкий большевик, неутомимый сельский активист. Я его очень любил. Шутки и прибаутки у него с языка не сходили, но больше всего нравились мне его рассказы о ратных делах, о стойких и отважных партизанах, о боях с врагами Родины. Как сейчас вижу его моложавое загорелое лицо, живые, выразительные глаза. У него военная выправка, и хоть он не особенно высок, но вид у него внушительный. А рассказывает он, как никто. Я готов слушать его часами. Когда он кончает рассказ, я тереблю его за рукав и упрашиваю: — Ну еще, дядя Сережа!

Он улыбнется, ласково потреплет меня по голове и, если не спешит, непременно расскажет еще какой-нибудь захватывающий, красочный эпизод из своей жизни.

Таких людей, как Сергей Андрусенко, в нашем селе было немало. Все они горячо поддерживали колхозную перестройку деревни.

Помню многолюдные сходки, пламенные речи бывших партизан, оживленные разговоры на улицах, не замолкавшие до полуночи, и взволнованные слова отца: «Теперь у людей открылись глаза — поняли, что кулак на батрацком труде наживается». Помню радостные лица моих односельчан после собрания, на котором было постановлено организовать колхоз и назвать его «Червоный партизан».

На селе было много комсомольцев-активистов; они деятельно помогали коммунистам и колхозному активу проводить такое великое преобразование деревни, как коллективизация.

Мой брат Александр, активист-комсомолец, целые дни проводил в сельсовете, в поле, на сходках. Он одним из первых записался в колхоз и стал работать там счетоводом. Приходил поздно, нагруженный бумагами, работал долго, и я сквозь сон слышал, как он щелкает на счетах и рассказывает отцу о событиях дня.

Недалеко от нас жил коммунист Максимец. Саш-ко по дороге в правление колхоза заходил к нему посоветоваться, как со старшим товарищем.

Как-то иду с ребятами из школы. Смотрю — по улице тянется вереница телег. В гривы лошадей вплетены ленты, а на свежевыкрашенных дугах большими красными буквами выведено «ОКЧП» — об-ражеевский колхоз «Червоный партизан». Мы, конечно, побежали вслед за телегами. Колхозники подсадили нас, и мы важно проехали по всему селу.

В этот день были организованы колхозная конюшня, колхозный двор.

Стал достоянием колхоза и большой яблоневый сад,

расположенный посреди села за высокой оградой.

Сад — краса нашей деревни. Его видно издали, с полей и лугов. Особенно он хорош весной, когда цветут яблони. До революции это было небольшое дворянское поместье, но и после долго еще садом пользовался родственник помещика.

Бывший барский дом, завитый хмелем и диким виноградом, с бассейном перед парадным входом, был отремонтирован. Здесь разместилось правление колхоза.

Народ шел в колхоз дружно, но все же нашлось несколько продажных душонок, которых кулаки, затаившие зло против советской власти, смогли подкупить. Они покушались на жизнь активистов, подготовляли и ограбление колхозной лавки.

То были тревожные дни. Мать беспокоилась за Сашко. Говорили, что у бандитов есть оружие. Все село поднялось на борьбу с ними. Была организована облава. Одного бандита удалось поймать быстро, другой же скрылся в жито. Сельчане помчались по его следам. Я в это время стоял с мальчишками у околицы. Вижу, по огороду бежит Максимец с ружьем. Мне почему-то сразу вспомнились рассказы дяди Сергея о партизанах, и, забыв о том, что нам, ребятам, строго наказано в эти дни не выходить за околицу, я бросился за Максимцем. Подбежал к роще. Там стояли несколько комсомольцев. Не успел кто-то из них крикнуть мне: «Куда ты, хлопец, отправляйся обратно!» — как раздалась стрельба. Один из парубков взобрался на дерево для разведки. Мимо него просвистела пуля. Это отстреливался бандит, которого обнаружил Максимец. Потом все стихло, и я увидел Максимца и еще двух сельчан: они тащили за собой угрюмого детину со злыми, вороватыми глазами.

У нас, ребятишек, в ту пору настроение было воинственное: мы играли в войну, облаву и мечтали поймать настоящего бандита. Я с нетерпением ждал писем от старшего брата Якова — он служил в пограничных войсках в самом южном районе нашей страны, в Кушке. Он писал о борьбе с нарушителями границы. Отец вслух по многу раз подряд читал его письма родственникам и соседям. И дядя Сергей Андрусенко после этого всегда вспоминал боевые дела в Гражданскую войну. Настоящий праздник был дома, когда брат Яков прислал свои фотографии. Он стал неузнаваем: в ладно сшитой красноармейской шинели, возмужавший и, главное, с саблей в руках. Я не мог глаз отвести от этой сабли.

А скоро в село приехал на побывку наш сосед — молодой командир; он учился в военном училище.

На меня такое впечатление произвели квадраты на его петлицах, блестящие сапоги, молодцеватая, уверенная осанка, что

я начал подражать его манере говорить и ходить. И когда вечером он выходил за ворота покурить, то мы, ребята, стояли поодаль и глядели на него в почтительном молчании.

…После того как Максимец поймал бандита, я стал по пятам ходить за ним и за комсомольцами-активистами. Недели две спустя из района приехали агрономы. Сельчане вышли с ними в поле на митинг. Побежал и я.

Вдруг Максимец оглянулся и подозвал меня:

— А ну-ка сбегай за Ниной Васильевной да зайди в сельсовет — скажи, что через час приду на собрание.

Я помчался со всех ног. Прибежал, запыхавшись, в школу. Нина Васильевна улыбнулась, глядя на меня, и сказала:

— Да ты у нас связным сделался. Комсомольцы стали часто давать нам, ребятам,

поручения, и мы наперегонки бежали их выполнять.

И как я был рад и счастлив, когда вскоре на том самом току, где я гонял лошадей кулака, заработала молотилка нашего колхоза «Червоный партизан»!

7. Новая жизнь на селе

Прошло несколько недель после того, как у нас организовался колхоз. Однажды вечером брат Саш-ко сказал мне, что у нас в селе будет клуб. Когда я пришел в школу, все ребята только об этом и говорили. Через несколько дней наши сельчане поехали за строительными материалами. Работа закипела.

В сумерках, когда рабочие уходили, мы, ребята, бегали на постройку и играли там в жмурки. Пахло стружкой, в окна заглядывал месяц, на землю от бревен ложились тени. Все это нам очень нравилось, и мы неохотно шли домой.

Строительство клуба было большим событием на деревне. Его открытия с нетерпением ждали и стар и млад. Я тогда впервые услышал слово «сцена» и каждый день бегал на стройку и смотрел — много ли сделано. Мне все казалось, что работы идут медленно.

Но еще больше радовало всех, что наше село будет электрифицировано. Зимой по вечерам мы сидели с коптилками, а еще совсем недавно и с лучиной. Так велось исстари. И вдруг — электрический свет! У нас будет большой, залитый светом клуб, в хатах загорится лампочка Ильича, а на току будет молотить электрическая молотилка!

Наконец в село привезли столбы. Из района приехали электромонтеры, техники. Весело, споро пошла работа!

Ребята бегали и на постройку клуба и увязывались за электромонтерами — всюду поспевали. Мы суетились больше всех. В школе засыпали учительницу вопросами, и она терпеливо, подробно объясняла нам, как проводят свет, как вырабатывается электроэнергия.

Долгожданный день наступил — ток включен! В хатах светло, уютно, а из школы так бы и не выходил — хорошо там стало! Сельчане ликовали.

В том же году, за несколько дней до Октябрьских праздников, у нас организовался пионеротряд. В ясное, солнечное утро мы до уроков выстроились в школьном дворе, и Нина Васильевна рассказала нам о пионерах, о том, что пионер, борец за дело Ленина — Сталина, должен быть примером для всех ребят. Слова учительницы, которую я любил и уважал, запали мне в сердце. И меня охватило какое-то удивительное, незнакомое до тех пор чувство.

Я очень волновался, давая торжественное пионерское обещание. Произносил слова обещания с той проникновенностью, которая свойственна человеку — и юному и взрослому — в торжественные минуты его жизни.

Вожатый повязал мне пионерский галстук, я был горд и счастлив.

С пионерским галстуком я не расставался. Перед сном тщательно складывал и прятал его под подушку. В первые дни ночью просыпался и смотрел — тут ли он.

Накануне праздника Великого Октября — к этому дню было приурочено открытие клуба — уроки в школе кончились рано. Мы побежали домой, переоделись и собрались у клуба. На нас праздничные, вышитые рубашки. Пионерские галстуки отглажены и аккуратно повязаны. Мы обступили окна клуба и прижались носами к стеклам. Клуб ярко освещен и переполнен. Нам видны на стенах портреты Ленина и Сталина, лозунги, картины, гирлянды зелени. Принарядился сегодня и вожатый — наш сельский комсомолец. Пуговицы на его военной гимнастерке — он ее надевает в особо торжественных случаях — начищены до блеска. Он вводит нас в зал, и мы чинно рассаживаемся по скамейкам — они оставлены для нас. На сцене незнакомый мне человек — докладчик. Мы сидим тихо, только иногда подталкиваем друг друга локтями и перешептываемся: «Хорошо-то как!»

Доклад окончен, и мы хлопаем вместе со взрослыми так, что ладони горят. Потом гости, приехавшие из районных организаций, поздравляют нас с великим праздником Октября, поздравляют с открытием клуба. У всех настроение радостное,

приподнятое.

Вдруг свет погас и ярко осветился экран. Я не помню названия кинокартины — в ней была показана колхозная жизнь: все было близко, понятно. Картина мне до того понравилась, что я несколько дней просто бредил ею.

К нам стали часто приезжать лекторы, артисты, докладчики, давал спектакли кружок самодеятельности при клубе. В школе были организованы хоровой и драматический кружки; ими руководили наши учителя. Художник Малышок нарисовал декорации для наших школьных постановок. На сцене стояли деревья, кусты, хаты. Особенно изумлял занавес.

Мы долго готовились к первому выступлению. Сами рисовали, красили, мастерили. На спектакль пришли деды, отцы и матери. И нам хлопали не меньше, чем настоящим артистам.

Больше всего я любил кино — «туманные картины», как называли их на селе. Когда привозили кинокартину, я не отходил от механика, добродушного и веселого малого, и помогал ему складывать коробки с лентами. Как-то механик позволил мне покрутить ручку во время киносеанса. Это мне доставило, пожалуй, не меньше удовольствия, чем сама картина.

8. Наш пионеротряд

Меня избрали членом редколлегии школьной газеты. И с той поры до окончания семилетки я оформлял школьную и классную стенгазеты, рисовал лозунги и плакаты.

Перед выпуском газеты мы целыми вечерами просиживали в классе: кто готовил заметку, кто вырезал и наклеивал иллюстрации. Тепло, уютно.

Нина Васильевна сидела тут же за столом и поправляла наши тетради. Работали тихо, чтобы ей не мешать. Иногда она, взглянув на часы, скажет:

— Поздно уже, кончайте: вам еще уроки готовить. А мы отвечаем ей ее же словами:

— Раз обещал — надо выполнить. Учительница засмеется, погрозит пальцем и

опять сядет за тетради или объявит перерыв, чтобы прочесть нам статью из газеты или рассказ. Она часто читала нам стихи Пушкина, Шевченко, Маяковского.

Пришла весна. Однажды после уроков Нина Васильевна сказала нам:

— Ребята, давайте возьмем шефство над колхозным садом. На правлении говорили, что его надо привести в порядок. А

время сейчас горячее, начинаются полевые работы. Колхозники нам будут очень благодарны. Садовод вас поучит, как ухаживать за деревьями, и я вам об этом почитаю. Согласны?

Мы хлопаем в ладоши:

— Конечно, согласны, Нина Васильевна! Учительница идет с нами в колхозный сад. Там в сарае сложены резцы, лопаты, весь инвентарь.

Старые яблони набивают бутоны. Сад запущен: сухие ветви мешают молодым побегам.

Мы разбиваемся на бригады: одни расчищают дорожки, другие срезают попорченные ветки.

Залезаю на высокую сучковатую яблоню и срезаю отмершие ветки. Ножницы большие, с пружиной, с ними трудно управляться. Но мне нравится, как они звонко лязгают, откусывая ветку. Нина Васильевна и старик садовод подходят то к одному, то к другому и указывают, какую ветку надо срезать, а какую — не трогать. Сучья сжигаем там же, в саду. Собираем червей, чтобы не поели лист.

В несколько дней сад был приведен в порядок. Мы следили за ним все лето. И не только одно лето: с тех пор мы стали помогать садоводу ежегодно. Сад разросся и поправился. И когда осенью ветви гнулись под желтыми и красными наливными яблоками, когда колхоз собирал обильный урожай, на душе становилось весело. И нам немало перепадало из сада.

После дождей посевы поросли сорными травами. Наш отряд выходит на поле. Раннее утро. Еще не жарко. Тщательно выбираем сорняк, отбрасывая его подальше от посевов.

Солнце начинает припекать. Нина Васильевна говорит:

— Кончайте, ребята, становится жарко. Идемте к речке, обсудим наш поход в совхоз.

И мы гурьбой мчимся на берег, где так хорошо пахнет дикими травами. Садимся вокруг учительницы. Рядом со мной — мой закадычный друг Иван Щербань. Он смелый, веселый хлопец, хороший физкультурник. Иван рано лишился отца и ведет дома все хозяйство. Тут и Володя Латковский. Я люблю бывать у него дома: его сестра — учительница, и у них много книг. Вот и горбунок Ивась, хилый мальчуган. Он живет на окраине деревни, часто болеет, но занятий в школе не пропускает и изо всех сил старается наравне с нами работать в колхозе…

…Недели через две после работы на колхозном поле мы отправились за пятнадцать километров в совхоз на прополку сахарной свеклы. Было чудесное, теплое утро. С песнями незаметно прошли пятнадцать километров по полям и перелескам.

Стараясь не задеть ни одного свекловичного стебля, полол я свою полоску. Мне казалось, что я делаю большое, общественно важное дело. Всем отрядом мы пропололи не один гектар свекольного поля.

Ежегодно по нескольку раз мы приходили в совхоз. Нас встречали очень приветливо:

— Пионеры пришли!.. Угощенье готово — поешьте, передохните, а там и за работу!

Работали с увлечением, соревнуясь, чье звено перевыполнит норму. День проходил незаметно; идешь бывало с работы усталый, но довольный.

На бескрайных полях, засеянных сахарной свеклой, рожью четырехгранкой, коноплей, на приволье, под солнцем, накапливали мы силы, приучаясь к коллективному труду.

Каждое лето во время сенокоса наш отряд жил недели по две в заливных лугах. Мы помогали колхозникам: ворошили душистую траву, а когда она высыхала, подавали к стогам, на возы; разводили костры, чистили картошку, таскали воду.

В полдень, в самый зной, мы вместе с колхозниками ходили на речку Ивотку купаться и отдыхать.

Иногда в низине возле речки набредешь на большую лужу — местами вода долго стоит после разлива. В ней водятся щука и карась. Огородишь лужу со всех сторон, взбаламутишь воду — рыба выходит наверх, и хватаешь ее руками.

Мы брали с собой газеты, брошюры, и вечером к нашему костру подсаживались колхозники. Начнешь читать вслух. Вокруг так тихо, что думаешь: уж не уснули ли все? Посмотришь — нет, слушают внимательно. И старики и молодежь.

Сначала, когда приходила моя очередь читать, я робел, но потом привык и даже бывал горд, что меня слушают взрослые. Я уже понимал, что делаю полезное дело. Бывало, кончишь читать газету — и тебя просят: «Еще, сынок, почитай!» И вопросы задают. На вопросы, конечно, отвечал не я, а комсомольцы или учительница. Завязывалась оживленная беседа. В чтении и разговорах незаметно подходила ночь.

Идем полем в совхоз. Заколосилась рожь. Ветер развевает душистую пыльцу.

Вдруг Нина Васильевна останавливается и говорит:

— Ребята, а помните, какие клочки земли были здесь еще совсем недавно? Вон там была земля кулака, и ваши отцы и братья батрачили на него. А тут была целина. Смотрите, какая теперь на ней рожь! И все это наше коллективное добро, гордость наша!.. Вот подождите, осенью тут заработает колхозная молотилка — вы увидите, как это будет интересно.

И правда, раньше поле было словно в неровных заплатах, а теперь по обе стороны дороги сплошной высокой стеной стояла рожь. Мы долго любовались величественной картиной земли, на наших глазах обновленной коллективным трудом.

Осенью мы выходили в колхозное поле собирать колоски. У каждого — своя полоса. Ползаю по земле. Колос за колосом — набит почти целый мешок. На моей полосе выбрано все, до колоска. Принимаюсь за новую.

— Ребята! — кричит вожатый. — Кончайте, уже за колосками из колхоза телегу прислали!

Мне хотелось собрать все, до колоска. Только подумаю: «Ну, все собрал!»* — смотрю, еще колос. Оглянулся — вижу, несколько ребят копошатся: видно, им тоже не хочется бросать полосу.

Свой мешок я еле дотащил до воза.

9. Буду художником

После того как я самовольно вернулся в школу, убежав из подпасков, отец стал требовательнее относиться к моему учению, ежедневно проверял отметки и домашние задания. И случалось, он сердито говорил:

— Перепишешь упражнение — небрежно сделал. Иногда приходилось переписывать по два-три раза.

В четвертой группе я получил за полугодие «отлично» по всем предметам.

В первый день каникул, вернувшись из школы домой, я увидел на столе разноцветные открытки. Кинулся их рассматривать.

— Это откуда, тату, кому?

— Тебе за успехи. Перерисовывай. Я тебе и красок купил. Малышок обещал, когда кончит срочную работу, поучить тебя. Ну-ка, попробуй!

— Та поисть дай ему! — перебивает мать. Я наскоро ем и сажусь за рисование.

— Мать, иди-ка посмотри, как у него лошадь получилась, — говорит отец.

Он доволен. Доволен и я.

Отец любит природу, знает повадки зверей и птиц, по своим приметам угадывает погоду. Он складывает стихи и по вечерам подолгу слушает пение дивчзт, собирающихся на улице. Ему нравится, что я могу рисовать все, с чем он так свыкся: хату и поле, рощу и стадо.

Моими рисунками он простодушно гордится, хотя и не подает виду. Собираясь в гости в соседнюю деревню, отец говорит словно между прочим:

— А где, сынок, твои картинки, что вчера сделал? Дай-ка сюда.

И несет их в подарок

— Кончишь школу, пойдешь учиться рисовать, — часто повторяет он.

И я привыкаю к мысли, что быть мне художником.

Я подолгу смотрел на картины Малышка, украшавшие клуб. Удивлялся: вблизи мазня, а отойдешь подальше — все оживает.

Художник Малышок был немолод, сутуловат и всегда замазан красками. Когда он работал в клубе, нас туда не пускали. Говорили, что он чудаковат: не любит, чтобы смотрели, как рисует.

Его картины я отлично помню. Может быть, они и не были так хороши, как мне тогда казалось, но я ими восхищался. Особенно мне нравились пейзажи — виды окрестностей нашего села. Я их подолгу рассматривал. И мне очень хотелось научиться рисовать маслом.

Я говорил отцу:

— Ты ведь обещал, тату, что Малышок меня поучит.

— Он скажет, когда можно будет. Хворает сейчас. Сходи, сам узнай…

Но я так и не отважился пойти к нему: он внушал мне какую-то робость. Эту робость я испытывал и при встречах с другим мастером, только по рыболовной части, — стариком по прозвищу Каплун. Он жил все лето в сарайчике на берегу озера Вспольного. У него были свои лодка и сети. К нему из Шостки часто приезжали охотники и рыболовы. Он не любил рыбачить, когда на него смотрели, и шугал ребят. Мы всегда обходили «Каплунов бережок» — место, где обычно сидел старый рыбак.

Малышок умер, когда я перешел в пятую группу. Так и не удалось мне поучиться у него. Долго вспоминал я художника-самоучку.

Рисование выработало у меня глазомер, зрительную память, наблюдательность. И эти качества пригодились мне, когда я стал летчиком.

10. В классе

Группа у нас была дисциплинированная и дружная. Мы вместе и работали и учили уроки. Ссорились редко. Но был у нас

один озорной хлопец — Сергей. Я его невзлюбил за то, что он поддразнивал, обижал горбунка Ивася, доводил до слез. Мне это не нравилось. Частенько у нас с Сергеем дело чуть до драки не доходило. Драться, конечно, мне случалось, и нередко, но где-нибудь на улице, а не в школе. Но однажды я изменил этому правилу.

Я сидел уже за партой, а учительницы еще не было в классе. Вошел Ивась. Он, видно, был нездоров и еле перемогался. Сел на свое место. А Сергей подскочил к нему и ни с того ни с сего ударил по уху. Ивась жалобно закричал, схватился за голову и упал на парту. Тут я не стерпел, у меня даже потемнело в глазах от злости. Бросился на Сергея, мы сцепились в клубок и стали кататься по полу у самого стола учительницы. Я хотя и был поменьше ростом, но оказался сильнее. Только я собрался сесть на Сергея верхом, как вдруг дверь открылась и вошла Нина Васильевна. Мы вскочили. Стою ни жив ни мертв. Стыдно мне, что в классе подрался.

— Он не хотел, Нина Васильевна! Он за Ивася вступился! — закричали ребята.

Нина Васильевна строго велела всем сесть по местам, а после урока она поговорила по душам с нами о дружбе и долге пионера.

Этот случай надолго остался в моей памяти.

В следующую субботу Нина Васильевна собрала нас и сказала:

— Ребята, у нас в классе есть отстающие. Вот, например, Гриша Вареник не в ладах с арифметикой. Кто ему поможет?

Василь, я и еще несколько ребят — все мы учились неплохо — подняли руки.

Учительница посмотрела на меня:

— Вот, Ваня, ты с ним и займись. А вы, ребята, подтяните отстающих по другим предметам.

После уроков мы стали оставаться в школе. Мой «ученик» оказался непоседой. Бывало только начнем заниматься, а он, глядя в окно на волейболистов, заявляет:

— Ну, давай кончать. Я все уже понял.

Но я был упрям: сам не вставал из-за парты и его не пускал, пока не убеждался, что он действительно понял.

Занимаясь с ним, я закреплял и свои знания. Видел, что Гриша тоже постепенно начинает любить арифметику: не уйдет, пока не сделает все уроки. Мне так нравилось заниматься с отстающими, что я подумывал — не стать ли учителем? Но все же больше всего мечтал стать военным.

Пристрастие ко всему военному — очевидно, тут было и влияние рассказов дяди Сергея — особенно выросло у меня после

того, как вернулся из армии, с Кушки, мой старший брат Яков. Он возмужал, стал держаться уверенно, свободно.

Первые дни я от него не отходил — куда он, туда и я. Из школы спешил домой: все боялся пропустить рассказы Якова о пограничной службе, о борьбе с бандитами — нарушителями границы. Мне очень хотелось надеть его форму — френч и сапоги. Но я был мал и, когда пробовал примерить, «тонул» в его обмундировании.

11. На пойме

В тот год широко разлились по лугам Десна и Ивотка. Вышло из берегов Вспольное. Целое море подступило к нашей деревне.

Вода с поймы спадала медленно. Островками выступали бугры, и на них буйно росли щавель и дикий лук.

Утром мы с Андрейкой, соседским мальчиком, захватив большие холщовые сумки, отправились за щавелем к Вспольному. Бродим по лугу — и все нам щавель не нравится. Рассказывали, что у самой Десны на островках он уж очень хорош и сочен. Вдруг видим — несколько ребят волокут по берегу лодку и спускают ее на воду. Мы начали кричать, чтобы они нас подождали. Но ребята поплыли одни. Смотрю: на отмели валяется затопленный челночок, в песок зарылся — видно, его прибило.

Мы живо вытянули лодку на берег, перевернули ее, чтобы воду вылить. Глядим, а лодка худая. Решили ее починить.

У меня в карманах всегда было много всякой всячины — пуговиц, фантиков, гвоздей. А когда я отправлялся на озеро, то брал с собой и паклю. Случалось, найдешь старую лодку, законопатишь щели паклей и наплаваешься вволю, пока лодку доверху не зальет вода. И на этот раз я наполнил карманы паклей. Мы с Андрейкой быстро законопатили наш челн.

Вёсел у нас, конечно, не было. Мы отыскали на берегу дрючки покрепче, спустили лодку на воду, оттолкнулись и стали дрючками грести. Чуть отплыли — лодка дала течь. Гребу один, а мой приятель солдатским котелком черпает воду со дна. Подплываем к лодке. Там Василь — крепкий, сильный паренек, Проня — моя одноклассница и еще несколько ребят.

Они над нашим челноком потешаются:

— Глядите-ка, кто за капитана, дрючками как подгребает!

Мы отшучиваемся, плывем по раздолью и поем песни, словно наша лодка без изъяна.

Вот и островок. Подплыли, выскочили на берег. Далеко раскинулась водная гладь, не окинешь глазом. На островке

зелено, привольно. Мы бросились наперегонки рвать щавель.

Набегались досыта, набрали по целой сумке щавеля — запасов на целую неделю хватило бы. Не заметили, как поднялся ветер, вода разбушевалась, появились барашки.

Мы побежали к лодке. Смотрим — наш с Андрейкой челн до краев полон. Видно, надо всем в одну лодку грузиться.

Побросали в лодку сумки, кое-как разместились и поплыли. Лодка глубоко сидит в воде — борта выходят всего лишь на полладони. Стало страшновато.

Плывем медленно. Лодку швыряет из стороны в сторону. Того и гляди, перевернемся.

Черная туча скрыла солнце. Ветер так и рвет. Дрожим от страха и холода.

Порыв ветра — и лодка чуть не зачерпнула. Второй вал покрыл нас с головой. Лодка опрокинулась. Но у нас под ногами оказалась земля. Выбрались из-под лодки, ухватились за борта. Василю, самому высокому, вода по грудь, а нам всем — по шейку.

Мы начали изо всей силы кричать:

— Рятуйте, рятуйте!

Волны и ветер с ног валят. Барахтаемся в воде, как щенята.

Василь и я стараемся удержать лодку. Ее тянет и сносит течением. Уговариваем остальных:

— Держите челн, не толкайтесь, а то нас сдует! Волны перекатываются через головы. Начинаем

захлебываться.

Берег далеко, но нам видно, как там суетятся ребята. Приметили нас, волнуются.

По берегу Вспольного несется повозка. Вот лошадь остановилась, кто-то спрыгнул, вскочил в лодку, оттолкнулся и гребет к нам. Мы следим за ним, радуемся: спасены!

Лодка подплывает к нам с наветренной стороны. Она уже совсем близко. И вдруг поворачивает и плывет обратно. Мы остолбенели.

— Куда он, тупак, заворачивает? Плывем за ним, ребята! — скомандовал Василь.

Мы вплавь кинулись догонять. Весь страх перед волнами пропал.

Я догнал лодку первый. За мной — Василь. Смотрим, в лодке полно воды. Я сорвал с пояса котелок и стал выгребать воду. Подплыли Андрейка и Про-ня, уцепились за борт. А хозяин лодки все гребет в сторону от того места, где мы чуть не потонули. Узнали его: это дядя Игнат, наш односельчанин.

— Куда ты, дядя Игнат, подберем наших!

— Сейчас сами потонем! — ответил он зло. — Я думал, с

вами моя жинка. Она с утра в Новгород-Северский поехала. Вот я ее и ищу.

Игнат говорит и на нас не смотрит. Он с трудом гребет против волны к кустам — они словно на воде росли.

Доплыли до кустов. Лодку захлестнуло. Стали тонуть. Схватились за ветки. Пробую ногой дно — дна нет. Осмотрелся — кругом вода… До берега не доплыть, и думать нечего.

Нащупал сучок потолще и уперся в него ногами — не то стою, не то вишу. Рядом Андрейка.

Куст качается — вот-вот вырвет и унесет его ледяная быстрая вода. Кто-то сказал:

— Ребята, пропали мы! Тут глубина-а-а… Никто из нас уже не кричал. Мы обессилели.

Только Игнат, сидя на кусте, изредка выкрикивал:

— Караул! Караул! Но и он затих.

Холод пронизывал. Я чувствовал, что коченею. В глазах потемнело, кружилась голова. Огромные волны обдавали меня, чуть не сбивая с куста. Мне казалось, что мы торчим здесь уже целый день. Сковывала странная дрёма. Но я держался крепко, руки словно приросли к веткам.

Я знал, что нас ждет. Жаль было мать, отца, школу. Но почему-то страшно не было.

Не заметил, как впал в беспамятство, словно заснул. И вдруг мне показалось, будто что-то тяжелое срывается с куста. Ветки дрогнули, и послышался всплеск воды.

Сквозь дрёму мне вспомнилось, как мать говорила, что, когда замерзаешь, охватывает оцепенение: заснешь — и конец.

Стараюсь пересилить сон. Хочу крикнуть: «Ребята, Андрейка, держитесь, не спите!» Но голос не слушается. Свело губы.

— Рятуйте! — словно издалека слышу я крик Игната.

И вдруг до меня доносится голос брата Сашко:

— Ивась, держись!

С трудом открываю глаза. Вижу — рядом парусник и кто-то с него протягивает мне руки. Я подаю руку… и больше ничего не помню.

Очнулся я на печке. Полумрак. Лампочка завешена чем-то плотным. Верно, уже поздняя ночь. Все спят, а рядом со мной сидит мама и гладит меня по голове.

— Боюсь, не занедужив бы ты, Ивась, — говорит она и, помолчав, добавляет дрожащим голосом: — Трое втопилися.

В ту ночь я долго не мог уснуть, плакал. Все мне мерещилось, как тонут ребята, как бушует вода и ломаются ветки на кусте под нами.

Больше всего мне было жаль Андрейку: это он упал с куста и

утонул.

Мать не отходила от меня…

Теперь, много лет спустя, мне кажется, что тогда, на разлившейся Десне, мне впервые довелось испытать силу и выносливость.

12. Игры

С малых лет мы увлекались незамысловатыми деревенскими играми. Сколько их было у нас!

Зима. Озера затянулись льдом. С нетерпением ждешь, когда он окрепнет. И наконец слышишь, кто-то из приятелей кричит:

— Айда, ребята, карусель строить! Гурьбой бежим к озеру.

Забиваем посреди льда кол, на него насаживаем колесо от телеги, а к колесу прикрепляем длинную жердь. К концу жерди привязываем санки. Ляжешь на них плашмя, а ребята крутят колесо. И вот несешься по кругу, только в ушах свистит. Не удержишься — катишься кубарем. А если салазки сорвутся, то выбросит на самый берег. Часто и взрослые собирались посмотреть на нашу карусель.

Или вырубишь четырехугольную льдину-кригу, оттолкнешь, бросишься на нее с разбегу и мчишься по льду, пока не налетишь на берег.

Многие ребята катались на коньках. Мне отец коньков не покупал. Я с завистью глядел, как ловко и быстро ребята режут лед коньками, и чуть не плакал с досады.

Решил смастерить коньки. Сделал деревянную колодку, подковал ее проволокой и привязал к ноге.

Правда, на этих проволочных — «дротяных», как мы их называли — колодках можно было кататься лишь на одной ноге, но это меня мало смущало.

Летишь лихо. Одной ногой скользишь, а другой отталкиваешься. Быстроту такую развивал, что дух захватывало. Я так наловчился мастерить эти дро-тяные колодки, что даже другим ребятам делал, выменивая их на карандаши, тетрадки, фантики от конфет.

Дома мне за коньки доставалось: обувка на одной ноге изнашивалась скорее. И отец запретил мне кататься. Только через несколько лет я сам заработал себе на коньки и часто вспоминал лихое катанье на колодке.

Лыжи мы делали сами. Разберем старую бочку и из доски мастерим лыжину. Ребята устраивали большие снежные горы — трамплины — и с них прыгали. Бывало так врежешься в сугроб,

что еле выберешься.

«Сонце повертае на лито, зима на морозы». Подходит коляда, а за ней Новый год. Январь — «си-чень»: «сиче зиму пополам».

В хате вкусно пахнет взваром и медом: мама готовит кутью. Но хочется на улицу: все дела сделаны, уроки приготовлены. Заходит ватага мальчишек:

— Лобан, идем колядовать до вечери!

Колядки, этот пережиток глубокой старины, для нас, ребят, были игрой. В мешок насыпали просо, ячмень, горох — это у нас называлось пашней. Мы ходили по домам и постукивали пашней по окнам.

Кто-нибудь запевал на высокой ноте шуточную:

А в пана, пана Собака пьяна.

Все подхватывали, растягивая слова:

Добрий вечир! Лежить в санях У сыних штанях. Добрий вечир!

Хозяйки давали нам сластей, блинов. С пеньем, плясками, смехом обходили село.

Весной на переменах было шумно и весело. Мы высыпали во двор и начинали азартную игру, развивавшую меткость удара: она называлась у нас «жог». На одной стороне длинного прямоугольного бруска чернилами было выведено «жог».

Собираемся человек по десять; у всех карманы набиты пуговицами. Расставляем их ребрами на земле. Бросаем по очереди брусок: кому выпадает слово «жог», тот начинает игру.

Отходишь на несколько шагов, прицеливаешься и бросаешь брусок по ряду пуговиц. Ловкий удар — и они валятся. Забавно вспомнить, в какой мы приходили азарт и какой интересной казалась нам эта незатейливая игра.

Не меньше, чем волейбол, я любил старинную деревенскую игру «свинопас». В нее, вероятно, играли еще наши предки. Она вырабатывает ловкость, сообразительность.

По кругу на лужайке вырывали ямки-ярочки, а в середине ярочку побольше — «масло». Каяедый охранял свою ярочку. «Свинопас» целился деревянным самодельным шаром в «масло». Надо было отбить шар палкой подальше от круга. Начиналась суматоха: и шар надо отбить, и ярочку уберечь. Чуть отбежишь — ее займет «свинопас». Тогда сам становишься «свинопасом».

Не зеваю. Наношу удар по шару, слежу за движениями «свинопаса», но, случается, увлечешься, не рассчитаешь — и «свинопас» захватит твое место.

Поодаль от деревни, за холмами, — излюбленное место ребят: озеро Вспольное.

Летом оно зарастало очеретом и сытником. Мы были

большие охотники до сладковатых побегов сытника. Пастух пригонял сюда скотину на водопой. На песчаных отмелях хорошо было загорать.

Была у нас и такая игра — кто дольше продержится под водой. Сидишь на дне, а ребята на берегу ведут счет. Зубы стиснешь, зажмуришься, в землю вцепишься, пока в висках не застучит. Только когда совсем невмоготу станет — вылезаешь.

Мы любили устраивать соревнования в заплыве: кто скорее переплывет озеро в оба конца. Со дна били холодные ключи. Плывешь, а тебя обжигают ледяные струи, сводит руки. Пробуешь ногой дно; кажется, что никогда не доберешься до берега, задохнешься. Подплываешь, путаешься в стеблях кувшинок, цепляешься за них — ну, спасся! Чуть передохнешь — и обратно. Только оглядываешься — не перегоняет ли кто?

Весной деревенские озера выходили из берегов. Мостки, перекинутые через ручьи, заливало. Трудно было добраться до школы. Я был невелик ростом, и мне особенно доставалось от вешней воды. Местами приходилось идти вброд.

Я раздобыл жерди, гвоздей и смастерил себе высоченные ходули. Чтобы не поскользнуться на льду, который кое-где лежал под водой, набил гвоздей в нижние концы ходуль.

Долго я тренировался во дворе, прежде чем пуститься в дальний путь. Сначала терял равновесие и летел на землю, но постепенно привык и уже ступал уверенно. Надо мной посмеивались, но когда я прошел через улицу, не замочив ног, отец позволил мне идти в школу на ходулях.

На следующее же утро я взял ходули и пошел. Переходил на них через глубокие места, резал ходулями воду. Сначала меня не узнавали даже знакомые дворовые псы — они с лаем бросались к моим длинным деревянным ногам. Я очень был доволен своим изобретением.

Вошел в школьный двор. Меня обступили ребята. Нина Васильевна очень смеялась, увидев меня на высоченных неуклюжих ходулях, и похвалила мою затею.

Когда подсохло, я соорудил на улице перед хатой турник. Достал ржавую трубу и укрепил ее между забором и врытым в землю столбом. Но турник у меня вышел непрочный. Когда я упражнялся, ребята держали его, чтобы я не слетел. Прохожие останавливались, заглядываясь на мой «цирк».

Скоро в деревню приехал настоящий циркач. Он выступал на клубной сцене: выжимал руками штангу, поднимал зубами гирю и был удивительно силен. Он стоял, широко расставив ноги, и его не могли сдвинуть десять человек Все только ахали.

Силач уехал, а мы, ребята, все о нем вспоминали. И запала

мне в голову мысль сделаться силачом. По вечерам на улице, возле клуба, собирались взрослые парни и соревновались в силе. Кто-то притащил туда двухпудовую гирю. Но никому, кроме одного здорового, сильного парубка, не удавалось выжать ее одной рукой. Я все наблюдал за ним, за его движениями.

Как-то, когда у клуба «никого не было, я решился попробовать поднять гирю — поднял.

Взрослые парни скоро забыли о гире, и я перетащил ее домой. Каждый день вытаскивал во двор и тренировался. Через несколько месяцев научился толкать, а потом и выжимать ее одной рукой. Много лет спустя, когда я стал учиться в Военно-воздушной академии, мне удалось в соревновании силачей двадцать раз выжать гирю. И невольно вспомнил при этом, как я, тринадцатилетний хлопец, впервые в жизни одной рукой поднял двухпудовую гирю и как упорно тренировался, чтобы научиться ее выжимать.

…На село привезли новый замечательный фильм — «Чапаев». В старших классах мы проходили историю Гражданской войны. Героическая борьба Красной Армии с белобандитами и интервентами увлекала и интересовала меня больше всех других предметов. Этим я, вероятно, обязан и дяде Сергею, его живым, образным рассказам о старых партизанах — моих односельчанах. Поэтому фильм о Чапаеве был большим событием в моей юности.

Кинокартина кончилась, а ребята не расходятся: уселись на лужайке за клубом и обсуждают, как воевал Чапаев… И тут придумали мы игру в «Чапая»; играли до поздней ночи, после всех дневных дел и уроков.

Но больше всего я любил летом залезать по высокому каштану на колокольню. Подолгу смотрел, как убегают к самому небосводу луга, леса, поля, смотрел на просторы вокруг села.

На церковный купол вела лестница. Часто мы с ребятами поднимались по ней до самого верха.

Доползем до карниза, свесимся и смотрим вниз. Сначала дух захватывало, потом привыкли и бегали вокруг купола, состязались: кто быстрее заберется на крышу, кто быстрее спустится. Простые деревенские игры постепенно вырабатывали ловкость, силу, физическую выносливость, быстроту, осторожность, которые в будущем оказались так необходимы мне, летчику.

Часть вторая ПО ПУТЕВКЕ КОМСОМОЛА

1. Куда пойти?

В труде, учебе, играх незаметно пролетело детство. Весной 1934 года я кончил семилетку. Со всех сторон Союза в ту пору сообщалось о строительстве заводов-гигантов. Рос Кузбасс. Строился Беломорканал имени Сталина. В Москве сооружался метрополитен. Закончилась героическая эпопея советских полярников-челюскинцев.

Большие события в стране захватывали меня. Хотелось быть там, где свершались все эти великие дела.

Дома у нас произошли перемены: всем хозяйством ведают старший брат Яков и его молодая жена; отец и брат Григорий работают на заводе. А брата Сашко мы проводили в армию, и я с нетерпением жду от него писем. Мама по-прежнему смотрит на меня как на маленького. Ей хочется, чтобы я остался дома, был у нее на глазах. Часто по вечерам отец заводит со мной разговор о том, куда мне пойти учиться. Ему хочется, чтобы я получил специальность слесаря или токаря.

— Ремесло не коромысло, плечи не вытянет, — говорил он. — А учиться рисовать негде, надо ехать в большой город. Лет тебе еще немного, не уйдет. Подрастешь, там видно будет.

Отец любит завод, и мне тоже хочется учиться и работать на производстве. Но я вдруг решаю попытать счастье стать военным. От ребят я слышал, что воинская часть, стоящая в Шостке, набирает учеников в духовой оркестр. Ученикам выдается военное обмундирование, они там в части и живут. Думаю о том, какая интересная жизнь ждет меня, если я попаду в воинскую часть.

И вот однажды утром я отправился в город. Часть я нашел по звукам духовых инструментов. Скрежет и гул наполняли воздух: очевидно, упражнялись ученики. Но для меня эти звуки были нежной музыкой. У ворот стоял часовой. Мне показалось, что он очень важен и строг. Я долго вертелся около него, не решаясь ни о чем спросить. Наконец отважился:

— Дяденька, где тут учеников в духовой оркестр набирают?

Он посмотрел на меня, засмеялся:

— Иди-ка, хлопец, домой, подрасти сначала.

Так, не добившись толку, обиженный и уязвленный до

глубины души, я побрел домой. О своей неудаче промолчал, чтобы не засмеяли, и вечером отправился к Нине Васильевне.

Как семь лет назад, сижу за столом в ее комнате и пью чай с конфетами.

— Помните, Нина Васильевна, как я плакал у школы, как вы мне ухо оттирали?

Нина Васильевна улыбается:

— Конечно, помню. Совсем ты тогда маленький был. Помню еще, как ты из подпасков убежал… Ну что ж ты, Ванюша, решил? Что будешь делать?

— Я хочу в ФЗУ пойти, Нина Васильевна. Нина Васильевна, помолчав, сказала:

— А я считаю, что тебе непременно надо продолжать образование. У тебя способности есть. А главное, ты работать умеешь. Я тебе советую подготовиться в педагогический рабфак. По-моему, из тебя выйдет хороший педагог. Об этом я думала, еще когда ты в третьей группе занимался с отстающими. Как ты сам на это смотришь?

— Да я бы хотел, но… Меня, Нина Васильевна, на стройку, на завод тянет. Техника мне нравится. Если изучу ремесло, пойду на, завод, на большое строительство поеду, в Кузбасс… да мало ли мест!.. Может, в экспедицию куда-нибудь…

— Ты мое мнение знаешь, — говорит Нина Васильевна. — Тебе надо учиться.

Я еще раз посоветовался с отцом и все же решил учиться ремеслу. На следующий день после выпускного вечера отправился в Шостку в ФЗУ. Медленно шагал по улицам, рассматривал вывески, плакаты и даже подумывал: «Вот бы стать мастером по росписи вывесок!»

Прошел мимо четырехэтажного дома. Вспомнилось, как я разглядывал его лет десять тому назад, сидя на возу, запряженном кобылой Машкой. У подъезда большие надписи: «Химтехникум», «Педрабфак» и объявление: «Открыт прием в школу рабочей молодежи. Принимаются лица, закончившие семилетку». Я постоял в раздумье: неплохо бы здесь учиться! И все же пошел в ФЗУ.

Вот и двор ФЗУ. Спросить, как пройти в канцелярию — так наказывал отец, — не у кого. Открыл первую попавшуюся дверь и очутился в мастерской. Светлое, чистое помещение, станки, инструменты. Отец прав: хорошо здесь.

— Ты как сюда попал? — вдруг раздался чей-то голос.

Передо мной высокий немолодой человек в спецовке. Очки сдвинуты на лоб, глаза смеются, но лицо строгое. Оробев, отвечаю:

— Я учиться…

Он оглядывает меня:

— Мал еще, друг. Лет-то тебе сколько?

— Четырнадцать.

— У нас с семнадцати принимают.

— А как пройти в канцелярию? — спрашиваю запинаясь.

— Тебе там делать нечего. Я — мастер и детей не принимаю.

Я повернулся и ушел. Мастер крикнул вдогонку:

— Подрастешь — милости просим!

Опять неудача! Мне так было обидно, что, возвращаясь домой, я даже всплакнул.

Раздумывал я недолго. На следующий день подал заявление в школу рабочей молодежи. И через неделю был принят.

Узнав об этом, отец долго молчал, а потом сказал вздыхая:

— Ты у меня упрямый, Иван… Что ж, учись!

2. Решение принято

Занятия начались с осени. В школе училась рабочая молодежь с завода; поступил и Ивась, тот самый, из-за которого я дрался в классе.

Учение кончалось в одиннадцать часов вечера. Мы возвращались в деревню вчетвером. Два моих односельчанина учились на педагогическом рабфаке. Они с Ивасем сворачивали, не доходя километра до села, и мы долго перекликались.

В слякоть, в пургу, в мороз ходили ежедневно по семь километров до Шостки да по семь — обратно. Учиться было нелегко, особенно много приходилось заниматься русским языком: у нас в сельской школе занятия шли по-украински.

Перед Октябрьскими праздниками меня вызвал директор и сказал:

— У нас организуется библиотека. Хочешь там работать? Будешь получать зарплату — на первый раз сто рублей в месяц. Утром будешь работать, а вечером заниматься.

— Конечно, хочу, товарищ директор, только…

— Пойдем туда, там и побеседуем. — Он показал рукой в направлении библиотеки.

В большой комнате стояли столы и несколько книжных шкафов. Пожалуй, мне не справиться — так много незнакомых книг. Да и как приступить к совсем новому делу?

Директор заметил мою растерянность:

— Тебе дается двухнедельный испытательный срок. Сходи в городскую библиотеку, там тебя проинструктируют. Вот Леня

Дмитриев, секретарь учебной части, тебе поможет. Смелее за дело!

Леня — он был постарше меня и тоже учился в школе — взял надо мной шефство, помог мне разобрать книги, передал кдючи от всех шкафов.

Наутро я пошел в городскую. библиотеку. За столом в отделе выдачи книг сидел молодой человек в очках и быстро, но осторожно перелистывал книгу в красивом переплете.

Он поднял голову:

— Зайдите попозже. Выдача книг с пяти.

Я объяснил, зачем пришел, и подумал: «Тоже скажет, что я еще мал!»

Но библиотекарь отложил книгу и протянул мне руку:

— Что ж, поучитесь библиотечному делу! Главное — помните, что библиотекарь должен знать и любить книгу. Снять с полки, записать, принять и обратно поставить — это еще не все, что требуется от хорошего библиотекаря. Умей объяснить, порекомендовать читателю и подыскать нужную ему литературу. Ты обязан быть сам начитанным. Читай и конспектируй. Без стеснения спрашивай, если что не понял. А теперь я познакомлю тебя с работой библиотекаря.

Он перешел со мной на «ты» и несколько дней терпеливо учил меня.

Я впервые начал серьезно, систематически читать книги по списку, который мне дал библиотекарь. Внимательно следил за газетами, журналами. Часто ходил на консультации к библиотекарю. Он меня встречал дружески:

— Ну, как дела? Что читаешь? Пришли ли новые книги, журналы?

Прежде чем выдавать новые книги, я их прочитывал сам. Не отрываясь, залпом прочитал только что изданную тогда «Как закалялась сталь». Книга глубоко взволновала меня, я долго жил под ее впечатлением. Павел Корчагин стал моим любимым героем. Много раз я перечитывал замечательную книгу Николая Островского, и она помогала мне работать над собой.

Очень понравилась мне «Занимательная физика», увлекали научно-популярные журналы. Все больше и больше интересовался техникой.

Я был так занят работой и учебой, что часто оставался ночевать в канцелярии; спал на столе, подложив под голову несколько книг.

Иногда ребята помогали мне разбирать книги и, зачитавшись, тоже оставались до ночи в библиотеке.

Испытательный срок прошел, и меня зачислили приказом на

должность библиотекаря. Радостно и гордо нес я домой после первой получки гостинцы — буханку белого хлеба и конфеты.

Работа в библиотеке дала мне много. Я полюбил мир книг, газет, журналов. Они стали моими настоящими друзьями, вооружали меня знаниями. Передо мной все шире и шире открывалась величественная картина строительства в нашей стране.

Незабываемое впечатление произвела на меня историческая речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии, слова вождя о том, что «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса». Сталинский призыв усилил мое желание заняться изучением техники.

Помню и то, как я был поражен и заинтересован рекордом Алексея Стаханова. Сто две тонны угля вместо семи по норме за смену! Дня через три парторг шахты Дюканов вырубил за шесть часов сто пятнадцать тонн. А еще через несколько дней Стаханов вырубил двести двадцать семь тонн. В газетах замелькали фамилии героев труда, последователей Стаханова. У нас в обиходе появилось новое слово — «стахановец». Возникло могучее патриотическое движение стахановцев.

В те дни я узнал, что в техникум принимают с шестнадцати лет. И решил, не заканчивая школы, подготовиться к экзаменам в педагогический рабфак или химический техникум. Какую же специальность избрать? Я не мог принять твердое решение: меня увлекала техника, но в то же время хотелось учиться рисовать, заняться педагогикой — все казалось мне интересным.

— Пошли заявление в техникум, где на художников учатся, — советовал отец.

И я послал заявление… прямо в Академию художеств, в Ленинград. Через несколько дней из Ленинграда пришел ответ. Мне сообщили условия приема на подготовительные курсы. Условия оказались трудными. Да и ехать в Ленинград было далеко. Само слово «академия» казалось каким-то строгим, значительным, и робость охватила меня.

Вечером мы держали совет с отцом. «Стар стал отец», — думал я, поглядывая на его усталое лицо. Он долго молчал, а потом сказал:

— Я, Ваня, думаю: дюже далеко ехать и расход большой. Я болею. Мать тоже. Куда от нас, стариков, поедешь? Что делать, сынку… — И добавил: — Ты еще молод, и рисование не уйдет от тебя. Изучи пока ремесло.

Я знал: отцу самому жаль, что я не поеду учиться в Ленинград, и настаивать не стал. Но ответил решительно:

— Нет, папаша, я буду 'здесь сдавать экзамены в

педагогический рабфак или химический техникум. Не зря же готовился!

Отец подумал и согласился:

— Это дело другое. Попытай.

Я сдавал экзамены одновременно в рабфак и в химический техникум. Все испытания выдержал. Куда же пойти учиться? Техникум готовил производственников. Значит, в будущем меня ждет работа на производстве, на строительстве. Именно этого мне так и хотелось, видимо, под воздействием того подъема, с каким осваивалась техника во всех уголках страны. И отец твердил: «Поступай в техникум. Изучишь ремесло — от завода не оторвешься». Мой выбор остановился на техникуме. И осенью 1936 года я был туда зачислен.

3. Горе

С первых же дней ученья в техникуме я увидел, что заниматься надо много и упорно. На дорогу домой, в деревню, уходило немало времени, и я решил переселиться в общежитие. Отец согласился на это сразу, а мать плакала, когда я уходил с котомкой из дому.

— Что ты, мамо, я ведь не в Ленинград! Буду на выходной день домой приходить.

Но мне казалось, что я отправляюсь куда-то далеко.

Мать смотрела мне вслед пригорюнившись. Я оборачивался, махал рукой, пока не повернул за угол.

Неделя прошла быстро. Перед выходным сразу после занятий пошел домой. Соскучился по матери и беспокоился о ней: в последнее время она все чаще хворала. Казалось, никогда не пройду семь километров до села.

У дверей меня ждал отец:

— Плохо матери, Иван. Надо уговорить ее поехать в больницу.

Я бросился в хату.

Мать лежала. Я сел рядом и стал ее уговаривать лечь в больницу, но она и слушать не хотела:

— Всё життя маюсь. Краще умру, а з дому никуди не пийду.

Ее упорство было мне непонятно. Ни уговоры, ни просьбы не помогали.

На следующий день мать почувствовала себя лучше. Зная, как я не люблю пропускать занятия, она под вечер сказала:

— Иди, сынок, дотемна. У меня все пройшло. Я ушел из дому поздно вечером.

В общежитии еще долго сидел за книгами, но сосредоточиться было трудно. Упрекал себя, что не заставил мать поехать в больницу

Рано утром меня разбудил брат Яша. Я вскочил и не мог понять, зачем он здесь. Он молчал. Я посмотрел ему в лицо и увидел слезы на глазах.

Я сразу понял.

— Мамо?..

Он кивнул головой.

Как я пришел домой — не помню.

В хате было полно народу Отец стоял, закрыв лицо руками. Плечи у него вздрагивали. Плач, причитания. Я убежал на погреб, бросился на землю и долго пролежал там в оцепенении, без слез. А утром после похорон ушел в Шостку.

Несколько недель я не ходил в деревню: дом опустел для меня, хотя там оставались отец, сестра и братья.

4. В общежитии

Целыми днями, а перед зачетами и ночами я сидел за книгами. Времени для спорта оставалось мало, но я все же занимался им ежедневно: тренировался на турнике и с гирей.

Меня приняли в команду футболистов. В сухие осенние дни после лекций мы гоняли мяч на лужайке за техникумом. А потом я опять садился за книги.

…В комнате со мной живут еще трое студентов. Они постарше меня, но мы учимся на одном курсе.

Ребята хорошие, дружные. Они — комсомольцы и отличники учебы.

Особенно мне нравится староста нашей комнаты — Тихон. Я ему во многом подражаю. Он удивительно трудолюбив и может заниматься при любом шуме. Упрется локтями о стол, зажмет уши ладонями и читает. При этом выпивает огромное количество чаю. Ребята его уважают, но подшутить над ним любят.

Вечером мы все занимаемся за большим столом. Иногда заходят ребята из соседней комнаты и зовут в кино.

Поглядываю на Тихона — он продолжает читать.

— Не пойду, — отвечаю я. — Мне еще заниматься надо.

Все знают, как сосредоточенно читает Тихон, и любимая забава у ребят — вытащить у него из-под самого носа стакан с чаем. Тихон, не отводя глаз от страницы, начинает шарить рукой по столу. Слышится смех.

— Куда стакан делся? Опять заниматься мешаете? — Тихон

вскакивает. — Давай, Иван, выгоним их… Ну, кто кого? Мы — их или они — нас?

Начинается кутерьма. Бегаем с хохотом вокруг стола, пока я не укладываю на обе лопатки парня, подшутившего над Тихоном.

— Хватит бездельничать, ребята! А кто кончил — может идти гулять, — говорит Тихон.

Остаемся с ним вдвоем. В комнате тишина, и мы долго сидим за книгами.

…Отца я навещаю часто. Иногда по вечерам после работы он заходит ко мне в общежитие:

— Хорошо у вас, светло, чисто. Ну, я посижу, а ты занимайся, сынок

Отец усаживается у стола и читает. Изредка оторвется от книги, посмотрит на меня и спросит, что я сейчас учу.

5. Вожак комсомола

Как-то в выходной день я вернулся от отца и сел заниматься. В дверь постучали. Вошел секретарь первичной комсомольской организации Мацуй. Я еще ни разу с ним не говорил, знал его только в лицо, но слышал о нем много хорошего. Ребята говорили, что с ним можно всем поделиться, все ему рассказать. Он пользовался среди учащихся большим авторитетом. Мацуй часто заходил в спортивный зал, хотя сам спортом не занимался: я слышал, что он болен туберкулезом. На вид он казался здоровым. Его открытое лицо было румяно, умные глаза удивительно ясны, держался он прямо и был весь аккуратный, собранный.

Я вскочил.

— Извини, что помешал. — Мацуй пожал мне руку. — Вчера в спортзале видел, как ты на турнике работаешь. Говорят, ты и рисовать умеешь.

— Я ведь не учился.

— Знаю. Но слышал, что ты еще в школе оформлял стенгазету…

Комсомольский руководитель говорил со мной по-товарищески, но я от застенчивости молчал, глядя в пол. А Мацуй словно и не замечал этого:

— Нам для стенгазеты «Советское студенчество» нужен художник. Работа большая. Хочешь оформлять?

— Еще бы! Он улыбнулся:

— Покажи-ка мне свои рисунки.

Волнуясь, как на экзамене, я вытащил несколько зарисовок.

Мацуй внимательно разглядывал их и приговаривал: «Дело пойдет».

Дня через два я был выбран членом редколлегии нашей стенной газеты и ко Дню Конституции СССР в первый раз ее оформил.

С комсомольским руководителем я скоро подружился. Мацуй был человеком наблюдательным и чутким, но твердым и непреклонным. Я чувствовал, как он незаметно вошел в мою жизнь, как направлял ее, руководя многими моими поступками.

Мацуй любил заходить к нам в комнату, но чаще он бывал там, где ребята жили не очень спаянно и отставали в учебе. Ему всегда удавалось предотвратить чью-нибудь ошибку или проступок.

— Давайте почитаем вместе «Комсомольскую правду», — иногда предлагал он, войдя к нам в комнату; садился за стол, читал вслух, а потом беседовал с нами.

Мацуй был хорошо политически подготовлен и умело разбирался в вопросах, стоявших перед комсомольцами и всей советской молодежью. Говорил он живо и увлекательно. Когда он проводил беседы по текущей политике, разговор сразу делался общим.

Я давно мечтал вступить в комсомол. Решил поговорить об этом с Мацуем, но мне все казалось, что я недостаточно подготовлен. Как я обрадовался, когда однажды в аудитории Мацуй сказал нескольким моим однокурсникам и мне:

— Пора вам, ребята, в комсомол. Будем вместе работать.

Мы окружили Мацуя. Он был в том приподнятом настроении, которое я очень любил в нем; в эти минуты наш комсомольский вожак говорил особенно увлекательно, горячо и задушевно. И слова у него были простые, убедительные. То, что он сказал нам в тот вечер о комсомоле, о святом долге члена ВЛКСМ, было близко и понятно каждому. Я слушал его, и мне хотелось сделать что-то большое, чтобы быть достойным высокого звания комсомольца. В это время Мацуй заговорил о трудовых подвигах, о том, что и на небольшом участке работы можно принести огромную пользу. Я вспомнил о своем брате, комсомольце Александре. С каким увлечением работал он счетоводом в колхозе и сколько принес пользы своей скромной работой!

В этот же вечер я с волнением, тщательно выводя каждую букву, написал заявление в комсомол и на следующий день отнес его в комитет.

6. Обещание комсомольца

Однажды мне сказали, что внизу меня ждет военный.

Я сбежал по лестнице. У окна стоял красноармеец и смотрел на улицу. Он обернулся — я сразу же узнал брата Сашко. Как он изменился — возмужал за эти три года! В нем появилась выправка, которая мне так нравилась у военных.

Он обнял меня:

— Ну и вырос же ты! Я за тобой пришел, не дождался выходного.

Сашко, как отличника-красноармейца, отправили на учебу в военное училище. Он приехал домой на побывку. Мы с ним пошли в деревню, и дорогой я рассказал ему о Мацуе, о том, что подал заявление в комсомол, об учебе. А Сашко до поздней ночи рассказывал мне — мы спали вместе в амбаре — о своей жизни в армии. Мне было приятно, что старший брат уже не смотрит на меня как на маленького, что я стал для него товарищем.

Сашко провел дома две недели. Я часто бывал в деревне, и мы подолгу говорили с ним. Он подарил мне сапоги, галифе и футболку с голубой полоской. «В тот день, когда в комсомол вступать будешь, наденешь, — сказал он мне. — Ведь это для тебя большой праздник».

Александр уехал, а через неделю было назначено комсомольское собрание. Все знали, что оно посвящено приему в комсомол.

Я очень волновался, готовясь к собранию. В тот вечер пришел в клуб раньше всех. Зал постепенно наполнялся. Мне казалось, что сегодня у всех собравшихся особенное, торжественно-приподнятое настроение.

Я сидел в первом ряду. Уже приняли нескольких ребят. Мацуй назвал мою фамилию. Я даже вздрогнул. Поднялся на сцену. В зале — тишина, а мои новые сапоги скрипят и стучат, словно нарочно. Мне показалось, что я очень смешон, и от этой мысли бросило в жар. Оглянулся — нет, никто не смеется; вокруг дружеские, серьезные лица. Мне еще не приходилось выступать перед такой большой аудиторией. Было неловко, я не знал, куда деть руки. Встал в струнку, как на военных занятиях, и, отвечая на вопросы слишком быстро, глотал слова. Мацуй на меня не смотрел и постукивал по столу карандашом. Я знал его привычку: стучит — значит, недоволен. Поглядел на Тихона. Поймав мой взгляд, он ободряюще кивнул.

Я старался отвечать медленнее, обстоятельнее. Вижу — Мацуй оживился, улыбается, отложил карандаш. Говорит что-то секретарю райкома комсомола, тот тоже улыбается. На душе стало легко.

И я произнес речь, первую в своей жизни. Говорил о том, что

сегодня у меня большой праздник, что такое же радостное чувство я испытывал много лет назад, когда вступал в пионерскую организацию, что теперь даю обещание быть верным комсомольцем-ленинцем.

В зале зааплодировали, и мне опять стало неловко.

Я был принят единогласно. Секретарь райкома сказал мне:

— Будьте же достойны нашего комсомола!

И я понял, что только сейчас вступил в пору сознательной жизни…

7. Учебный год

Требования в техникуме к нам большие. Несколько студентов были отчислены за неуспеваемость. Перед экзаменами я очень волновался — вдруг провалюсь! — но сдал все предметы на «отлично» и «хорошо».

Ребята стали разъезжаться на каникулы. Собрался и я в деревню, но меня вызвал к себе председатель профкома:

— За отличную учебу и активную работу в комсомоле ты премируешься путевкой в дом отдыха в Новгород-Северский. Поезжай, отдохни.

Вошел Мацуй, озабоченно посмотрел на меня и сказал:

— Ты даже похудел за время экзаменов. Поправляйся, людей посмотри, себя покажи.

Путевки получили еще несколько студентов-отличников, и мы дружной, веселой компанией поехали отдыхать. Чудесные две недели провел я в небольшом доме отдыха на высоком берегу Десны, в вековом парке, возле старинного монастыря — исторического музея. С крепостного вала открывался замечательный вид на леса, заливные луга, болота. Мы ходили с экскурсоводом по историческим местам, влезали на крутой холм, где, по преданию, стояли новгород-северский кремль и терема князя Игоря — некогда неприступное оборонительное сооружение; осматривали пещеры, купались в Десне, загорали на горячем песке, по утрам занимались гимнастикой, потом играли в городки и на бильярде. Для меня это был не только отдых. В эти дни я многое узнал из истории Родины. В Шостку я вернулся загоревший, полный сил и энергии, новых впечатлений.

На втором курсе в начале года меня перевели на механическое отделение. Этим я был обязан заведующему учебной частью. Он хорошо знал студентов и часто беседовал с нами. Минувшей весной я ему как-то сказал, что меня очень интересует механика, машины. Он запомнил это, и мое желание

осуществилось.

Я увлекался черчением. Оно давалось мне легко. Привык к точному измерению деталей, аккуратности, приобрел навыки, которые потом, когда я стал изучать самолет, мне очень пригодились.

Заниматься в техникуме становилось все труднее и интереснее. Приступили к занятиям в лаборатории, началось чтение специальных дисциплин. Но, несмотря на дополнительные лабораторные занятия и чертежи, свободное время оставалось. Может быть, оттого, что я уже привык работать систематически и, следуя советам Мацуя, тщательно планировал свой день. Я даже успевал ходить в городскую библиотеку и там дополнительно читать техническую литературу.

Новыми моими товарищами по комнате были Миша Вербицкий — его все звали «профессором»: он был начитан, серьезен и хорошо знал математику — и Кузьма Филонов, добрый, веселый украинский парубок, с которым я любил меряться силой.

К Октябрьским праздникам нам поручили оформлять клуб. На несколько дней наша комната превращается в мастерскую: по вечерам Кузьма варит зубной порошок с клеем, Миша режет, клеит, а я рисую. К нам то и дело забегают ребята посмотреть на нашу работу.

Торжественно отпраздновав двадцатую годовщину Октября, мы начинаем готовиться к 12 декабря — дню выборов в Верховный Совет СССР. У нас в техникуме избирательный участок. Оформляю его лозунгами и плакатами. Но очень обидно, что не смогу принять участие в выборах — мне еще нет восемнадцати лет.

Миновал праздничный день 12 декабря. Наступили будни. Потекла размеренная жизнь от зачета к зачету. Незаметно подошла весна, а с ней и переводные экзамены.

8. Новое увлечение

В воскресенье утром, как всегда, до завтрака занимался гимнастикой в спортивном зале. Вошли два студента с третьего курса. На них были новые военные гимнастерки и до блеска начищенные сапоги. Ребята держались независимо и молодцевато.

— Что за маскарад у вас, товарищи? — спросил я.

— Маскарад?! Мы учимся в аэроклубе, и нам выдали форму.

Я застыл на турнике.

— А как вы туда попали?

— Очень просто: взяли в комитете комсомола характеристики, написали заявления, и нас приняли.

— А что вы изучаете в аэроклубе?

— Сейчас заканчиваем изучение материальной части самолета и теории авиации. Скоро выйдем на аэродром. Пока тренируемся на батуте.

— Что такое батут?

— Сетка для тренировки вестибулярного аппарата. Я ничего не понял. Спрашивать было как-то неловко, но я все же решился:

— А это интересно?

Аэроклубовцы не без презрения посмотрели на меня, и один из них сказал:

— Он еще спрашивает!.. Но летать не все могут. Говорят, неспособных будут отчислять из аэроклуба, чтобы зря на них бензин не тратить.

— А как вы успеваете и в техникуме и в аэроклубе?

— Так и успеваем. В аэроклубе есть ребята и с завода. Учатся без отрыва от производства.

— Ну, кончите аэроклуб… А дальше что? — допытывался я.

— А потом пойдем в летное военное училище… если, конечно, все испытания сдадим и по здоровью подойдем.

Они стали упражняться на кольцах, а я сидел на турнике и думал: «Вот это здорово — летчиками станут!»

Один из аэроклубовцев, ловко подтягиваясь на кольцах, заметил:

— Нас инструктор по парашютному делу каждый день заставляет физкультурой заниматься. Говорит: летчик должен быть хорошим спортсменом.

— Ну, этого-то я не боюсь!

— А ты что, тоже захотел в аэроклуб поступать?

— Не знаю еще, — ответил я.

Но у меня уже созрело твердое решение при первой возможности поступить в аэроклуб.

Начались экзамены, и думать об аэроклубе было некогда. Экзамены сдал хорошо, перешел на третий курс, и меня опять отправили на отдых в Новгород-Северский.

Беззаботно и весело бежали дни. Но нашу спокойную жизнь нарушило сообщение в газетах: 29 июля японские войска нарушили советскую границу в районе озера Хасан и атаковали высоту Безымянную, советские пограничники вступили в бой с японскими захватчиками; 31 июля японцам удалось захватить высоты Безымянную и Заозерную.

6 августа началось наше наступление. С каким волнением

следил я за сообщениями с далекой восточной границы нашей Родины! Замечательна была доблесть наших артиллеристов, танкистов, пехотинцев, но почему-то я был особенно захвачен сообщениями о действиях советских летчиков. Там, в районе Хасана, стояла дождливая погода, ни один вражеский самолет не осмелился подняться в воздух из-за тумана, а наши самолеты непрерывно появлялись над сопками, занятыми японцами.

В эти дни я прочитал книгу Валерия Павловича Чкалова о перелете через Северный полюс. Замечательный облик великого летчика-патриота, подвиг советских авиаторов, совершенный ими во славу Родины, еще больше привлекли меня к авиации.

9. Зачислен в аэроклуб

Каникулы пролетели быстро. Наступила осень, и началась напряженная учеба на третьем курсе: я был поглощен заботами о чертежах, курсовых проектах, стенгазете, подготовкой к лекциям.

Однажды я снова встретил знакомых аэроклубовцев. Стал расспрашивать их о летной учебе. Они рассказали, что уже закончили летную практику и ждут приезда комиссии, а пока продолжают учиться в техникуме.

— А прием в аэроклубе уже закончился?

— Занятия начались, но если подашь сейчас заявление, может быть, и примут.

Будущее военного летчика, возможность попасть в военное училище были заманчивы. Но я боялся сорвать учебу на третьем, очень трудном курсе, поступив в аэроклуб. Миша и Кузьма, когда я поделился своими сомнениями, начали меня отговаривать.

Решил посоветоваться с Мацуем и пошел в комитет комсомола. Наш секретарь был чем-то занят, и я, присев у стола, ждал, когда он освободится. Мацуй часто кашлял и, видимо, перебарывал недомогание.

Отложив бумаги, он провел рукой по лбу:

— Ну, Иван, рассказывай, зачем пришел.

— Есть у меня одна мечта… У нас двое ребят аэроклуб кончили…

— Да, знаю. Они уже летают. Молодцы! Им нелегко было совместить учебу в техникуме и в аэроклубе, упорства для этого много надо. И ты хочешь?

— Очень. Но, знаешь, я поздно собрался. Говорят, там давно начались занятия.

— А ты сходи, узнай. Мне тоже хотелось заняться летным делом, да вот здоровье подкачало, врачи не пропустили. Если

хочешь знать мое мнение, то я советую: поступай. Только не запускай занятий в техникуме. Справишься, если будешь умело время планировать. А трудностей не бойся. Помнишь боевой клич девятого съезда комсомола: «Комсомольцы, на самолет»! Действуй, Иван!

На следующий день я отправился в аэроклуб. Там мне сказали, что заявление и документы подать еще можно, что меня примут и если я сумею догнать учлетов и сдать наравне с ними все экзамены по теории, то буду допущен к летной практике. Условия были нелегкие. Я не чувствовал под собой земли, возвращаясь в техникум. Все трудности казались мне преодолимыми.

Подал заявление, и через несколько дней меня послали на врачебную комиссию: если пройду, буду зачислен в аэроклуб.

Врачи долго простукивали, прослушивали и осматривали. Председатель комиссии — старый врач с седой бородкой — похлопал меня по плечу и сказал:

— Коллеги, обратите внимание на объем грудной клетки и мускулатуру этого физкультурника. Невелик паренек, а хватило бы на двух взрослых! Сердце — норма. Нервная система — норма. Здоров абсолютно. Годен.

Итак, я зачислен в аэроклуб! Когда я узнал об этом, меня опять одолели сомнения: справлюсь ли? Мелькнула даже мысль: не отказаться ли? Но я вспомнил советы Мацуя, его слова: «Справишься, если будешь умело планировать время». Была бы задача непосильной, комитет комсомола не дал бы мне путевки, а мой наставник и друг, наш секретарь Мацуй, не стал бы мне советовать. Так рассудив, я почувствовал уверенность в своих силах.

Ни отцу, ни братьям я не сказал о том, что буду учиться в аэроклубе: знал, что они станут меня отговаривать, к тому же не хотелось зря волновать отца. Но мне было неприятно что-либо скрывать от него, я привык делиться с ним всеми своими делами.

В начале января я пошел на первое занятие в аэроклуб. Впервые надел форму; чувствовал себя в ней ловко, подтянуто. Зашел в комитет комсомола. Мацуй-осмотрел меня, похлопал по плечу и тепло сказал:

— Форма тебе идет. Желаю успеха!

10. Друзья-учлеты

На крыше большого красивого здания городского клуба имени Карла Маркса — парашютная вышка. Возле клуба —

маленький домик. Это и есть аэроклуб.

Я — в классе теории авиации и техники. На стенах укреплены части самолета. Читаю: «Крыло в разрезе», «Элерон», «Руль поворота». Здесь пусто. Занятия будут проходить в моторном классе. Иду туда. На подставке стоят настоящий мотор, его агрегаты, детали. На стенах — чертежи и схемы. Невысокий коренастый парень сосредоточенно рассматривает детали.

Лицо у него упрямое, энергичное. Широкие насупленные брови словно нарисованы тушью.

Подхожу к нему:

— Здравствуй!

Он поднимает глаза, от улыбки лицо его сразу становится мальчишески добродушным.

— Тоже учиться?.. Я — Панченко Иван. А тебя как зовут?

— Тоже Иваном. Тезки. Ты учишься или работаешь?

— Слесарем работаю на заводе. А ты?

— Учусь в техникуме.

— Это хорошо. Тебе, значит, легче будет догонять… Много пропустил? Не беспокойся, поможем.

В класс входят несколько ребят. Панченко говорит:

— А вот еще комсомольцы с нашего завода. Мы все вместе работаем и вместе учимся… Ребята, знакомьтесь.

Мы гурьбой окружили мотор. Для меня все ново, и я с завистью слушаю, как ребята сыплют авиационными терминами.

Рядом со мной стоит Петраков — крепыш с круглой добродушной физиономией. У него такой вид, словно ему хочется спать; двигается и говорит медленно. Заявляет:

— Летать буду, а вот теорией заниматься не хочу, ну ее!

Начался спор.

Леша Коломиец, высокий, живой, с серьезным открытым лицом и черными вдумчивыми глазами, возмущается:

— Спрашивается: зачем ты сюда пришел, если не хочешь теорией заниматься? Сам ведь пошел. Все кричал — хочу летать! Стало быть, только место занимать будешь, форму носить: «Вот, мол, какой я! Летать учусь!»

Ребята засмеялись и зашумели.

— Хватит спорить! Там видно будет, кто научится летать, а кто нет, — замечает Панченко. — Скажу только одно: нужно большое упорство, чтобы освоить авиационную технику. — Он обводит широким жестом мотор, чертежи на стене и добавляет: — Вызываю Петракова на соревнование.

— Да куда там… — ворчит Петраков.

Прислушиваюсь к разговору учлетов и вновь невольно поддаюсь тревожным мыслям: удастся ли мне изучить самолет,

догнать ребят?

В это время входит еще группа аэроклубовцев. Осматриваюсь: нас немало… И девушки есть.

— Идут! Идут! — раздается чей-то голос.

В класс входит начальник аэроклуба — высокий, статный человек в форме Осоавиахима с голубыми петличками. Вместе с ним — комиссар. Он не молод, но его военной выправке можно позавидовать. Когда я подавал документы, он долго и дружески разговаривал со мной. Пришел и начальник летной части. Кто-то отрапортовал по-военному начальнику аэроклуба.

Комиссар провел политинформацию. Начались занятия.

В этот вечер все мои сомнения рассеялись: я твердо решил учиться летному делу, учиться во что бы то ни стало. Правда, в этот же вечер убедился, что трудностей мне предстоит много, но это уже не смущало.

Ребята условились собраться на другой день пораньше и позаниматься со мной.

В общежитии меня уже ждали с нетерпением. Я долго рассказывал приятелям обо всем, что видел и слышал, о своих новых товарищах.

— Но смотри, ведь к дипломной готовиться надо, — сказал мне Миша Вербицкий.

— Попытаюсь справиться, — ответил я.

И правда, совмещать было нелегко. С девяти часов до трех — в техникуме, а после обеда — пять часов занятий в аэроклубе. Для домашней подготовки оставались поздний вечер, раннее утро и выходные дни. Я не пропустил ни одного занятия в аэроклубе, ни одной лекции в техникуме и по-прежнему много занимался спортом.

Мне и в голову не приходило тогда, какую огромную роль в моей будущей работе летчика-истребителя сыграют занятия легкой атлетикой и гимнастика.

Сколько новых слов пришлось сразу узнать: элерон, фюзеляж, маленький кабанчик, большой кабанчик, перкаль и многие, многие другие. Запоминал их легко и быстро. Посмотришь на какую-нибудь часть самолета, и в памяти сразу возникает название. Мне удалось сравнительно скоро нагнать свою группу. Товарищи мне помогали — они хорошо учились. Мы стали соревноваться друг с другом. Только один Петраков сильно отставал.

Я очень волновался, когда месяц спустя после поступления в аэроклуб впервые стоял у доски. Отвечал долго — преподаватели знакомились с моими знаниями. Получил хорошую оценку и был бесконечно рад, что догнал группу и иду в ногу с ребятами.

11. Утрата

Мне хотелось поделиться своей радостью с Ма-цуем. Я давно уже не видел его.

Зашел в комитет комсомола, чтобы поговорить с ним. За столом на обычном месте Мацуя сидел член комитета.

— А где Мацуй?

— В больнице. Обострение туберкулезного процесса.

Только сейчас я понял, как тяжело болен наш секретарь.

Несмотря на уговоры товарищей, Мацуй никогда не обращал внимания на свое здоровье. У него была большая выдержка, огромная трудоспособность, та глубокая любовь к делу, которая дает силы. Осенью он простудился, перенес болезнь на ногах, и это, очевидно, дало обострение туберкулеза.

В воскресенье я отправился в больницу.

Медицинская сестра сказала:

— Проходите, только ненадолго. Он очень слаб. Сердится на нас, когда мы выпроваживаем его друзей, и я теперь уговариваюсь с посетителями: если войду в палату под каким-нибудь предлогом, значит, пора уходить. Уж извините, но вас, ребят, много к нему ходит. В приемный день столько набьется, что иногда совсем не пускаем.

Она провела меня в палату.

Мацуй лежал с закрытыми глазами. Дышал тяжело и часто. Его похудевшая, пожелтевшая рука бессильно свесилась с кровати, зажав газету.

На сердце стало так тяжело, что я готов был убежать.

— Может, лучше завтра зайти? — спросил я шепотом сестру.

Но Мацуй открыл глаза, повернул голову и увидел нас. Лицо его оживилось. Он приподнялся.

— А, пришел. Рад тебе, давно не виделись! Что нового? Руку тебе, Иван, не жму: обнаружены палочки

Коха и двусторонний процесс. Надеюсь, в санатории поправлюсь. Я не мнителен, но дело мое, брат, плохо… Сядь вон там на стул и рассказывай об успехах. Как дела в аэроклубе?

Я стал рассказывать. Сестра взглянула на меня и вышла. Мацуй слушал, как всегда, внимательно. Ему было приятно, что я догнал группу, и он сказал: «Я ведь тебе говорил — трудностей бояться нельзя».

Он хотел что-то добавить, но вдруг закашлялся и долго не мог отдышаться.

Я замолчал.

— Не обращай внимания, рассказывай… Скверно, брат, болеть. Я думал — обойдется. Врачей и товарищей не слушал…

Ну, а как газета?

— Сегодня вывесили. Ничего, острая, интересная вышла… Я как узнал, что ты здесь, все хотел до выходного зайти, но знаешь…

— Знаю, ребята говорили — даже в спортзал не каждый день ходит. А это — показатель!

Вошла сестра, взяла что-то со стола и молча вышла. Я встал:

— Извини, друг, мне пора. Мацуй проговорил с досадой:

— Сестра хитрит и думает, что я не замечаю. — Он улыбнулся. — Только она появится — товарищи уходят. Сговор… Может, посидишь? Я не устал.

— Нет, право, спешу — дел очень много. Зайду завтра.

Он вздохнул:

— Ну, передай всем привет да спасибо, что не забываете… Так бы и пошел сейчас с тобой… Желаю успехов!

Мне хотелось сказать Мацую что-нибудь теплое, поблагодарить, подбодрить его, но я молчал. Только с порога крикнул:

— К твоему выздоровлению, Мацуй, постараюсь научиться летать!

Он улыбнулся и помахал мне рукой.

Прошло две недели. Поздно вечером, вернувшись из аэроклуба, я зашел в одну из аудиторий — надо было дорисовать заголовок стенгазеты. Рисуя, я по привычке что-то напевал. В аудиторию вошел Миша Вербицкий.

— Здравствуй, «профессор»! — весело приветствовал я его. — Что скажешь?

Он не ответил.

Я взглянул на Мишу — у него было странное выражение лица.

— Что с тобой?

— Давно тебя разыскиваю, Иван. Мацуй умер. Кисть выпала у меня из руки.

— Я знал, тебе тяжело будет. Пойдем в комитет. Бюро постановило к завтрашнему утру выпустить страницу, посвященную его памяти.

…Много лет прошло с того вечера. Много замечательных людей — стойких большевиков — в тылу и на фронте помогли мне расти. Но когда я вспоминаю юность, передо мной всегда встает светлый образ Мацуя — моего первого комсомольского вожака, горячего патриота, простого, хорошего человека.

12. Первые наставники

У нас в селе девчата уже давно, вероятно, пели веснянки, а я и не заметил, как прошел март. Деревья запушились, прилетели ласточки. Мне некогда, я поглощен учебой. Готовлюсь к экзаменам в аэроклубе. Там наступили последние дни теоретических занятий. Ребята учатся хорошо, но сложная авиационная техника некоторым дается с трудом. По-прежнему отстает Петраков — ленится. Часто во время занятий толкаю его локтем и шепчу:

— Петраков, не спи: опять придется догонять!

— Скучища! Скорее бы на самолет. Там уж я развернусь!

— Нет, не выйдет из тебя настоящий летчик, — донимает его Коломиец. — Настоящий летчик — это тот, кто не только практику, но и теорию хорошо знает.

Но увещания не помогают — Петраков упрям. Вечерами остаюсь и объясняю ему новый материал, повторяю старое.

Впереди всех идут Панченко, Коломиец, Кохан и еще несколько ребят. Не отстаю и я: занимаюсь упорно, с увлечением. Мне очень помогает запас знаний, полученных в техникуме, приобретенные там навыки в учебе.

Лекции в техникуме еще не кончились, но уже идут зачеты, а в мае начнутся экзамены.

На дворе совсем подсохло. В аэроклубе начались занятия по парашютизму. Наш инструктор высок, ловок. Движения у него точны, быстры — ни одного лишнего жеста. На его груди значок парашютиста с цифрой 100 — он сделал сто прыжков. Инструктор увлекательно рассказывает об истории парашютизма, учит, как нужно обращаться с парашютом.

Во дворе натягивается батут — сетка на резиновых амортизаторах.

В первый по-настоящему теплый день староста группы объявляет:

— Сегодня занятия по парашютизму будут проходить на воздухе.

Инструктор, ответив на наше приветствие, говорит:

— Сегодня начинаем подготовительную тренировку к прыжкам с парашютом. В сальто, кульбитах, подскоках будем тренировать вестибулярный аппарат. Я уже вам объяснил его роль. Напоминаю: он помещается в области внутреннего уха, позволяет соблюдать равновесие и определять правильное положение тела. А это для летчика и парашютиста крайне важно. Сетка пружинит и облегчает подскоки. Сейчас я проделаю ряд упражнений.

Он легким движением вскакивает на батут, показывает нам различные движения и потом говорит: «Делаю задний бланш».

Инструктор высоко подпрыгивает, раскинув руки, ласточкой переворачивается в воздухе через спину и становится на ноги, легко балансируя на сетке. Затем он делает сальто, подскоки, кульбиты.

С того дня я целыми вечерами пропадал на батуте: хотелось научиться делать бланш так же красиво, как делал инструктор. Вначале не получалось. Приходил домой в синяках — иногда основательно ударялся о сетку.

Инструктор зорко следил за четкостью и правильностью наших движений.

— Помните, — часто повторял он, — во время прыжков самое важное — приземление. Учитесь поворачиваться по ветру, держать ноги вместе.

Он неутомимо, терпеливо работал с нами — с душой, как говорил Мацуй. Мы это чувствовали и любили его.

…В аэроклубе идут экзамены по теории авиации. Впереди самое интересное — выезд на аэродром. Нас после экзаменов разделят на летные группы и прикрепят инструкторов. Уже сейчас мы знакомимся с ними. Инструкторы заходят в классы, беседуют с нами. Мы уже знаем всех, кроме одного — Александра Сергеевича Калькова. Он в отпуску. Ждем его со дня на день. Говорят, это один из лучших инструкторов, умелый и опытный учитель, требовательный и придирчивый; бывает иногда грубоват и вспыльчив, но зато хорошо летает и отлично учит. Всем учлетам хочется попасть в его группу. Вероятно, еще и потому, что Кальков — бывший военный летчик.

И вот однажды, когда мы занимались в моторном классе, до нас донесся незнакомый раскатистый бас. В аудиторию вошел высокий, широкоплечий человек в крагах. Мы переглянулись и встали. На вид ему было лет за тридцать. В его внешности было что-то щеголеватое. Походка чуть-чуть вразвалку, нос орлиный, с горбинкой, взгляд проницательный и слегка насмешливый.

Это и был инструктор Кальков. Поздравив нас с окончанием теоретических занятий, инструктор сказал веско:

— Главное теперь — хорошо сдать экзамены. О каждом из вас буду судить по полетам. Предупреждаю: я требую бережного отношения к самолету, исполнительности, внимания и аккуратности.

Кальков стал часто заходить в аудиторию — наблюдал за нами, словно изучал каждого. Когда мы начали тренироваться в прыжках с парашютом, то и он поднялся на вышку. Кто-то из учлетов, готовясь к прыжку, сказал:

— Ребята, честное слово, не прыгну! Даже вниз смотреть страшно, голова кружится.

Кальков подошел к нему и ободряюще сказал:

— Не робей, прыгнешь, а потом сам проситься будешь… Ну, ну, смелее!

Меня высота не пугала — я привык подниматься на нашу сельскую колокольню. Но вот подошла моя очередь прыгать, и мне тоже стало страшновато. Волнуюсь, но виду не подаю. Однако, застегивая лямки парашюта, никак не могу попасть в замок. Подходит инструктор по парашютному делу и помогает мне. Я взглянул вниз — там собралась толпа зрителей. До меня доносится спокойный голос инструктора:

— Смотрите вперед, вдаль и шагайте.

Я так и сделал. Шагнул — дух захватило. Не успел оглядеться, а земля уже под ногами. Как это оказалось просто, легко и приятно! А я так волновался, ожидая своей очереди! Кальков был прав. Во второй раз я прыгнул хладнокровно. Все внимание было направлено на то, чтобы приземлиться так, как учил инструктор.

13. Наш «По-2»

Мы сдали последние экзамены и в начале апреля наконец отправляемся на маленький учебный аэродром. Он находится километрах в двух от города, среди полей. Едем туда на автомашине. Настроение у нас радостное. Мы поем свою любимую песню:

Там, где пехота не пройдет, Где бронепоезд не промчится, Угрюмый танк не проползет, Там пролетит стальная птица…

Звонко запевает Кохан.

Выстраиваемся на аэродроме. Начальник аэроклуба разделяет нас на группы. Петраков, Кохан и я попадаем в четвертую летную группу. К нам прикреплен инструктор Кальков. Я этому очень рад.

Начальник говорит

— Товарищи! Машины были законсервированы на зиму. Каждая летная группа приведет свой самолет в порядок.

Строем идем к ангару. Открываем дверь — в тени поблескивают настоящие самолеты. Нас подводят к «По-2» с хвостовым номером «4». Вот они, наши «живые» самолеты, с которыми мы пока знакомились только по учебникам!

Осторожно притрагиваюсь к плоскости. Немного разочарован: самолет не такой массивный, как я представлял, изучая его в классе по деталям.

Очевидно, у всех ребят такое же впечатление от первого

знакомства с машиной. На лицах удивление. Только круглая физиономия Петракова сияет:

— Смотрите, ребята, он как живой дышит!..

— А он не развалится в воздухе, как вы думаете? — говорит кто-то.

— Ерунда! — кричит Кохан.

Техник нашей группы — пожилой человек в замасленном комбинезоне. Он давно работает в авиации, имеет большой опыт. Лицо у него добродушное, но говорит он с напускной строгостью. Он четко подает команду где браться за самолет, как его поднимать. Мы слышим новые термины. Самый сильный из нас, Петраков, поднимает хвост самолета на плечо, и мы осторожно выкатываем наш «По-2» на красную черту. Там, по порядку летных групп, крыло к крылу, выстраиваются все машины. Техник всем дает работу:

— Вон там, у ангара, — ведра, тряпки, мочало. Двое, — он показал на меня и Петракова, — принесут воду. Берите тряпки и начинайте обтирать фюзеляж. Смотрите поаккуратней!

Мы принесли воду и начали старательно мыть самолет.

Техник выполняет свою работу, но нас из виду не выпускает.

— Хвалить сразу не положено, но видно, что в вашей группе сачков нет! — замечает он, и мы еще старательнее вытираем и моем самолет.

— А что такое сачки? — вдруг спрашивает вполголоса Петраков.

— А это такой авиационный термин, — отвечает техник посмеиваясь. — Сачок — это лентяй и прогульщик. Понятно? Кстати, сбегай-ка в каптерку, принеси ведро компрессии.

Мы переглянулись. Техник был для нас лицом авторитетным, но мы отлично знали, что компрессия — это сжатие газовой смеси в цилиндре мотора. Правда, за эти два дня нам встретилось столько новых понятий, что мы побоялись попасть впросак и промолчали. Петраков помялся, но в каптерку побежал: приказание мы обязаны выполнять немедленно.

Вернулся Петраков быстро:

— Товарищ техник, каптерщик меня на смех поднял. Я ведь знал, только думал…

Техник расхохотался:

— Думал, знал, а сам побежал! Все вы, новички, такие! Учить вас надо!

У машины мы работали до темноты. На ночь вкатили самолет в ангар. Я не чувствовал усталости, хотя день был трудный.

14. Необходимые навыки

Мы привыкли к жизни нашего маленького аэродрома и к новым обычаям. Работали добросовестно. Самолет требует бережного отношения к себе, приучает к дисциплине. Даже Петраков стал неузнаваем — куда девалась его лень! Правда, ему было трудно — сказывались пробелы в теоретических знаниях, к которым он еще недавно относился с пренебрежением. Теперь он расплачивался за это. Во время наземной подготовки Петраков часто допускал ошибки, и ему чаще, чем другим, доставалось от инструктора.

Мы долго возились с посадкой в самолет. Сначала садишься неуклюже, делаешь много лишних движений. Надо знать, куда ставить ногу, как влезать в кабину, садиться.

— Это должно стать привычкой, — твердил Кальков. — Нужно на земле отработать все необходимые навыки, научиться правильно вести себя в полете, потому что в воздухе нельзя тратить время на размышления, жечь бензин впустую.

Наземная подготовка проходила так Подойдешь к самолету и обращаешься к инструктору по всем уставным правилам:

— Товарищ инструктор! Учлет Кожедуб. Разрешите садиться?

Кальков медленно повернет голову, осмотрит с ног до головы и скажет басом:

— Садитесь.

Привяжешься, быстро осмотришь кабину, проверишь сектора, приборы; движениями руки и ног, на ощупь убеждаешься в исправности рулей управления.

— Товарищ инструктор, — рапортуешь снова, — учлет Кожедуб готов к полету. Разрешите выруливать?

Инструктор отвечает в рупор:

— Выруливайте.

Благодаря ежедневной наземной тренировке я уже чувствовал себя в самолете уверенно и привык все делать по порядку. Достиг того, что называется автоматизацией движений.

Синяя книжечка «КУЛП» («Курс учебно-летной подготовки») изучена мною от корки до корки.

Всю работу по обслуживанию самолета мы выполняли сами. Подготавливали материальную часть, проверяли приборы, под руководством техника ремонтировали детали, ежедневно мыли и обтирали машину, приводили в порядок инструменты. Группы соревновались между собой, и я испытывал большую гордость, когда наша группа попадала на красную доску. А это случалось часто.

Большинство учлетов успешно закончило наземную подготовку. Инструктор следил за каждым из нас, а с отстающими занимался отдельно. Но если он видел, что учлет

работает плохо, то предупреждал:

— Не подтянетесь — отчислю. Даю неделю на испытание.

Двое из нашей группы были отчислены. Они упрашивали Калькова оставить их условно, дать испытательный срок, обещали подтянуться, но наш строгий учитель был неумолим:

— Толку из вас все равно не выйдет, даром бензин на вас жечь нечего…

А в техникуме в это время начались экзамены. Готовлюсь к ним ночами. И даже когда мы едем на аэродром, я повторяю в уме формулы, расчеты, правила, не имеющие ничего общего с авиацией.

15. Оторвались от земли

Недели через две после выезда на аэродром мы, как всегда, выстроились на линейке.

Инструктор подошел к нам, внимательно оглядел каждого и сказал:

— Вчера, товарищи, мы закончили наземную подготовку. Сегодня приступаем к полетам… Тише, тише, радоваться будете потом… Начнем с ознакомительного полета в зону*1*, Ваше дело только наблюдать и мягко держать управление самолета. Я буду управлять, а вы — знакомиться с поведением самолета в воздухе. Когда я учился, инструкторы делали фигуры пилотажа, не предупреждая курсанта. Если ученик явно струсит и растеряется… — Кальков помолчал и, хитро улыбаясь, посмотрел на нас, — инструктор бывало прекращает полет, высаживает ученика и отчисляет его. Теперь же мы предупреждаем о каждой фигуре, но зорко наблюдаем за учеником… Первым полетит со мной учлет Кожедуб, — неожиданно закончил он.

Завтрашний экзамен в техникуме вылетает у меня из головы.

Сажусь в машину, стараюсь не допустить оплошности, чтобы инструктор не отстранил от полета. Делаю все по порядку, как он учил нас. Кальков вырулил на старт, осмотрелся, поднял правую руку. В ответ стартер махнул флажком — взлет разрешен.

Инструктор дал сектор газа, и машина с нарастающей скоростью, покачиваясь, побежала по земле. Я чувствовал каждую кочку, на неровностях подбрасывало, и казалось, что самолет вот-вот зароется в землю. Моя рука невольно потянулась вперед — это инструктор нажал сектор газа.

Так называется воздушное пространство с определенным радиусом, над определенным, запоминающимся наземным ориентиром, где разрешается летать лишь одному самолету на

расстояние нескольких километров от учебного аэродрома.

Самолет оторвался как-то незаметно, сразу. Я «мягко» держу управление. Вдруг самолет словно повис в воздухе. Я понял, что лечу. Земля медленно уплывала под крыло. Похоже было; что плывем на паруснике по широкому раздолью.

Мотор оглушительно ревет. Земля будто проваливается. Высовываюсь за борт. Ориентироваться трудно. Вон, кажется, техникум; зелеными пятнами сады, и среди них блестящая лента реки. Все словно масляными красками нарисовано. А особенно хороша яркая зелень озимых.

Подымаемся все выше. Становится прохладно. Да, совсем не то, что я испытывал раньше, когда влезал на верхушки деревьев или на церковный купол. Там не чувствовалось такого отрыва от земли.

Никак не могу уследить за быстрыми действиями инструктора. Вот ручка идет влево — и самолет идет влево. Но пока он вдет влево, ручка уже пошла вправо. Потом я понял, что инструктор не только видит положение самолета в пространстве, но чувствует его всем телом, он «держит» самолет. Я старался проследить, как движутся ручка и педали управления, как сочетаются действия рук и ног.

Поток воздуха бьет сбоку, из-под козырька в лицо, перехватывает дыхание. Смотрю на приборы — мы уже на большой высоте. Вон синеет озеро Вспольное. В прозрачной пелене вижу сосновый лес, свою родную Ображеевку. Вот бы туда полететь, над домом покружить!

В кабине инструктора есть зеркало. Оно наклонено под углом в мою кабину, и инструктор видит в нем мое лицо. Я забыл об этом, вдруг слышу голос Калькова. Он кричит в переговорную трубку:

— Куда вы загляделись?

Снова смотрю на приборы. Мерно лопочет мотор. Инструктор кричит:

— Ну, держись, делаем срыв в штопор!

Он убирает газ. Теперь мотор еле работает, становится тихо. Вдруг самолет начинает валиться на крыло. Раздается какое-то завыванье. Сердце у меня замирает, по спине пробегают мурашки — такое ощущение, будто на качелях с высоты несешься вниз.

Земля завертелась. У меня задрожали ноги. Все кончено, гибнем! Но через несколько мгновений самолет пришел в прежнее положение. Вот он какой, срыв в штопор!

Во рту у меня пересохло, в голове засела одна мысль: только бы не повторять штопор! А инструктор тем временем смотрел в зеркало, чтобы увидеть мое лицо. Он обернулся и спросил:

— Ну как, не страшно?

— Все в порядке! — кричу я изо всех сил, стараясь перекричать шум мотора, и думаю: «Неужели и я научусь когда-нибудь так же летать и пилотировать в зоне, так же сольюсь с самолетом, как инструктор?»

Меня охватила безотчетная радость: хотелось петь, кричать.

Многое в управлении самолетом я не понял, хоть и смотрел во все глаза. Но вмешиваться в действия инструктора не разрешалось. Трудно было все уловить с первого раза. Я был увлечен техникой полета.

Начали снижаться на аэродром. Когда поднимались, внимание у хменя было рассеянно — загляделся на родную Ображеевку, смотрел на город, на аэродром. При снижении наблюдал только за инструктором, стараясь понять, как он управляет самолетом.

Инструктор уже зашел на посадку. Убрал газ, начал приземляться. Казалось, мы вот-вот врежемся в землю. И вдруг самолет словно поднял нос, скорость стала гаснуть, ручка пошла к моему животу. Самолет мягко коснулся колесами земли и побежал по мураве аэродрома. Навстречу мчался красный от волнения Петраков: он был дежурным. Самолет остановился на линии предварительного старта.

Вылез из кабины. В ушах у меня гудело, стучало, и я был как во сне. Ребята с нетерпением ждали меня в нашей «комнате» — так мы называли квадратную площадку на аэродроме с флажками по углам. Там нам разрешалось отдыхать, там обычно мы делились впечатлениями, беседовали в ожидании своей очереди к полетам. Меня засыпали вопросами, и я не успевал отвечать. Так началась наша летная учеба.

16. В напряженной учебе

Через несколько дней у нас на аэродроме появился летчик-истребитель, на которого мы, учлеты, глядели с завистью. Это был наш земляк, из пригородной деревни, и воспитанник нашего аэроклуба. На петлицах у него было по квадрату. Он много рассказывал об учебе и жизни в училище, о самолетах, и всем сразу захотелось стать летчиками-истребителями.

В конце апреля мы получили новые синие комбинезоны и стали усиленно готовиться к первомайскому параду. Мы должны были пройти в комбинезонах, шлемах и летных очках перед трибуной. Очень хотелось, чтобы меня увидели студенты техникума, и я, не устояв перед искушением, нарядился в

комбинезон, шлем, надел очки и отправился в общежитие. Встретили меня шумно. Окружили. Жаль мне было, что не могу так пройтись по своей деревне. Но если бы мне и разрешили, я и сам бы не пошел: ведь отец еще ничего не знал.

Первого мая мы строем вслед за воинскими частями промаршировали мимо трибуны. Чувствовали себя настоящими пилотами и немного заважничали.

На следующий день у нас начались полеты. В воздух поднимались три-четыре самолета и летели, как пчелы, друг за другом вблизи аэродрома. Мы учились управлять самолетом. Кальков быстро сбил с нас мальчишечью спесь и немилосердно отчитывал за каждый промах.

Вечерами, приезжая с аэродрома, я, несмотря на физическую усталость после полетов, садился за учебники и готовился к экзаменам в техникуме. Дал себе слово, что перейду на четвертый курс. При правильной организации времени и упорстве можно всего добиться.

Я сдал экзамены в техникуме и перешел на последний курс. Осенью нам будут вручены дипломные задания. На каникулы студенты разъехались по домам. В общежитии начался ремонт, и мне пришлось перебраться в деревню. Каникулы помогли мне уделить еще больше времени летному делу. Вставал с восходом солнца, уходил из деревни и возвращался, когда уже темнело, — целыми днями пропадал на аэродроме. Приходил до занятий, возился с машиной, помогал технику. В день я делал по четыре-шесть провозных полетов по кругу. Инструктор все больше и больше доверял мне управление самолетом.

Я начал замечать, что отец испытующе поглядывает на меня — он, видимо, не мог понять, куда я ухожу. Как-то еще во время экзаменов я начал было издали:

— А что бы ты сказал, папаша, если бы я поступил учиться в аэроклуб?

Отец даже руками замахал:

— Чего тебе летать! Кончишь техникум — хватит с тебя. Еще что выдумал! И так здоровья у тебя мало.

Отец почему-то считал, что у меня слабое здоровье.

Тогда на этом наш разговор и закончился.

Обычно я вставал раньше всех, тихонько завтракал, чтобы никого не разбудить, и уходил.

Раз утром отец окликнул меня, пристально посмотрел мне в глаза и строго спросил:

— Чем занят, где пропадаешь?

Я врать не стал:

— Учусь летать, папаша.

Сначала отец растерялся, а потом рассердился:

— А, вот к чему ты недавно вел разговор!.. За журавлем в небе погнался, неслух?

Переубеждать отца и ссориться с ним я не хотел. Отмолчался. К тому же спешил на аэродром.

Отец скоро примирился с моими занятиями в аэроклубе, но просил беречься. Я был очень рад, что теперь мне нечего от него таиться.

17. Грозный Кальков

Занятия на аэродроме становились все интереснее. Вечерами Кальков проводил методический разбор каждого вылета. И доставалось же нам от грозного инструктора!

Во время одного из первых полетов я загляделся на землю. Солнце стояло низко и било в окна домов. Город словно пылал.

Вдруг машину качнуло. Я спохватился, но поздно: инструктор отобрал у меня управление.

На разборе он говорил с нами о поведении летчика в воздухе и, обращаясь ко мне, сказал:

— Знайте: в летном деле многое зависит от распределения внимания. Рассеянность недопустима. В воздухе надо уметь все видеть одновременно, ничего не упускать, действовать в долю секунды.

Эти слова я запомнил навсегда.

Через несколько дней, идя на посадку, я по неопытности слишком низко выбрал самолет из угла планирования. Кальков опять отобрал у меня управление:

— Пора не допускать таких ошибок. Будете определять высоту на крыше ангара.

Это значило, что я на время отстранен от полетов.

И пока ребята летали, я полдня просидел на крыше ангара, глядя на землю с шестиметровой высоты. Занятие не из приятных…

Кальков требовал от нас исключительной четкости и грамотности действий в полете. За малейшее нарушение правил полета он в наказание посылал нас «определять высоту» на крыше ангара и несколько дней не допускал к самолету. На похвалу он был скуп. Но все же мы его очень любили и уважали.

18. Один в воздухе

Погода стоит летная — ясная, солнечная. Сидим в своей «комнате» на аэродроме, ждем очереди к полету и беседуем. Сегодня большое событие: на старте появился мешок с песком.

— Подходит время самостоятельных полетов без инструктора! Чуете, ребята? — замечает Кохан.

Его перебивает Петраков:

— Все равно нас заранее не предупредят, чтобы не волновались и ночь спокойно спали.

В полете я не получил ни одного замечания. После трех полетов с инструктором спросил:

— Товарищ инструктор, разрешите получить замечания?

— Так и летайте, своего не выдумывайте. Летайте, как я учил.

Вслед за мной он три раза провез Кохана. Сам вылез из самолета, но Кохана не высадил. Мы заметили — он что-то сказал ему.

— Понятно, — шепнул мне Петраков, — Кохан полетит самостоятельно.

Мы ждем, что будет дальше. Кальков махнул рукой. Мы поняли его жест. Притащили мешок с песком и положили на инструкторское место, чтобы не терялась центровка самолета. Мешок крепко привязали. Кальков проверил — прочно ли.

Ребята из других групп смотрели с завистью, на старте собрались и инструкторы. Кальков подошел к машине:

— Помните: главное — распределять в воздухе внимание и действовать так, как я учил.

Самолет начал взлетать.

Инструктор стоял, закинув голову, и с напряженным вниманием следил за самолетом.

— Волнуется не меньше, чем мы, — тихо сказал кто-то.

Самолет сделал один круг над аэродромом, а затем уверенно и правильно пошел на посадку.

— Хорошо, хорошо! — закричал инструктор. — Так, так! Выравнивайся, есть, хорошо!

Самолет приземлился. Кохан вылез из кабины. Он был бледен, но радостно улыбался. Направился к Калькову и доложил о полете.

— Поздравляю с первым самостоятельным вылетом! — сказал ему инструктор. — Но предупреждаю: не зазнавайтесь!.. Однако вы побледнели.

Вдруг Петраков подтолкнул меня:

— Смотри-ка, мешок не вынимают.

Я не успел ответить. Меня подозвал инструктор.

— Полетите самостоятельно? — спрашивает он и пристально

смотрит мне в глаза, словно стараясь узнать, что сейчас у меня на душе.

Выдерживаю его взгляд и отвечаю, отчеканивая каждое слово:

— К полету готов!

— Только своего не выдумывайте, действуйте, как я учил.

Сажусь в машину. Волнуюсь — впервые мне доверен самолет. Преодолеваю волнение. Осмотревшись, прошу разрешения-взлететь. Стартер машет белым флажком. Даю газ.

И вот я в полете, в первом самостоятельном полете!

Выполняю все по порядку, как учил инструктор. Делаю круг над аэродромом. Управление кажется удивительно легким. Ровно рокочет мотор. Чувствую себя уверенно. Захожу на посадку. Хочется сесть как можно красивее. Но тут я перестарался: не заметил сгоряча, как высоко выровнял. Сел «по-вороньи».

Ругая себя, выхожу из самолета. Знаю — сейчас попадет от инструктора. Он подходит ко мне.

— Так моя бабка с печки плюхалась, — говорит он сердито. — Отсебятиной больше не занимайтесь. Сколько раз надо вам повторять: летайте так, как я вас учил. Инициатива дело хорошее, но вы еще не оперились. Терпение прежде всего… Ну, поздравляю с первым полетом! Завтра исправите ошибку.

И он обращается к ребятам:

— Двое курсантов из нашей группы вылетели первыми во всем аэроклубе. Полагаю — и другие не отстанут.

В этот день все поздравляли Кохана и меня. И хотя во время так называемого методического часа мне еще раз досталось от инструктора за «воронью посадку», я без конца делюсь с приятелями-учлетами впечатлением от первого самостоятельного вылета.

19. Ближе узнаем нашего инструктора

Несколько дней я особенно тщательно отрабатываю посадку и старательно выполняю указания инструктора.

Мы получаем все более и более сложные задания. Наша группа успешно освоила полеты, но единственная девушка среди нас отстает. Это очень огорчает нашего инструктора, тем более что две девушки из группы, где учится Панченко, работают отлично и даже наш требовательный инструктор ставит их всем нам в пример. А заслужить у него похвалу — дело нелегкое. Они, действительно, всегда в первых рядах отличников, по ним равняются многие. Они прекрасно изучили теорию, хорошо летают. Одна из них — она тоже учится в техникуме, только на

другом отделении — умная, волевая девушка. Кальков часто говорит: «Из нее выработается отличный летчик». А девушка из нашей группы так и не научилась летать. Кальков много с ней работал. Девушка старалась, но у нее было рассеянное внимание, и инструктору пришлось ее отчислить.

…Занятия на аэродроме подходили к концу. Наша группа работала хорошо. Отстающие подтянулись. Кальков был доволен.

Рано утром я полетел с ним по маршруту. Слежу за компасом и высотомером. Все в порядке. Курс правильный, высота семьсот метров. Сличаю карту с местностью. Все как будто в порядке, инструктор замечаний не делает. Вдруг он без предупреждения берет у меня управление и начинает снижаться. Я в недоумении. Мотор работает нормально. Еще раз посмотрел вниз — под нами стадо коров. Оно только что вышло из деревни и направилось на пастбище. Не понимаю, что хочет сделать инструктор. Вот-вот врежемся! Проносимся над самыми спинами коров и взмываем вверх. Коровы, задрав хвосты, бросились врассыпную, а я не мог опомниться от удивления: зачем понадобилось инструктору разогнать стадо?

— Понял, как надо летать? Вот она, техника пилотирования! — раздался голос Калькова. — Только сам так никогда не делай. И смотри, если скажешь кому…

Его мастерство, действительно, меня поразило. Но в душе остался неприятный осадок: ведь инструктор сам учил нас, что ухарство несовместимо со званием летчика, что лихачество в летном деле — позор… Как же так?.. Никому из товарищей я ничего не сказал.

Инструктор во весь вечер не обратился ко мне ни с одним вопросом — обычно он часто вызывал меня. Ребята решили, что Кальков мною недоволен. Я понял это по-иному: Калькову было неловко.

На следующий день группа быстро подготовила самолет, и я полетел с инструктором. Оторвались от земли. Вдруг вижу — прибор скорости не работает. До вылета мы осмотрели самолет, но не заметили, что не снят чехол с трубки приемника воздушной скорости. Заметался я было в кабине, но в это время инструктор, очевидно увидев в зеркале мое лицо, сказал:

— Управление беру я, — и, по-инструкторски закладывая глубокие крены, чувствуя самолет всем телом, уверенно пошел на посадку.

— В воздухе все бывает, — говорил он в тот вечер. — Запомните: во-первых, тщательно контролируйте машину перед вылетом; во-вторых, в полете сохраняйте полное спокойствие — делайте все по порядку, не спеша, но поторапливаясь.

После этого я не вспоминал о случае с коровами… Мы уже самостоятельно делаем фигуры пилотажа в зоне.

Инструктор отпускает определенное время в минутах на выполнение фигур.

Оставшись на земле, инструктор не сводит глаз с самолета. Мы даже не ожидали, что Кальков будет так волноваться, выпуская в воздух своих учеников. Если вылетал слабый учлет или если что-нибудь у учлета не ладилось, он швырял на землю перчатки, делал руками такие движения, словно хотел помочь учлету управлять самолетом, топал ногами и кричал:

— Да не так… не так! Вот как надо действовать! Когда машина приземлится, инструктор сядет на

скамейку, облегченно вздохнет и, вытирая пот со лба, скажет:

— Наконец-то здесь летуны! — вытащит портсигар и закурит.

Если учлет провел полет удачно, Кальков говорит ему с довольной улыбкой:

— Хорошо летал, грамотно! Молодец!

Но тут же, словно одумавшись, сердито добавляет:

— Вы хоть сами с усами, а делайте так, как я учу вас.

Уже почти все курсанты летали самостоятельно. Инструктор стал еще требовательнее. Он не упускал ни малейшего промаха. Нелегко было с ним. Но я всегда с благодарностью думаю о своем первом учителе летного дела. Как он был прав, указывая нам на каждую ошибку, своевременно предупреждая ее!

20. Прыжок с парашютом

Как-то после полетов Кальков торжественно объявил нам:

— Программа вашего обучения завершена. Но мы будем продолжать летную практику до прибытия комиссии из училища. Работайте тщательно. Учтите: комиссия будет строгая.

Он ушел, а мы долго не расходились. Подготовляя к завтрашнему дню самолет, обсуждали новость и строили планы, куда нас пошлют — в бомбардировочную или истребительную авиацию. С тех пор как у нас побывал летчик-истребитель — воспитанник нашего аэроклуба, мне хотелось в истребительную, хотя я еще мало разбирался в военной авиации.

Когда на следующий день, собравшись у аэроклуба, мы ждали машину, начальник летной части, внимательно наблюдая за выражением наших лиц, сказал:

— Сегодня, товарищи, возьмете с собой на аэродром парашюты. Начнете тренироваться в прыжках.

У меня сердце екнуло. Вижу, и на лицах ребят растерянность.

Все заволновались. Оказывается, нам нарочно не сказали заранее о парашютных прыжках с самолета, чтобы хорошо спали ночь.

Подошел инструктор парашютного дела и, добродушно улыбаясь, дал нам последние указания, закончив так:

— Летаете вы, я знаю, неплохо, хотя дело это непростое. А прыжок ничего особенно сложного собой не представляет, если так же, как и в полете, будете делать все последовательно. Помните, чему я вас учил на вышке?

И пока мы ехали на аэродром, инструктор отвечал на наши вопросы; его уверенность и спокойствие передались и нам.

…Мы на старте. Аэроклубовский врач — он приезжает и уезжает ежедневно вместе с нами — проверяет пульс у учлетов. И говорит то одному, то другому:

— Волнуетесь? Полежите-ка здесь на травке. Аэроклубовец смущен, ему неловко перед товарищами, но он покорно ложится.

Мне казалось, что я совсем спокоен, но пульс у меня немного частил.

Первым прыгнул инструктор, показав нам, как надо приземляться. Прыгал он мастерски. После него прыгнули несколько ребят из другой группы. Глядя на товарищей, я почувствовал уверенность в себе и с нетерпением ждал своей очереди. Но у меня засосало под ложечкой, когда инструктор привез обратно учлета и сердито высадил его.

Раздался голос инструктора:

— Сейчас со мной полетит учлет Кожедуб. Ребята закричали:

— Приземляйся осторожнее, Иван! На обе ступни! Сажусь в самолет. Инструктор по парашютному

делу — он сам управляет машиной — дает газ. Взлетаем. Смотрю на приборы. Мне кажется, самолет медленно набирает высоту. Вот уже семьсот метров. Переходим в горизонтальный полет. Инструктор убирает газ. Самолет начинает парашютировать, терять скорость — так легче вылезть на плоскость, не сдует с крыла потоком воздуха. Становится тихо. Вот тут пульс у меня начинает сильно частить… Слышу команду:

— Вылезайте!

Отвечаю неестественно громко:

— Есть вылезать!

Сначала встал одной ногой на крыло, потом другой. Вылез. Уцепился за кабину. На ногах держусь крепко. Посмотрел вниз — ух ты, земля как близко! Если не успеет парашют раскрыться…

Снова слышу команду:

— Приготовиться!

— Есть приготовиться!

Нащупал кольцо, сжал его. Еще раз посмотрел вниз. Правда,

страшновато… Нет, постараюсь не подкачать!

Почему-то делаю глубокий вдох и решительно рапортую:

— Товарищ инструктор, готов к прыжку. Разрешите прыгать?

— Пошел!

— Есть пошел! — отвечаю и прыгаю в бездну.

Дух захватило. В первое мгновенье ничего не сознаю. Полуинстинктивно дергаю за кольцо. Меня сильно встряхивает. Смотрю вверх — надо мной белый купол. Все в порядке! Испытываю блаженное ощущение легкости, покоя, словно купаюсь в голубоватом прозрачном воздухе.

Поправляю лямки, чтобы удобнее было сидеть. Инструктор делает вираж вокруг меня и, убедившись, что все благополучно, уходит на аэродром. Наступает удивительная тишина. Земля приближается медленно, почти незаметно. Плавно снижаюсь. Стараюсь повернуться так, чтобы ветер дул в спину, ноги держу вместе.

Неожиданно начинаю стремительно лететь вниз. Земля набегает все быстрее, быстрее. Резкий толчок. Ударяюсь ногами. Я на земле.

Приземлился удачно — встал на обе ступни, по всем правилам. Очень хочется прыгнуть еще, но сегодня полагается прыгать по одному разу.

В машине, на обратном пути, мы делимся впечатлениями и болтаехМ без умолку. Каждому хочется рассказать, как вылезал на крыло, как прыгнул, что испытывал в воздухе, как раскрылся парашют. Инструктор доволен; посмеивается, следя за нами. Учлеты, не решившиеся прыгать, сидят хмурые и молчат…

Первый прыжок произвел на меня такое же впечатление, как и первый полет с инструктором. Потом я никогда не испытывал ни боязни, ни тревоги, а только острый интерес и чисто спортивное волнение.

21. Прощай, аэроклуб!

Лето кончилось, кончились и каникулы.

Началась учеба на последнем курсе техникума. Зимой нас, четверокурсников, должны были послать на практику.

Я был в том приподнято-радостном настроении, какое всегда бывает у человека, когда он, преодолев трудности, достигает цели. Моей целью, моим обязательством перед комсомолом было научиться летать и в то же время не сорвать учебу в техникуме. И теперь я мог смело сказать: обязательство выполнено!

Учебные полеты продолжались. В первых числах октября

после занятий нам было приказано выстроиться в центре аэродрома. Собрались все группы.

— Товарищи учлеты! — торжественно объявил начальник аэроклуба. — Прибыла комиссия — завтра с утра испытания. Те, кто их выдержит, будут зачислены в военное училище летчиков-истребителей. Комиссия состоит из людей требовательных, но я надеюсь, что вы покажете хорошую технику пилотирования.

Мне уже не раз приходилось испытывать чувство волнения перед экзаменом. Но сейчас я волновался, как никогда. Решалось мое будущее. Все зависело от моих знаний, моей техники пилотирования: одно неправильное движение — и о самолете придется забыть навсегда.

Рано утром мы уже стояли на линейке. Кальков держался спокойно, уверенно, и мы, глядя на него, подбодрились.

— Нашу группу будет принимать старший лейтенант Сулейма, — сказал он, зорко оглядывая нас, — вон тот коренастый брюнет в реглане. Предупреждаю: летчик он опытный и требовательный. Понятно?.. Вопросы есть?

Вопросов не было. Мы стояли навытяжку и молча следили глазами за старшим лейтенантом.

Кальков внушительно произнес хорошо знакомое нам напутствие:

— В воздухе не спешите, но поторапливайтесь. Слежу за полетом товарищей, забыв о том, что

скоро придет и моя очередь. Большинство летает грамотно. Но вот один учлет произвел посадку «с плюхом». Инструкторы волнуются. Кто-то тихо говорит:

— Боюсь, что перестараюсь.

И на меня нападает экзаменационный страх. Волнуюсь так, что уже не вижу, как летают другие. Словно во сне слышу бас Калькова:

— Четвертая летная группа готова к сдаче зачетов!

Подходит моя очередь.

На месте Калькова — старший лейтенант. Он внимательно следит за каждым моим движением. Сажусь в самолет и сразу успокаиваюсь. Взлетаю. Делаю виражи, петли…

Старший лейтенант все время молчит. Это меня беспокоит: может быть, я что-нибудь неправильно делаю?

— Идите на посадку! — неожиданно для меня кричит он в переговорную трубку.

Все мое внимание сосредоточено на том, чтобы произвести посадку по всем правилам. Приземлился удачно.

Вышел из самолета и обратился к экзаменатору:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите получить

замечания.

Он ответил коротко:

— Отлично!

Все ребята моей группы летали хорошо. Кальков сиял. Таким веселым и довольным я еще никогда его не видел.

Когда кончились испытания всех групп, инструктор подошел к нам и сказал:

— Хорошо летали, молодцы! — И добавил строго: — Впрочем, там видно будет. Завтра узнаете результаты.

Наутро мы в последний раз собрались у своего самолета. К нам подошел начальник аэроклуба и сказал:

— Товарищи, все учлеты вашей группы определены кандидатами в училище летчиков-истребителей. Вам будет прислан оттуда вызов. На месте пройдете врачебную комиссию… Поздравляю, товарищи! В добрый час!

Он ушел, а мы окружили инструктора:

— Спасибо, Александр Сергеевич, за выучку… Всегда будем вас помнить…

Кальков был растроган:

— Уж извините, если бывал резок. Дисциплина прежде всего. Может, вы сами станете инструкторами, тогда вспомните меня… Желаю вам хорошо летать, совершенствоваться, а если понадобится — храбро защищать Родину…

Он крепко пожал нам руки.

— А теперь в последний раз осмотрите машину и вкатите ее в ангар. В будущем году на ней начнут учиться новые аэроклубовцы. И помните мой наказ, — как обычно, строго и раздельно говорит инструктор, — с машиной надо обращаться на «вы», уважать ее нужно.

Прощай, инструктор! Прощай, маленький аэродром и «По-2» с хвостовым номером «4»!

22. Мечта сбывается

Я очень занят. И все же в первые дни после окончания аэроклуба чувствую какую-то пустоту. Не хватает друзей-учлетов, самолета, аэродрома…

С Коломийцем, Панченко, Петраковым, Коханом вижусь часто. При встрече мы задаем друг другу один и тот же вопрос: «Ну как, вызова нет?» И ведем длинный разговор о будущем — о жизни и учебе в военной школе. И без конца вспоминаем полеты на «По-2».

Жизнь в техникуме идет своим чередом. Накануне двадцать

второй годовщины Великого Октября меня вызывают в бюро комсомола.

— Ты премируешься грамотой и деньгами. Поздравляю! — говорит мне секретарь.

— Я премируюсь? За что?

— За успешное овладение самолетом без отрыва от основной учебы, — улыбаясь, отвечает секретарь и деловито добавляет: — Сейчас тебе надо подумать о дипломном задании. Вызова, может быть, придется ждать долго, а в техникуме нельзя учебу бросать.

В тот же вечер пришли ко мне Панченко и Коломиец; заводская комсомольская организация тоже премировала их и наградила грамотами.

Двести рублей премиальных я отнес отцу.

— Радуешь старика, сынок, — сказал он мне.

— Вот видишь, папаша, а ты говорил: за журавлем в небе погнался.

— Вижу, ты, сынок, прав. Но я рад, что ты техникум не бросил.

…Я работал много и стал реже встречаться со своими друзьями-аэроклубовцами.

Радио сообщило, что в ночь на 30 ноября финские войска попытались вторгнуться на нашу территорию, началась война с белофиннами.

У моего однокурсника Феди, жившего со мной в комнате, брат был на фронте, и мы вслух читали и перечитывали его бодрые боевые письма.

В эти дни мне так хотелось скорее получить извещение из училища, скорее стать летчиком-истребителем!

Незаметно пролетел январь 1940 года. Прошли и экзамены. Я получил дипломное задание. 3 февраля должен ехать на практику.

На душе у меня было неспокойно. Еще год назад я так мечтал об отъезде на практику, но сейчас все мои мысли были в неведомом мне училище, там, где готовят летчиков-истребителей.

Оформил в последний раз стенгазету, собрал пожитки и подготовился к отъезду. И вдруг 1 февраля меня вызвали в канцелярию техникума. Сердце у меня учащенно забилось.

Секретарь сказал:

— Ну, наконец пришел вызов в летное училище. Идите к директору.

Я чуть не вбежал в кабинет.

— А, здравствуй, летчик! Как же нам с тобой быть? — сказал мне директор, и его добродушное лицо показалось мне сейчас еще добрее. — Мы тебя растили, учили, а теперь отпускать

приходится. Ну хорошо, условие такое: не пройдешь медицинскую комиссию — поедешь на практику.

— Спасибо, товарищ директор! Согласен на все условия!

Теперь предстоял неприятный разговор с отцом. Я знал, что мой отъезд в летное училище его огорчит. Быть может, расстанемся надолго. По дороге в деревню я обдумывал, как лучше сказать отцу о новости.

— Думаешь ехать, Ванюша? — встретил он меня. — Собраться успеешь?

— Все будет в порядке, папаша. Ты не волнуйся… но только я ведь на практику не поеду.

Отец испуганно посмотрел на меня:

— Что еще выдумал?

— Получил вызов в летное училище. Еду туда послезавтра.

Отец всплеснул руками и медленно опустился на стул.

Я молчал: было жаль отца.

Вдруг он неожиданно спокойно сказал:

— Что ж, ты у меня не маленький. Тебе виднее… Ну, говори, что там будешь делать.

Я рассказал, на каких условиях меня отпускают. Он встал, подошел ко мне, обнял и сказал:

— Вон дела-то какие с белофиннами… На фронт, может, пошлют тебя, сынок. Бей врага насмерть… Ты пиши чаще.

В общежитии меня уже ждали товарищи-аэро-клубовцы. Они прибежали сообщить, что получили вызов. Запоздай извещение на два дня — и я бы уехал на практику.

2 февраля утром, накануне того дня, когда студенты уезжали на практику, я, сидя в вагоне, под стук колес с воодушевлением пел вместе с ребята-ми-аэроклубовцами военные песни. Не отрываясь смотрел в окно на запушенные снегом леса, поля, белые мазанки, на новостройки, заводы, фабрики.

Волнующее, радостное и гордое чувство овладевало мной.

Вот она, моя Родина, могучая, никем не победи-мая! Вот что я, летчик-истребитель, буду охранять, а если придется — защищать, пока не перестанет биться мое сердце!..

Часть третья В АВИАЦИОННОМ УЧИЛИЩЕ

1. Годен

На станции нас встретил представитель училища — худощавый лейтенант. Пока мы ждали машину, к нам подошел незнакомый паренек с хмурым лицом и сказал, что медицинская комиссия его забраковала, врачи очень придирчивы и нечего нам заранее радоваться. Мы встревожились, но расспросить его толком не успели: лейтенант позвал нас к машине.

Поехали к авиагородку. Остановились у большого поселка. Новые дома, аллеи, спортплощадки. За постройками виден аэродром.

Шум самолетов заполнил, казалось, все пространство. В ясном зимнем небе летало несколько истребителей. Закинув голову, я следил за ними и забыл обо всем на свете.

— Товарищ будущий курсант, фуражка с вас слетит, — раздался чей-то голос.

Передо мной стоял сопровождавший нас худощавый лейтенант.

— Идемте, товарищи, — сказал он. — Пообедаете, отдохнете, а там и на комиссию.

Построились. Чтобы не ударить лицом в грязь и показать свою строевую выправку, чеканным шагом вошли в широкие ворота и, поглядывая по сторонам, направились к казармам.

После обеда наступило наконец время идти на медицинскую комиссию — она казалась нам чем-то очень страшным. Долго и тщательно устанавливали врачи нашу пригодность к летному делу. Надо было побывать в нескольких кабинетах, и после каждого осмотра я тайком заглядывал в бланк. Всюду стояло — «годен».

Я был очень огорчен, узнав, что Кохана забраковал терапевт — у нашего товарища оказалось повышенное кровяное давление. Жаль было с ним расставаться.

Через несколько дней, когда кончила работать комиссия, нам, принятым в училище, выдали красноармейское обмундирование.

Подтянутые, веселые, выстроились мы во дворе. Комиссар поздравил нас: мы вступили в ряды Советской Армии. Перед тем как отпустить нас, он объявил:

— Сегодня, в восемнадцать часов, у вас будет комсомольское

собрание. Политрук подробно расскажет вам о распорядке жизни в училище и проведет политинформацию. Такие политинформации у нас в Ленинской комнате проводятся каждый вечер… В добрый час, товарищи! — закончил комиссар.

…Моя мечта осуществилась. Началась новая жизнь, жизнь курсанта авиационного училища.

2. Становимся военными

Вечерами мы собирались в Ленинской комнате. Политрук читал нам «Красную звезду», «Комсомольскую правду». Каждый из нас по очереди делал доклад по вопросам текущей политики. Конечно, с особенным вниманием мы следили за ходом войны с белофиннами. Трудно описать наше ликование, когда мы узнали, что 11 февраля советские войска начали штурм финской обороны и в первый же день пробили брешь в линии Маннергейма.

Нам очень нравилось, как политрук проводил занятия. Он делал доклады и о международном положении, и о литературе, кино, театре. Мы поражались, как он успевает готовиться к занятиям. В своих докладах он связывал вопросы текущей политики с нашими повседневными задачами: с обязанностью соблюдать железную воинскую дисциплину, быть исполнительным, быть верным воинской присяге. У него всегда была наготове шутка, а это курсанты очень любили. Он знал наизусть множество стихов и всегда кстати приводил их в своих беседах.

Был он человеком требовательным, в особенности когда речь шла о дисциплине, и в то же время чутким, внимательным товарищем.

…Коломиец и я попали в одно отделение. В нем — двенадцать человек. Все закончили аэроклубы. Перезнакомились быстро. Из новых товарищей мне особенно нравится Гриша Усменцев. Он привлекает своей энергией, поразительным трудолюбием, жизнерадостностью.

Вскоре меня назначили командиром отделения: на петлицах по два треугольника. Ребята подобрались дружные, дисциплинированные. Все они горячо любят авиацию. Я стараюсь узнать каждого курсанта в отделении. Это моя обязанность. Белорус Иванов, веселый белокурый, сероглазый паренек, полушутя назвал меня «батько». Кличку подхватили и другие товарищи. Я даже сердился, когда слышал, как ребята говорили про меня: «Вот наш батько идет».

Мы живем дружно и весело. Быстро привыкаем к

размеренному темпу жизни училища, военной дисциплине, к жизни по уставу.

По субботам ходим в город, в баню. Идем с песнями. Запевает мой земляк — Вася Лысенко, — а мы подхватываем. По сторонам глядеть не положено, но мы все же замечаем, что на нас смотрят, и каждый хочет поразить «гражданских» своей воинской выправкой. По воскресеньям нас иногда отпускают в кино.

Выходной день проходит незаметно и быстро. Кто пишет письма домой, кто идет в спортзал, кто читает книгу. Отбой бывает на час позже обычного. После отбоя в школе наступает тишина. Не спят только дежурные.

Наш строевой командир Малыгин — тот самый худощавый лейтенант, который встретил нас на станции, — строг и требователен. Первое занятие с нами он провел так: приказал вытащить на середину комнаты кровать и показал, как ее нужно заправлять по единому образцу, чтобы не делать ни одного лишнего движения. Сам он все делает быстро, аккуратно и этого требует от нас.

Малыгин вникает во все мелочи нашей жизни. Он приучает курсантов жить и учиться точно по уставу, воспитывает ту любовь к роенной профессии, которая проявляется во всем: и в ревностном исполнении приказа командира, и в том, как начищены сапоги, как затянут ремень, как подшит воротничок.

И незаметно — вчера еще сугубо штатские — становимся мы военными людьми. Трудно установить, как совершается этот переход, как появляются сознание воинского долга перед Родиной, воинская подтянутость, дисциплинированность.

Вначале, когда наш строевой командир отчитывал кого-нибудь из курсантов за слабо затянутый ремень или плохую заправку койки, нам казалось, что он чересчур придирчив. Но мы скоро поняли, что и ремень, и заправка койки только на первый взгляд кажутся мелочами, что отсюда-то и начинается воспитание дисциплины, собранности, воинского долга.

Командир часто напоминает нам об этом долге, о высоком достоинстве советского воина.

— Вот вы еще присягу не принимали, — говорит он. — Примете присягу, тогда уж на вас как на настоящих советских воинов смотреть будут…

3. Слова присяги

Когда же наконец наступит торжественный день принятия присяги? С каким волнением мы знакомимся с ее текстом,

слушаем беседы о ней! Я уже, кажется, наизусть знаю полные глубокого смысла слова воинской присяги. И вот наконец настал долгожданный день. В Ленинской комнате собрались курсанты. Тут несколько отделений. Мы выстраиваемся по два. Я стою в паре с Василием Лысенко. Лица у ребят сосредоточенные. В торжественной тишине раздаются слова присяги. Их взволнованно читают мои друзья, и большое, горячее чувство, от которого делается светло на душе, наполняет меня…

Курсанты по очереди подходят к столу, за которым стоят командир эскадрильи и комиссар. У меня от волнения пересохло в горле. Но начинаю читать текст и забываю обо всем, кроме слов присяги: в них вложены моя душа и все мои помыслы.

Этот день запоминается навсегда. Мне кажется, что только теперь я стал настоящим воином, и жизнь в училище, хотя в ней ничто, по существу, не изменилось, представляется мне иной, более значительной… Ведь я дал присягу быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным, мне доверено оружие, я с заряженной винтовкой пойду в караул на аэродром, мне выдали красноармейскую книжку…

Впервые меня посылают ночью в караул на аэродром. Тихо. Вдали темнеет лес. Под луной поблескивают самолеты. Необычайно красивыми кажутся мне они в лунном свете. В сотый раз обхожу «УТ-2» — «стрекозу», как мы его называем. Ребята говорят, что на нем сидишь, как на тарелочке: кабина, действительно, сверху открыта, не то что на аэроклубовском «По-2». Иногда в ночной тишине раздается знакомый голос приятеля-курсанта: «Стой, кто идет?» Пристально всматриваюсь в темноту и крепко сжимаю винтовку. Мне доверена охрана военного имущества. Невольно вспоминаются слова присяги…

4. Учебные будни

— Делайте все, чтобы быстрее построить отделение по учебной тревоге, — предупреждает нас командир на строевой подготовке. — Помните: стоит одному замешкаться — все отделение задержится.

И когда был объявлен сбор по «тревоге», я очень волновался: успею ли вовремя построить свое отделение?

После двух-трех ночных тревог я сказал своим товарищам:

— Порядок экономит время. Если знаешь, где что лежит, — соберешься быстрее. Давайте постараемся не делать ни одного лишнего движения при построении.

Через несколько дней в казарме раздалась команда

дежурного: «Тревога!» Мы выбежали во двор в полной боевой готовности, когда там еще никого не было. В темноте кто-то подошел к нам — это был дежурный командир. Он спросил номер нашего отделения.

Через минуту-другую построились все отделения.

Утром нас выстроил командир роты и зачитал приказ начальника училища:

«Четвертое отделение построилось первым — в 2 минуты 45 секунд, быстрее всех в училище. Командиру отделения объявляю благодарность с занесением в личное дело и выдачей денежной награды — 50 рублей».

Этот, может быть, незначительный случай показал нам, как велика роль спаянности и дисциплины; мы поняли, что быстроту действий, внимание, расторопность, четкость, необходимые в воздухе, нам нужно развивать в себе и на земле.

Наградные пятьдесят рублей я отослал отцу — знал, как это его порадует.

Занимаемся много. В классах решаем задачи, изучаем различные системы машин, сложную современную авиационную технику. Подробно знакомимся с материальной частью истребителя «И-16». Занятия в аэроклубе, оказывается, были всего лишь «приготовительным классом». Вот она, настоящая сложная боевая авиационная техника!

Так же как в аэроклубе, мы, не закончив еще теоретических дисциплин, должны познакомиться с нашими будущими инструкторами. К нашему отделению прикреплен лейтенант Тачкин. Мы уже, как водится, получили о нем некоторые сведения от ребят, летавших с ним в прошлом году. Они его хвалили. Говорили, что лейтенант — отличный инструктор.

Каждый день мы ждали встречи с инструктором. И вот по распорядку дня — первый методический час с инструкторами. Курсанты собрались по отделениям в казарме. Вошла группа военных. Это были инструкторы. Мы встали по команде. Очень молодой коренастый лейтенант не спеша, чуть вразвалку, направился к моему отделению, и пока мы стояли навытяжку, он оглядел нас, а мы его. Конечно, это Тачкин!

Я доложил:

— Товарищ лейтенант! Четвертая летная группа собралась на методический час.

Лейтенант разрешил нам сесть, расспросил, как учились в аэроклубе, задал ряд вопросов по курсу учебно-летной подготовки, коротко, по-военному, дал нам несколько наставлений. Мне он очень понравился, хотя показалось, что наш инструктор несколько медлителен. Правда, это не вязалось с его

энергичным, выразительным лицом и вообще с обликом летчика-истребителя.

С нетерпением мы ждали начала занятий на аэродроме.

В жизни летчика инструктор занимает особое место. От него во многом зависит летное будущее неопытного, горячего юнца. Приемы инструктора, его поведение в воздухе и на земле невольно перенимаются. Инструктор делает так-то, инструктор учит так-то — этим долго еще живешь в воздухе, пока не выработаешь свой «почерк». На земле во всем подражаешь инструктору, вплоть до манеры двигаться, говорить, заправлять гимнастерку.

…Зима кончается. У нас в училище идут напряженные занятия. Мы совсем освоились с военным укладом, вошли в размеренный ритм новой для нас жизни. Командование и инструкторы сумели воспитать в нас любовь к училищу, к нашей профессии, чувство воинской чести, сознательной воинской дисциплины, высокое чувство долга перед Отчизной. По-прежнему много занимаюсь спортом, а по вечерам, когда бываю свободен, читаю или иду в уютную Ленинскую комнату — там мы горячо обсуждаем текущие события, следим за ходом военных действий на Западе, за боями в Финляндии.

…Собравшись в круг, сидят курсанты — представители различных республик, областей, краев. Кто-нибудь читает вслух газету, и мы узнаем о новых победах советских людей, борющихся за досрочное выполнение сталинской пятилетки. Каждый из нас радуется, услышав об успехах земляков. И все мы испытываем большое, сильное чувство гордости за родную Советскую страну, живущую кипучей созидательной жизнью.

В эти зимние дни 1940 года всем нам хотелось бы очутиться на аэродромах Карельского перешейка, откуда поднимаются в воздух краснозвездные ястребки. Празднично, радостно было у нас в училище, когда 12 марта 1940 года белофинны запросили мира и военные действия были прекращены!

А между тем на Западе разгоралась война. Мы внимательно следили за картой военных действий. Немцы все чаще и чаще совершали налеты на Лондон. Фашистская Германия захватила пол-Европы…

5. Строгие машины

Когда стаял снег, на аэродроме подсохло и все испытания по теории были сданы, мы после утренней зарядки, веселые, довольные, чуть волнуясь, впервые вышли, на летную практику. У

ангара стояли «УТ-2». Самолеты уже были распределены.

К нам подошел инструктор и сказал, как всегда, коротко и внушительно:

— Предупреждаю: «УТ-2» — более строгая машина, чем «По-2». Поэтому, готовясь на земле к полетам, будьте еще внимательнее и дисциплинированнее.

Через несколько дней мы приступили к ознакомительным полетам в зону. «УТ-2» в воздухе гораздо послушнее, чем «По-2», и требует более точных и строгих движений. Тачкин любил слово «расторопный» и часто говорил нам: «Расторопнее будьте, расторопнее!» В воздухе он преображался. Движения становились быстрыми, но плавными и точными. Мне вначале казалось, что «УТ-2» трудно освоить и очень долго придется тренироваться. Мы давно не летали, к тому же на «УТ-2» сперва чувствовали себя как-то непривычно: над головой уже не крылья, как на «По-2», а бездонное небо. И всего тебя охватывает чувство пространства, бескрайных далей. Но прошло немного времени, и Тачкин сказал мне, как когда-то Кальков:

— Полетите самостоятельно.

Я был удивлен: не ожидал, что так быстро получу разрешение на самостоятельный полет. Влез в кабину, немного волнуясь. Сначала слегка уклонился от направления, но постепенно движения становились увереннее. Полет провел по всем правилам, как учил инструктор.

Когда я вылез из кабины, инструктор сказал:

— Летали хорошо, но все же вначале допустили ошибку. Учтите это.

Только сейчас вспомнил я об этой своей ошибке, о том, что уклонился от направления, — в воздухе некогда было думать об этом. Надо было учесть замечание инструктора и продумать свои действия в полете.

На следующий день вылетел Коломиец…

Вскоре инструкторы сами стали тренироваться на учебно-тренировочном истребителе. И мы начали проводить учебные полеты на «УТИ-4». «УТ-2» уже был освоен.

«УТИ-4» мне казался грозным, строгим и неприступным. Во время первого полета с инструктором я многое не понял в его действиях, не успел уследить за ними, как тогда, при первом полете на «По-2» в аэроклубе. Управлять «УТИ-4» надо было быстро, четко. И я не был уверен, смогу ли освоить технику пилотирования на нем. Поэтому особенно тщательно относился к наземной подготовке.

К первому полету готовился с тревогой. Однако полет оказался будничным. В воздухе я не испытал ни напряжения, ни

волнения. Машина отлично слушалась меня.

И вот наконец начинаем проводить наземную подготовку на боевых самолетах-истребителях «И-16». Мы думали, что на них будут тренироваться только инструкторы. Но неожиданно для себя я самостоятельно вылетел на этом боевом истребителе.

Я сделал три провозных полета на «УТИ-4». Дав несколько указаний, инструктор вдруг сказал мне:

— Подготовьтесь. Сегодня вылетаете самостоятельно на «И-16».

Не помня себя от радости и волнения, я пошел к самолету. Когда влез в кабину — успокоился, сосредоточился. Вырулил на линию исполнительного старта. Чувство ответственности за боевую машину росло с каждой секундой.

Осмотрелся, поднял руку и получил разрешение на вылет. Дал газ. Самолет словно сам понесся. Я даже немного растерялся. Оторвался от земли. Не успел оглянуться — высота триста метров. Собрался с мыслями, сделал круг над аэродромом. Захожу на посадку. Земля приближается быстро. Самолет строгий, не прощает ни малейшего упущения. Я сел впритирку около посадочного знака — даже финишер убежал.

Во втором полете я уже гораздо спокойнее и смелее держал управление. Когда приземлился, ко мне подошел Тачкин и пожал мне руку:

— Поздравляю! Летали отлично. Но с этой машиной надо быть повнимательнее.

На «И-16» начали вылетать и другие курсанты. Тачкин поставил передо мной еще более сложную задачу. Я ее выполнил и, довольный, раздумывая о том, как хорошо меня слушается машина, какая появилась во мне уверенность, захожу на посадку. Приземляюсь. И вдруг в конце пробега мой самолет разворачивается. Задеваю крылом за землю. Стоп! Рулю, посматривая на крыло. Как будто все в порядке. Но на душе скверно. Стыдно будет в глаза инструктору смотреть. Вот что значит ослабить внимание! Оно нужно и тогда, когда ты уже приземлился и заруливаешь на стоянку.

Вылезаю из самолета медленно и, не снимая шлема и парашюта, стою.

Тачкин и курсанты окружили самолет. Рассматривают крыло.

Инструктор окидывает меня холодным взглядом и говорит негромко, но так, что всем слышно:

— Что ж, зазнался, видимо. Пора, кажется, знать: с той секунды, как вы сядете в самолет, и до того, пока не вылезете из него, вы не имеете права ослаблять внимание. Самолет не терпит небрежного отношения к себе, а «И-16» в особенности.

Курсанты поглядывают то на Тачкина, то на меня. Знаю, что им за меня неловко, и чувство вины во мне растет. Сейчас, кажется, убежал бы с аэродрома куда глаза глядят!

Урок поучительный, хотя и тяжелый: мне не хватает того, что дает опыт, — уменья распределять внимание, той слитности пилота с самолетом, которая не позволяет делать ничего лишнего и заставляет делать все вовремя. Несколько дней я не мог успокоиться, не мог простить себе, что допустил ошибку. Она запомнилась мне надолго. И с той поры я стал внимательно следить за своими действиями до последней секунды полета.

6. Экзамен

Уже почти все курсанты летали самостоятельно — летная учеба кончилась. Приближался день выпуска. Каждый из нас старался закончить училище с отличием, чтобы быть достойным звания летчика-истребителя; каждый мечтал попасть в летную часть.

По вечерам, отдохнув после полетов, мы собирались в Ленинской комнате и слушали политинформацию. Международное положение становилось все напряженнее. К лету фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Францию и Люксембург. Активность фашистской авиации росла.

Мы обсуждали ход военных действий и на земле и в воздухе. И неизменно затрагивали вопрос нашего будущего. Если Родина прикажет, мы не посрамим чести советских летчиков!

А пока надо учиться — упорно, настойчиво, без устали.

В учебе и работе незаметно пролетело еще несколько месяцев. Наше звено уже было готово к сдаче зачетов по летной практике. Летная погода кончалась, началась гололедица. Подходила зима.

В морозное ясное утро к нам на старт пришел помощник начальника школы по летной подготовке майор Шатилин.

Лицо у «грозного майора», как мы называли его, добродушное и веселое. Но мы знали, что он беспощадно строг, его наметанный глаз замечает малейшее нарушение наставления по производству полетов. Мы растерялись, увидев его. Может быть, кого-нибудь отчислять будет?..

Нас собрал Тачкин и сказал, как всегда, коротко, что нам приказано сделать по два полета на «И-16». При этом добавил:

— Строго выдерживайте направление на пробеге, чтобы самолет не развернулся: гололедица!

Больше никаких наставлений инструктор не дал, но предупредил, что на старте командир и что на посадку он будет обращать особое внимание. Это значило: будьте начеку! Мы было встревожились, но быстро успокоились, решив, что тренировочный полет нам не зачтут без предупреждения как выпускной.

Подошла моя очередь. Я сделал два полета, сел точно у «Т» на три точки. Инструктор сказал, когда я вылез из самолета:

— Идите к майору, доложите.

Я в недоумении: неужели допустил какое-нибудь нарушение? Вероятно, срезал крут в воздухе. В тревоге подошел к майору, стал навытяжку и проговорил:

— Товарищ майор! Курсант Кожедуб. Разрешите получить замечания?

Он испытующе посмотрел на меня и произнес:

— Отлично! Останетесь работать в училище инструктором.

Оказывается, это были зачетные полеты. В голове не укладывалось, что я, рядовой курсант, еще недавно учлет, теперь сам буду учить летать. Это была большая честь, но я огорчился: хотелось служить в строевой части. Но что поделаешь — дисциплина!

Зато сколько раз потом я с благодарностью вспоминал училище, в котором прошел хорошую школу работы инструктором! Она мне много, дала для будущей службы.

7. Учу и учусь сам

Меня переводят в эскадрилью, которая находится на другом аэродроме. Панченко и Коломиец, мои аэроклубовские друзья, попадают со мной туда же. Теперь они тоже инструкторы. Расстаюсь с земляком и приятелем Лысенко — он будет работать инструктором на старом месте. Многих друзей провожаем в часть.

Ко мне прикрепляется десятая летная группа. У меня одиннадцать учеников — здоровые, молодые ребята. Когда они выстраиваются, не спуская с меня глаз, я едва сдерживаю улыбку: вспоминаю, что еще несколько месяцев назад точно так же я смотрел на инструктора Тачкина. Но волнуюсь я не меньше, чем они. Передо мной задача: завоевать авторитет у моих учеников, найти подход к каждому из них. Это не просто. Вспоминаю Калькова и Тачкина и невольно подражаю их манере говорить с курсантами.

Первое занятие на земле проходит хорошо. Ребята внимательно слушают меня и старательно выполняют мои

приказания.

Мне доверили людей, которых надо научить сложному мастерству пилотажа на самолете-истребителе. Нужно правильно оценить способности каждого курсанта, изучить его настроения, склонности и нужды. Все это кажется мне очень трудным. Смогу ли я привить курсантам любовь к самолету?

Чем больше я втягиваюсь в работу, тем глубже сознаю огромную роль инструктора в росте будущего летчика, в развитии его летных и моральных качеств, в его боевом и политическом воспитании.

Курсанты следили за каждым моим шагом, каждым моим поступком, и это заставляло меня упорно работать над собой.

Я учил и учился. Обучая курсантов, отрабатывал и свою технику пилотирования, шлифовал ее. Я обязан был в совершенстве владеть самолетом, иначе мой авторитет как учителя был бы подорван. В воздухе я действительно сливался с самолетом, мои движения были отработаны до автоматизма.

Готовился к занятиям методически. Вел дневник группы, помогал курсантам разбираться и в теории. Отдельно работал с отстающими. С курсантами подружился, их интересы были мне близки. Каждый их успех и неудача — личное, кровное дело инструктора.

Я так увлекся педагогической работой, что не замечал, как шло время. Группа моя работала хорошо, добросовестно. И весной 1941 года мы приступили к летной подготовке.

Наш командир эскадрильи строг и очень требователен. Курсантам он порою внушает страх, и работать с ним нелегко. Он долго помнит малейшее нарушение дисциплины.

Мое настоящее знакомство с учениками началось в полетах на «УТ-2». Среди моих курсантов выделяется Башкиров. Он на пять лет старше меня. У него хорошее общее и политическое образование. Он показывает пример упорства, дисциплинированности и прилежания. Башкиров часто занимается с более слабыми курсантами, проводит по-литбеседы. Он первый вылетает самостоятельно.

Моя группа идет впереди других и уже приступила к самостоятельным полетам на «УТ-2». Поэтому комэск, несмотря на то что я и сам много и систематически тренируюсь на «И-16», дает мне дополнительную нагрузку: проводить рулежку с курсантами другого отряда. Утром — полеты. Днем и вечером провожу с курсантами рулежку на самолете с ободранными крыльями. Он бегает только по земле, словно птица с общипанными перьями. На нем курсант учится держать направление. Я привык к двойной нагрузке. С рассвета до

темноты на ногах.

8. Двадцать второе июня 1941 года

Ранним утром 22 июня 1941 года мы, как всегда, сидели за завтраком в столовой-палатке. Только начали пить кофе — раздалась команда начальника штаба:

— Боевая тревога! Боевая тревога! По самолетам! Сам начальник штаба вбежал в палатку.

— По самолетам! Боевая тревога! — взволнованно закричал он. Что-то необычное — серьезное и напряженное — было в его лице.

Шмыгнув прямо под палатку, мы врассыпную бросились к своим машинам. Техники уже запустили моторы.

— Разрулить самолеты по окраинам аэродрома! — приказал командир эскадрильи.

Погода скверная. Моросит дождик. Сидим с техником Наумовым под крылом и ждем отбоя.

— Странно… — говорит техник — Так долго тревога никогда не длилась. Глянь-ка, что там делается?

Я оглянулся: на поляне за аэродромом, где находился военный лагерь, палаток как не бывало. Там выстроились красноармейцы, и до нас то и дело докатывается их громкое «ура».

— Там митинг, — отвечаю я.

И тотчас же раздается» команда: «Все на центр аэродрома!»

Мы выстраиваемся в центре летного поля.

К нам подходит командир эскадрильи и говорит:

— Товарищи, отбоя нет. Боевая тревога продолжается. Сегодня в четыре часа утра войска фашистской Германии вероломно вторглись в пределы нашей Родины. Фашистские самолеты бомбили Киев, Харьков, Севастополь, Житомир и другие советские города… Рассредоточить самолеты по звеньям. Будем жить в боевых условиях Порядок дня не изменен, но день должен быть уплотнен еще больше… Приступайте к своим каждодневным делам, товарищи.

Война… Фронт… В голове пронеслась вереница мыслей… Родина в опасности! Украина, моя родная цветущая Украина, уже испытала первый удар вероломного врага. Жизнь моих сограждан под угрозой!

Чувство ненависти к врагу росло, овладевало всеми помыслами. Поделиться своими переживаниями с друзьями некогда — начинается обычный учебный день. После обеда

комэск читает нам сводку, первую сводку командования Советской Армии.

Вечером нас собрал комиссар, как всегда, спокойный и подтянутый.

— Товарищи! — сказал он. — Фашистская Германия захватила оружие и боеприпасы нескольких европейских армий. На нее работает промышленность Чехословакии, Австрии, Польши, Голландии, Франции и других стран. Гитлеровцы рассчитывают на молниеносный удар, но наша армия, воспитанная партией Ленина — Сталина, даст отпор захватчикам. Все силы мы должны бросить на защиту Родины. Сейчас наш лозунг — все для фронта, все для победы. Нами руководит Сталин, и мы победим!

В эту секунду я, рядовой летчик, уже чувствовал себя участником справедливой борьбы, которую ведут воины нашей многонациональной Родины. Великая воля к победе захватила и меня. Мы в едином порыве закричали «ура». Я был уверен, что через несколько часов полечу на фронт.

Комиссар закончил деловито и внушительно:

— Фронт требует летчиков. Надо их готовить. Работайте, товарищи инструкторы, еще лучше, еще тщательнее отрабатывайте технику пилотирования, свою и курсантов! Когда вы понадобитесь, будете отправлены на фронт. А пока — с утроенной энергией за учебу. Дисциплина — прежде всего!

«Я летчик-истребитель, и мое место — на фронте», — вот о чем думал я с самого утра. Но приказ нашего командования был ясен и безоговорочен. Фронт требует летчиков, и мы должны их готовить. И все же как хотелось мне в этот вечер вылететь в действующую часть!

9. В дни войны

Курсантам выдали винтовки. На аэродром привезли пулеметы.

Жизнь идет все так же размеренно, но работаем еще больше и каждую свободную минуту слушаем радио. Вечером политрук читает нам сводку за день.

Ночью долго не можем уснуть: прислушиваемся к отдаленному раскату зениток. Множество прожекторов освещают небо. Тихо, односложно переговариваемся. Фашисты предпринимают налеты на Харьков. Их бомбардировщики пролетают недалеко от нашего аэродрома, над излучиной Северного Донца. С ненавистью прислушиваемся к гулу

вражеских машин. Каждый из нас думает: когда же я смогу сразиться с врагом?

Из ежедневных оперативных сводок мы узнаем о героических подвигах наших летчиков.

В памятный день 3 июля 1941 года мы собрались в Ленинской комнате и с напряженным вниманием, с глубоким волнением слушали выступление великого вождя.

«Вперед, за нашу победу!» — провозгласил, заканчивая свою речь, товарищ Сталин.

Слова вождя стали для меня путеводными. Я знал, что моя страна все подчиняет интересам фронта и задачам разгрома врага и что обязанность каждого из нас, на каком бы маленьком участке мы ни стояли, перестроить свою работу на военный лад.

Все мы — инструкторы и курсанты — работали с необычайным подъемом, у каждого из нас росло чувство ответственности.

В одной из утренних сводок — это было 5 июля 1941 года — передавалось о подвиге капитана Гастелло. Мы о нем никогда не слыхали. Это был обыкновенный летчик, ставший героем. Немало подвигов во славу Отчизны свершили советские воины в первые же дни войны, но подвиг Гастелло был особенным. Каждый из нас невольно задавал себе вопрос: а смогу ли я поступить так, как поступил Гастелло? Найду ли в себе мужество? Но дать ответ на это могло только испытание боем.

В эти дни был получен приказ: отправить на самолетах училища нескольких летчиков на фронт. Улетали опытные инструкторы из другого отряда. Конечно, им подобрали лучшие самолеты — «И-16». Мы провожали товарищей, завидуя им. Они были взволнованы, довольны. После их отлета я стал еще упорнее тренироваться в надежде, что скоро придет и моя очередь.

Уже прошла середина июля. Напряженные бои шли на Псковском, Смоленском и Новгород-Волынском направлениях.

Весь народ поднялся на защиту Отчизны. «Все для фронта, все для победы!» Я читаю эти слова в газетах, слышу их по радио, живу ими. Выполняя срочные заказы фронта, рабочие не уходят с заводов и ночью. Задания фронта выполняются невиданно быстро.

С волнением читаем мы о героизме советских людей и на полях сражений, и в цехах заводов, фабрик, и на колхозных полях. А если в газетах промелькнет знакомая фамилия летчика или товарища по училищу, улетевшего на «И-16» и уже вступившего в бой, то мы испытываем чувство гордости за него и без конца говорим о нем.

Газета переходит из рук в руки.

— Наши-то бьют немцев! Честь училища высоко держат!

Мы получали от друзей с фронта письма, короткие, бодрые, с описанием боевых вылетов. Они уже сбивали вражеские самолеты…

Мои курсанты кончили полеты на учебно-тренировочном самолете и должны были приступить к тренировке на боевом «И-16». Я был уверен, что как только они кончат учебу, отправят на фронт и меня. С нетерпением ждал этого дня.

10. Авария

И вдруг мои планы рухнули. Произошло это так. Я проводил с курсантами ознакомительные полеты в зону. За день сделал десять полетов. Все шло отлично. Самолет «УТИ-4» был новенький, его дали моей группе за хорошую учебно-боевую подготовку. Последним в кабину сел курсант Клочков. Начинаем взлет.

Клочков летал хорошо. Но у него был большой недостаток — рассеянное внимание: того и жди, что-нибудь перепутает. Вижу, самолет почему-то долго не отрывается. Скорость большая. Мотор стал давать перебои. Я в недоумении: в чем дело? Ведь мотор новый! Очевидно, Клочков на взлете все же перепутал сектора — вместо нормального газа дал высотный, а им положено пользоваться только с определенной высоты.

Впереди — овраг. Сейчас угодим в него. Делаю попытку перескочить овраг. Раздается треск. Что-то сильно ударило по голове. Моя машина в трех метрах от оврага столкнулась с самолетом, на котором мы обычно проводили рулежку. Выскакиваю из кабины. Снимаю шлем и парашют. По лицу бежит кровь. Курсант недвижно сидит в своей кабине — видимо, он без чувств. К нам подбежали курсанты. Успеваю крикнуть, чтобы они вытащили Клочкова, и теряю сознание…

Если бы мы получили лобовой удар, могли б погибнуть. Отделались легко. Но мне очень жаль было новую машину.

После этого комэск изменил свое отношение ко мне. На каждом разборе он непременно вспоминал об аварии. Я оказался в числе нерадивых. О фронте нечего было и мечтать — на фронт посылались лучшие… Было обидно и горько. Конечно, я мог бы оправдаться, но комэск ничего не хотел слушать.

Все это угнетало меня. Но прошло несколько дней, и я с новой энергией взялся за работу, еще требовательнее стал относиться к себе и к своим ученикам. Только так можно было вернуть утраченное доверие.

11. В глубокий тыл

22 августа по радио сообщили двухмесячные итоги войны. Фашисты просчитались в своих планах на молниеносную победу. В нашей стране они встретили такое сопротивление, какого никогда и нигде не встречали.

Идут ожесточенные бои на всем протяжении фронта — от Ледовитого океана до Черного моря. По нескольку раз в день немцы налетают на Ленинград.

Порою тяжело становилось на душе, но мы знали, что должны держаться мужественно, стойко. Нытиков среди нас не было.

От отца, сестры и брата Григория — он работал в охране завода — уж давно нет ни строчки. Волнуюсь о близких. Письма отца, полные веры в нашу победу, его отеческие наставления были для меня большой радостью. Обычно отец очень беспокоился о моем здоровье. Теперь же, в дни войны, он писал о том, что я должен самоотверженно сражаться с врагом, защищать Родину, как подобает каждому советскому воину. Очень огорчало меня, что я потерял связь и с братьями Яковом и Александром. Яков ушел в армию с первого дня войны, и вестей от него не было. Последнее письмо от Сашко я получил с Урала. Мое ответное письмо к нему вернулось с пометкой на конверте: «Адресат выбыл».

…Война идет на территории Украины. С болью в сердце думаю о родной земле. Снова пытаюсь добиться отправки на фронт и подаю рапорт, но мне отказано: злосчастная авария все еще не забыта.

Утешаю себя тем, что на фронт отправили моего лучшего ученика — Башкирова. Радостно, что мой ученик летит воевать, но горько, что не лечу и я…

Днем к нам на аэродром стали залетать немецкие разведчики, по ночам стали чаще объявляться боевые тревоги.

Наши войска оставили Киев.

Мы получили приказ перебазироваться в глубокий тыл и там готовить летчиков. Весть эта всех взволновала. Тяжело было покидать родную Украину, хотя мы знали, что это необходимо: для подготовки летчиков требовались нормальные условия работы, спокойная обстановка.

Сборы идут быстро и организованно. Не забыта даже двухпудовая гиря, с которой мы тренируемся. В последний раз выходим на аэродром. Чуть светает. Серое, осеннее утро. Самолеты готовы к полету.

Выстраиваемся. Несколько напутственных слов комэска, и мы

уже над аэродромом. Делаем прощальный круг. Сердце сжалось, когда я посмотрел на пустой, осиротевший аэродром.

Берем курс на восток. С самолета иногда кажется, что дорога движется: это колхозники угоняют стада в глубокий тыл.

Первую посадку делаем среди большого кукурузного поля. Заправились бензином и полетели в Воронеж. Здесь уже кипит боевая работа — в воздухе патрулируют истребители.

На летном поле стоят незнакомые нам мощные самолеты. Мы окружили один из них, стали рассматривать со всех сторон, оживленно переговариваясь.

— Вот это самолеты, ребята! — крикнул кто-то восхищенно.

К нам подошел военный летчик, посмотрел на нас и, улыбаясь, сказал:

— Здравствуйте, молодежь! Вижу, нравятся вам «Ильюшины»… Да, эти самолеты ужас на врага наводят.

И он рассказал о замечательных боевых качествах нашего отечественного самолета, о его необычайной живучести…

Утром вылетели дальше. Прибыли к месту, откуда наш путь продолжался по железной дороге.

На путях стоят эшелоны с людьми, машинами, орудиями; одни направляются в тыл, другие — на фронт. Мы разбираем наши самолеты и грузим их на платформы.

В октябре трогаемся в путь.

Со мной в теплушке едут Усменцев, Коломиец, Панченко и другие ребята. Устраиваемся по-домашнему. Обязанности у нас распределены: как только поезд подходит к станции, один бежит доставать свежую газету или послушать последнюю сводку Совинформбюро, другой достает кипяток. Наш состав не задерживают, и бывает, что он трогается неожиданно.

Нам предстоит долгая дорога — в Среднюю Азию. Политрук у нас бывает по нескольку раз в день, и мы говорим с ним о войне, о Родине, об идущих навстречу эшелонах, груженных боевой техникой, и неизменно возвращаемся к вопросу: когда же мы сами полетим на фронт?

Узнаем, что Ленинград обстреливается из вражеских дальнобойных орудий. Город — в кольце блокады. Ленинград трудится и борется. Наши летчики там зорко несут вахту…

В пути же узнаем, что Москва объявлена на осадном положении. Кто-то нетерпеливо говорит

— Товарищ политрук, москвичи ушли в ополчение, а мы, военные люди, летчики, уезжаем в тыл!

Мы не можем привыкнуть к мысли, что движемся на восток, а не летим на запад.

…Вдоль полотна до самого горизонта тянутся солончаки,

кустарники. Проехали мимо голубого Аральского моря. Стало теплее. Раскрыв двери теплушки, смотрим на верблюдов, на бескрайную степь — все это нам в диковинку.

Наконец приехали. Зеленый город. Уйма фруктов. Дыни, виноград. Небо синее. Теплынь.

Наш состав поставили на запасный путь. Надо было быстро разгрузить эшелон, и мы без отдыха таскали свои самолеты. В несколько рейсов все было перевезено и перенесено на аэродром, расположенный в полутора километрах от города.

Кругом аэродрома расстилаются хлопковые плантации, журчат арыки, зеленеют сады. И тополя, как у нас на Украине.

12. Когда же фронт?

Большой перерыв в учебе курсантов задерживал выпуск. Работать приходилось без передышки, а условия были нелегкие: стояла страшная духота. Моторы «захлебывались» от пыли и перегревались от зноя. Иногда после взлета пыль долго стояла столбом. Летали только рано'утром и под вечер. Днем занимались наземной подготовкой, теорией и разбором полетов. В минуты отдыха я переносился мыслью в родную деревню. Там, у нас на Украине, сейчас хозяйничали фашисты… В работе я забывался. Но стоило только прилечь отдохнуть, и перед глазами вставали отец, сестра, братья, Ображеевка, Украина…

Опять подаю рапорт об отправке на фронт. И снова получаю короткий ответ: «Готовьте летчиков».

Наступают Октябрьские праздники. 7 ноября 1941 года. Думаем и говорим о нашей дорогой столице. Как-то выглядит она в это утро, как поживают москвичи? Вряд ли сегодня будет традиционный парад — слишком близко фронт…

И вдруг мы узнаем: 7 ноября в прифронтовой Москве состоялся военный парад.

С особенной силой ощутили мы радостное чувство веры в победу, слушая доклад нашего великого вождя.

«…Разгром немецких империалистов и их армий неминуем», — сказал товарищ Сталин в своем докладе.

«…Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался, — говорил великий Сталин в своей речи на Красной площади. — …Наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей

армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков».

Нам радостно было сознавать, что, находясь в глубоком тылу, мы вместе со всем народом куем победу. И все же меня продолжала преследовать мысль о фронте.

Комэск уже сменил гнев на милость. Но время шло, а командир все молчал. Неужели я еще не заслужил права вылететь на фронт?..

Мои курсанты приступили к самостоятельным полетам. Я не волнуюсь, так как знаю, что подготовленный курсант не сделает грубой ошибки. Но хладнокровие оставляет меня, когда вижу, что Клочкову никак не удается сделать посадку. Грожу курсанту с земли кулаком, как когда-то грозил учлетам наш инструктор в аэроклубе. Налетавшись «досыта», Клочков садится. Мои опасения оправдались: не обошлось без поломки. Самолет отруливает на заправочную линию. Техник просматривает узлы крепления, а я тем временем отчитываю курсанта за то, что он «утюжил» воздух.

Вспоминается песня, которую мы пели, когда были курсантами, на мотив «Раскинулось море широко»:

Его привели к командиру звена, Налево семь раз повернули И стружку снимали с него полчаса, У бедного слезы блеснули…

…Чем неспособнее, труднее был ученик, тем охотнее и больше я с ним работал. И когда добивался успеха, то испытывал необычайную радость. Научить человека трудному для него делу, поделиться с ним опытом — что может быть отраднее!

13. Семь против двадцати пяти

В свободную минуту, лежа под крылом самолета, я читал описания воздушных боев и по-мальчишески мечтал убежать в Москву, а оттуда на фронт. Я не задумывался над тем, как это осуществить, но уже видел себя в боевом самолете на месте летчика, о подвигах которого только что прочел в газете, и, так сказать, входил в его роль. Картину боя в ту пору я представлял себе плохо, туманно, да и нелегко себе ее представить, пока не побываешь на фронте…

Незаметно подошел 1942 год. Мы встретили его в суровое время. Но на душе уже было легче: немцы под Москвой разгромлены. Советская Армия на различных участках огромного фронта наносила ощутительные удары по врагу.

23 февраля — двадцать четвертая годовщина Советской Армии. В училище праздничное настроение: немецкое зимнее

наступление сорвано! Наша армия за четыре месяца прошла от Москвы более четырехсот километров.

В этот день мои друзья — инструкторы — и я получили звание старших сержантов. Мы были горды и счастливы и весь вечер толковали о грядущих боевых делах.

Прошло два с половиной месяца в напряженной учебе. Мои курсанты летали хорошо. К 1 Мая получил благодарность от комэска. Я не имел ни одного взыскания, ни одного замечания, и наши отношения со строгим командиром наладились. На торжественном вечере политрук прочел нам первомайский приказ Народного комиссара обороны. Я много думал о словах вождя, о его приказе совершенствовать боевую выучку.

Об этом же шла речь и на нашем комсомольском собрании: как лучше подготовить себя к боевой деятельности.

Преподаватель тактики военно-воздушных сил сделал для нас интересный альбом. Он собрал в нем статьи из газет с описанием тактически наиболее интересных боев. Преподаватель дал мне альбом на несколько дней. Это было прекрасное пособие. Я подробно разбирал с курсантами тактику нашей и вражеской авиации, знакомил их с опытом боевых летчиков.

По вечерам долго просиживаю над альбомом, тщательно изучаю, анализирую каждый тактический прием фронтовых летчиков, вычерчиваю на бумаге схемы боя, отдельные фигуры, записываю в блокнот свои выводы. Эта «творческая лаборатория» принесла мне большую пользу. Я еще не был на фронте, но уже стал нагляднее представлять себе действия летчика в бою. Во многом мне помогло умение рисовать.

Как-то вечером, войдя в коридор штаба, я увидел у витрины, в которой обычно вывешивались газеты, летчиков. Они что-то горячо обсуждали. В «Сталинском соколе» была опубликована статья, описывающая замечательный бой семерки советских летчиков против двадцати пяти фашистов, бой, закончившийся разгромом врага. Среди семи отважных — три питомца нашего училища. Их отправили на фронт, когда мы были еще дома, на Украине.

Мы гордились товарищами.

Командиру славной семерки, летчику Еремину, впоследствии был передан самолет, построенный на сбережения колхозника-патриота Ферапонта Головатого.

14. Закон двойного контроля

Приближался день выпуска моей группы. Предстояло сделать

последний полет с курсантом в зону и показать срывы в штопор.

Рано утром мы вышли на аэродром. Механик доложил, что самолет исправен. Я полетел уверенно. Сделал срыв в штопор и начал выводить самолет. Даю газ, а мотор не работает. Самолет вошел в крутую спираль. Потянул ручку на себя. Самолет начал вращаться в другую сторону. Быстро приближалась земля. Надвигалась катастрофа. Нельзя терять ни секунды! Не могу понять, что происходит с мотором. Предпринимаю последнюю попытку выровнять самолет, и вот уже он в горизонтальном положении. Но вынужденная посадка неизбежна.

Местность неровная. Оглядываюсь — сбоку хлопковая плантация. Направляюсь к ней. Снижаюсь. Потянул ручку на себя — самолет приземлился и побежал. Его тянуло на нос — вот-вот перевернется! Площадка с наклоном. Впереди — пропасть.

Самолет остановился перед ней метрах в пятнадца-ти-двадцати.

Очевидно, кончилось горючее. Открываю пробку и убеждаюсь — увы, бензина действительно нет!

Слышу совсем близко гул мотора. Поднимаю голову. Низко летит самолет командира эскадрильи. Я показываю знаками, что бензина нет, командир грозит мне кулаком.

Самолет улетел, а мы уныло сидим и ждем бензина. До чего обидно! Я опять, наверное, попал в нерадивые, опять отложится моя отправка на фронт!..

Командир приезжает на автомобиле. Я готов провалиться сквозь землю. Доложил о том, что произвел вынужденную посадку из-за недостатка горючего, но самолет в полной исправности.

Командир приказал заправить самолет бензином.

Бензобак зарядили. Командир сам сел в кабину и попытался взлететь. Но это было невозможно — слишком мала площадка.

Он приказал разобрать самолет. Через несколько часов мы доставили самолет на аэродром.

Комэск вызвал меня. Я знал, что предстоит неприятный разговор: командир, как у нас говорилось, стружку снимет.

Но он встретил меня не так сурово, как я ожидал.

— Никогда не забывайте, что, доверяя технику, вы должны в то же время и проверять его, — сказал он. — Двойной контроль предупреждает происшествия.

Командир ограничился этим замечанием, очевидно, потому, что я удачно посадил самолет ни аварии, ни поломок не было.

Это правило: контроль — лучший способ уклонения от происшествий — я крепко запомнил. Вину на себя я, конечно, принял, но механику, доложившему перед нашим вылетом, что

баки полны горючего, от меня досталось.

15. Случай с мотором

Все курсанты успешно закончили учебу. Они окружают меня. Их возбужденные лица напоминают мне, как я сам полтора года назад волновался, расставаясь со своим инструктором в аэроклубе.

Курсанты благодарят меня, и я испытываю большое удовлетворение: знаю, что они подготовлены неплохо. Все они улетают на фронт, а мне пока поручено ускорить выпуск другой летной группы.

И опять весь день я провожу на аэродроме.

В новой группе мне особенно понравился белокурый юноша, старательный, очень веселый и остроумный, харьковчанин Иван Федоров.

Ранним утром я должен вылететь с ним по маршруту. У нас учебный самолет со слабеньким пятицилиндровым мотором.

Перед вылетом я тщательно осмотрел машину. Все как будто в исправности, мотор работает хорошо. Взлетели. Высота тридцать-сорок метров. Внизу промелькнула железнодорожная станция, город…

Вдруг мотор начал давать перебои, стала стремительно падать тяга. Самолет снижался. Кругом здания — посадить самолет некуда. Он быстро терял скорость над самыми домами. Вот-вот зацепится за крышу! Чтобы избежать лобового удара, я свалил самолет на крыло. Послышался резкий треск: самолет ударился об угол дома.

На мгновение я потерял сознание; когда опомнился, ничего не мог понять.

Передо мной кирпичное станционное здание. Я решил, что мне это мерещится. Поднял голову — нет, в самом деле это кирпичная стена. С трудом повернулся. Федоров сидит в своей уцелевшей кабине, и вид у него странный. Я посмотрел по сторонам — всюду валяются обломки. Поднялся и по привычке хотел шагнуть из кабины, но кабины как не бывало. Ступать было больно, и я упал. Кое-как снял парашют, шлем. Федоров, увидев, что я двигаюсь, радостно закричал: «Все в порядке!» Вероятно, он думал, что я разбился.

Вокруг собралась толпа. Подъехала машина, и через несколько минут мы очутились в госпитале.

У моего тезки оказался тяжелый ушиб позвоночника, у меня — обеих ног: долго не мог ходить. Пролежали около месяца. Расследование катастрофы установило, что мотор отказал не по нашей вине.

Я снова в строю, снова учу и учусь.

16. В Москву!

Мы с глубоким волнением следим за Сталинградской битвой. Все наши помыслы и разговоры — о Сталинграде. В небе над волжской твердыней идут ожесточенные воздушные бои. Они начинаются с рассвета и длятся до темноты.

У меня такое горячее желание стать участником Сталинградской битвы, так сильна ненависть к врагу, так много во мне сил, а я должен быть только наблюдателем! До каких же это пор?

Я понимаю, как нужен сейчас каждый инструктор, как важно выпускать для фронта хорошо подготовленных летчиков, но все мои помыслы — на фронтовых аэродромах, в небе над Волгой.

Однажды я возвратился с тренировочного полета. Жара стояла невыносимая.

— Пошли купаться! — позвал меня Усменцев.

Только мы собрались пойти к арыку, протекавшему между высокими тополями возле аэродрома, как ко мне подбежал техник

— Вас вызывает комэск

— Ну, подожди, сейчас вернусь! — крикнул я Грише.

В дверях сталкиваюсь с командиром звена другого отряда — лейтенантом Петро Кучеренко. Он спокойный, выдержанный, скромный летчик. Говорит с расстановкой, ходит, словно обдумывая каждое движение. Его тоже вызвал комэск.

Входим вместе. Докладываем. Командир эскадрильи встает и пристально смотрит на нас. Ну, думаю, сейчас начнет отчитывать за что-нибудь. Командир постоял молча и медленно произнес:

— Да, я знаю, вы летчики неплохие, не подведете нас на фронте. Оба отправляетесь по вызову в Москву. Выезд завтра утром.

Наконец-то! Мне даже не верилось.

Командир пожал нам руки, и мы вышли. Весть уже облетела аэродром, и ребята ждали нас у дверей. Тут и мой друг — Гриша Усменцев. Я бросился его обнимать:

— На фронт еду, Гришка!.. Ущипни меня, может, я сплю!..

Вечером ребята нас провожали. Мы собрались на дому у Кучеренко — он был женат. Мне стало не по себе, когда я посмотрел на маленькую дочку Петро, на заплаканное лицо его жены. Петро озабоченно и ласково поглядывал на нее и подмигивал нам: «Вот, мол, ребята, расстроилась жинка, вы ее подбодрите».

Утром я вскочил раньше всех. Сегодня в Москву! Говорили, что оттуда — прямо на фронт.

Пришел Петро. Его провожали жена и маленькая дочка.

Машина уже ждала. Ребята окружили нас, отъезжающих, тесным кольцом. Усменцеву, Панченко, Коломийцу, Федорову командир эскадрильи разрешил проводить нас до города.

Петро поцеловал девочку:

— Ну, расти, дочка, да отца не забывай. До свиданья!

Его жена старалась улыбнуться, но у нее по щекам катились крупные слезы.

— Товарищи, пора ехать, — сказал командир. Мы стали торопливо прощаться и влезли в машину. Тронулись. Петро вскочил уже на ходу. Мы сделали вид, что не замечаем его волнения. Ребята бежали за машиной и кричали:

— Бейте врага! Покрепче!

Машина завернула за холм, и аэродром исчез из виду.

Петро стал к нам спиной, опершись о крышку кабины. Мы притихли.

— Да, чтобы не забыть! — вдруг сказал Федоров, протягивая мне свою карточку. — Это тебе на память.

Я взял карточку и громко прочел надпись на обороте: «Помни угол дома и никогда не теряйся! Тезка Федоров».

Ребята засмеялись, и грустное чувство, охватившее нас при расставании Петро с женой, быстро рассеялось.

В городе мы направились к штабу училища и там встретили ребят из других эскадрилий. Нас собралось восемь человек Знал я всех лишь в лицо — встречались, когда училище находилось на Украине.

Друзьям по аэродрому надо было возвращаться. Прощались долго и шумно. Гриша тряс мне руку и твердил:

— Ты только пиши, как собьешь самолет. Сразу напиши, слышишь?

Часть четвертая В БОЕВОЙ СЕМЬЕ

1. Новый друг

Мы ехали по тем местам, по которым год назад двигался наш эшелон с запада на восток. На полке против меня устроился старший сержант из другой эскадрильи — Леня Амелин. У него веселые серые глаза и хорошее, спокойное лицо. Он высок, чуть сутуловат, говорит медленно, двигается плавно и с виду не похож на летчика-истребителя. Но это только так кажется. На фронте он проявил себя отважным истребителем.

Мы с Леней быстро сдружились. У нас оказалось много общего во вкусах, интересах. Он, так же как и я, рвался в бой. Ребята говорили, что Леня хорошо владеет техникой пилотирования. Но как все мы будем пилотировать в бою? Мы еще не знали боевых качеств друг друга, не знали еще и самих себя. С некоторым беспокойством я думал о Петро: он был тяжелодум, а в бою необходима быстрота реакции. Правда, в воздухе человек меняется. В бою человек становится ловким и смелым, обретает качества, которых до войны он никогда не имел. Мы говорим об этом всю дорогу — горячо, страстно, споря друг с другом.

Переезжая Волгу, я думал о том, что она несет свои почти скованные льдом воды туда, к героическому Сталинграду, и что, может быть, на днях и я буду там…

Поезд идет по территории, которая ночами затемняется. В глубоком тылу мы отвыкли от затемнения. Нам рассказывали, что над некоторыми станциями по ночам рыскали немецкие самолеты, иногда бомбили.

7 ноября мы сидели в поезде и очень жалели, что не попали в этот день в Москву.

2. Слова вождя

Подъезжая к столице и глядя в окно на подмосковные дачные места, я испытывал необычайное волнение… Москва… Столица… Сколько я мечтал о ней, сколько думал о ней в тревожные дни 1941 года!..

Мы приехали 8 ноября, в морозный, ясный день. В высоком здании вокзала находились почти одни военные. Нам с Леней очень хотелось послушать рассказы молодого фронтовика, вокруг

которого собралось несколько человек Но сопровождающий, присланный за нами с пункта сбора летно-технического состава, повел нас в метро. Чуть растерявшись, мы вошли в светлый подземный зал, сели в поезд и как завороженные смотрели на мелькающие станции.

…В зале пункта сбора летно-технического состава много боевых летчиков. Но встречается и молодежь вроде нас. Летчики рассказывают о воздушных боях: одни только что прибыли с фронта, другие — из госпиталей. Мы с Леней стоим в сторонке у окна и слушаем.

— Внимание! Сейчас вас ознакомят с докладом и приказом народного комиссара обороны товарища Сталина, — объявляют нам.

Все встают. В торжественной тишине вслушиваемся в каждое слово исторического доклада.

«…Какую главную цель преследовали немецко-фашистские стратеги, открывая свое летнее наступление на нашем фронте? Если судить по откликам иностранной печати, в том числе и немецкой, то можно подумать, что главная цель наступления состояла в занятии нефтяных районов Грозного и Баку. Но факты решительно опровергают такое предположение.

…В чем же в таком случае состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву.

…Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году.

…В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью, и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

…Только наша Советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его».

Чтение доклада закончено. Раздаются бурные аплодисменты. Все воодушевлены. Я чувствую огромный подъем. У Лени блестят глаза, и его обычно спокойное лицо сейчас радостно возбуждено. Мы пожимаем друг другу руки.

3. Майор Солдатенко

— Ребята, тут, слышал я, формирует полк бывалый летчик майор Солдатенко, — говорит нам Петро. — Мне про него

порассказали так много, что хочу попасть только к нему. Он с фашистами еще в Испании сражался, чуть не погиб в горящем самолете. У него лицо обожженное. Командир, говорят, стойкий, строгий и душа-человек. Одним словом, заслуженный летчик.

— Да, но как к такому попадешь?

— Сам не знаю. Надо будет сориентироваться в обстановке.

Мы весь день прождали — вот-вот вызовут и отправят на фронт. Слоняться без дела прискучило, и мы отправились в спортзал.

Вышли во двор. Смотрю — навстречу быстро шагает майор с энергичным лицом в рубцах. Это, наверное, майор Солдатенко. Я шепнул Лене:

— Подойти да попроситься к нему в полк?

Майор мельком взглянул на нас, ответил на приветствие и прошел мимо. Я не решился к нему обратиться.

Вечером собрали нас и сообщили, что все мы, инструкторы училища, летчиков-истребителей, зачислены в полк к майору Солдатенко.

Наш командир подошел, посмотрел на нас и, улыбаясь, сказал негромко:

— Товарищи! Я сочувствую вам. Знаю, что вы будете разочарованы. Случайно слышал, как вы обсуждали, на какой отправитесь фронт. Все вы рветесь к Сталинграду. И я вас очень хорошо понимаю. Но, прежде чем отправиться на фронт, вам придется еще поучиться в тылу. Изучим новые боевые самолеты, тактику, а потом уж полетим бить врага…

4. Ведущий и ведомый

…И вот мы снова на учебном аэродроме.

Вокруг сосновый лес, неподалеку речка. Окрестности напоминают родные места. Нас разместили в большой землянке.

Среди новых товарищей мне особенно пришлись по душе старшие сержанты Кирилл Евстигнеев, Ислам Мубаракшин и Василий Пантелеев. Они тоже были инструкторами. Мне кажется, что я их уже давным-давно знаю. Вообще мне везет: товарищи у меня хорошие. А это на войне много значит.

Я назначен в эскадрилью старшего лейтенанта Гав-рыша. Нас разделили на ведущих и ведомых. Я попал ведомым к командиру звена младшему лейтенанту Габуния. Петро назначили помощником командира полка.

Когда был зачитан приказ, Габуния подошел ко мне и сказал:

— Вот славно — вместе летать будем!.. Давай знакомиться:

рассказывай о себе. Я тоже расскажу.

Красиво было его лицо с тонкими чертами, с черными задумчивыми глазами. У него была легкая, чуть танцующая походка. Синяя гимнастерка ловко сидела на нем. Он и летал красиво, смело, уверенно.

Габуния рассказал, что он по специальности педагог, окончил аэроклуб, затем, в дни войны, летное училище. Он уже был членом партии.

С этого дня мы — ведущий и ведомый — стали неразлучными друзьями. Рядом спали, вместе ходили в столовую. Так уж водится, что ведомый не отходит от ведущего и на земле, приноравливается к его движениям, привычкам, помня, что все это понадобится в воздухе.

На аэродроме зарождалась дружба будущих боевых пар. Дружба нужна везде и всегда, в любой работе: у пулемета и в танке, у станка и за партой в классе. Но в воздушном бою она нужна, как нигде.

Дружба летной пары обязывает зорко следить за каждой ошибкой в воздухе — и своей и товарища: если из ложного чувства товарищества не обратишь внимание друга на ошибку, значит, усилишь ее.

Огромно значение хорошо слетанной, дружной пары истребителей в воздушном бою. Это дружба воинов, одухотворенных великими идеями справедливой войны, готовых на любой подвиг во славу Отчизны, дружба бесстрашных людей, готовых ценою своей жизни спасти жизнь друга. Эта дружба ничего общего не имеет с панибратством: приказ ведущего — закон для ведомого.

Такая дружба и создалась у нас с Габуния.

Наш командир эскадрильи Гаврыш — старый работник авиационного училища. Относился он к нам, как к «курсантам», требовательно, даже придирчиво. В эскадрилье подобрались прекрасные, дружные ребята и хорошие летчики.

Мне все больше нравится Кирилл Евстигнеев, веселый, простой, тактичный, и его два друга — Ислам и Василий. Ислам — летчик с большим инструкторским опытом. Василий — жизнерадостный, остроумный и несколько беззаботный парень. Они относятся к Кириллу с большим уважением, словно он старше и опытнее их. Евстигнеев действительно очень способный летчик и заметно выделяется среди своих друзей. У него открытое, хорошее русское лицо. Он худощав, не очень высок ростом. Когда Кирилл чем-нибудь взволнован, он крепко сжимает зубы, и мускулы на его лице двигаются. Он очень впечатлителен, но в то же время у него поразительная выдержка.

5. Встреча на земле

Как-то, направляясь в столовую, я заметил два трофейных вражеских истребителя «Мессершмитт-109». Они стояли в стороне от наших самолетов. Меня невольно потянуло к ним. Я бродил вокруг них, присматривался, разглядывал уязвимые места. Пока я крутился вокруг «мессершмитта», ко мне подошел боевой летчик в комбинезоне и сказал:

— Что разглядываешь? Уязвимые места «мессера» ищешь? Его лучше всего бить сверху.

Летчик, конечно, был прав. Но иногда ведь надо и снизу бить, в брюхо «мессеру», не всегда удается вести огонь сверху. И я, присев на корточки, стал еще пристальнее разглядывать «мессершмитт», стараясь представить себе, как лучше в него целиться в воздухе. Потом отошел подальше и стал издали внимательно вглядываться во вражеский истребитель, чтобы запомнить все его ракурсы.

С тех пор у меня появилось правило: возвращаясь из столовой, я на глаз отмерял сто метров от дорожки до «мессершмиттов» и долго так простаивал, мысленно беря на прицел вражеский самолет.

На учебном аэродроме нас застала радостная весты 19 ноября 1942 года по приказу Верховного Главнокомандующего Советская Армия силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешла в стремительное наступление и нанесла мощный удар по врагу. Началось окружение немецких армий под Сталинградом.

Каждому из нас в эти дни хотелось полететь туда, на берега Волги, уничтожать окруженные немецкие войска. Но еще шла теоретическая учеба. Мы знакомились с самолетами конструкции Лавочкина «Ла-5».

В декабре начались зачеты. Мы так упорно и старательно работали, что почти все сдали их на «отлично», и Солдатенко, довольный, улыбающийся, сказал:

— Теперь, товарищи, приступим к полетам на «Ла-5». На них и вылетим на фронт.

6. «Ла-5»

Нас перевели на другой учебный аэродром. И там-то в морозные январские дни мы начали полеты на истребителях «Ла-5». Я не отходил от самолетов, рассматривал их со всех сторон. Крепкие, тупоносые машины стояли в ряд, все

одинаковые, одна к другой. Но у каждой машины были свои, неуловимые с первого взгляда особенности.

Утром, перед первым самостоятельным вылетом, я подошел к своему самолету и приветствовал его по всем правилам, как командира. Сделал это я не шутки ради, а серьезно. Мои учителя привили мне чувство глубокого уважения к машине. Самолет словно говорит человеку: «Изучишь меня — буду служить тебе. Станешь относиться небрежно — накажу тебя».

Я боялся, что ребята увидят, как я приветствую машину, и будут смеяться. Оглянулся — нет, все стоят у своих самолетов и поглощены предстоящим вылетом. Каждому хотелось отлично провести полеты на новой машине.

Мы, молодежь, очень любили командира второй эскадрильи старшего лейтенанта Гладких — опытного летчика, простого, душевного человека. Он был невысок, приземист; вздернутый, короткий нос придавал его лицу что-то детское. Гладких подружился с нами и охотно делился своим опытом. Я очень жалел, что не попал к нему в эскадрилью. Он часто говорил нам:

— Знаю: молодому, даже хорошо подготовленному истребителю бывает нелегко провести первый воздушный бой. Молодой летчик стремится сбить врага, но осуществить это желание в первых воздушных боях ему трудно. Я иной раз беру к себе ведомым неопытного летчика, чтобы на практике показать ему, как надо действовать.

И Гладких рассказывал какой-нибудь интересный, поучительный эпизод.

Мне очень нравился надежный, мощный мотор на «Ла-5», и я много возился с самолетом. Петро, проходя мимо, кричал мне подмигивая:

— Ну что, Ваня, на этом самолете дадим фрицам жару!

7. Наш «батя»

Когда мы начали вылетать, больше всех, кажется, волновался Солдатенко. Он бегал провожать и встречать каждого летчика. Не успел я вылезти из машины после первого полета, командир подбежал ко мне, крича еще издали:

— Поздравляю, товарищ старший сержант! Очень рад!

Он пожал мне руку.

— Все летчики хорошо летают, — уже на ходу добавил он и побежал встречать самолет Амелина.

Он именно бегал: ему непременно надо было встретить каждого. Мы его называли «батей», и он действительно по-

отечески относился к нам.

«Батя» был настоящий командир — учитель, наставник, воспитатель, требовательный, беспощадный к ротозеям, нарушителям дисциплины, готовый помочь делом и словом каждому, кто работает добросовестно. Мы его любили, уважали, прислушивались к его словам. Это был человек, о котором принято говорить — «душа полка».

Мне предстояло сделать последний тренировочный полет, но вызывала сомнение работа мотора.

Подошел командир эскадрильи:

— Товарищ старший сержант, почему медлите? Вам сказано: сделать два полета.

Слово командира — закон. Влезаю в кабину. Проверяю ее. Взлетел. Набрал высоту пятьдесят метров. Вдруг чувствую — с мотором что-то неладное. Скорость падает. Дал ручку от себя и перевел самолет в планирование. Нажал кнопку на уборку шасси. Впереди — большой массив леса.

Я быстро отвернул в сторону, стремительно выбрал самолет из угла планирования и сел на фюзеляж в снег. Толчок был основательный, и я сильно стукнулся головой. Но боли не почувствовал. Выскочил из самолета и обежал его вокруг, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Почему-то опять влез в кабину и только тогда почувствовал острую головную боль и закрыл глаза. Когда снова открыл их — увидел Солдатенко, Гаврыша, Габуния. Побледнев от волнения, Габуния кричал:

— Ты жив, цел, Вано! Как хорошо! Солдатенко озабоченно спрашивал, что у меня

болит.

Видя его внимание, я даже повеселел, но меня мучила мысль: может быть, я виноват в аварии?

Они бережно вытащили меня из кабины, положили в машину и отвезли в санчасть.

Вечером у меня поднялась температура, и я был в унынии оттого, что выбыл из строя. Солдатенко пришел навестить меня. Помню, как беспокойно, отечески смотрел он на меня, поправлял лед на моей голове и тепло говорил, словно читая в моих мыслях:

— На фронт лететь пора, некогда тебе отлеживаться. Поправляйся поскорее да не унывай. Все пройдет, ты крепкий.

Слова любимого командира как будто оказали целебное действие. Я приободрился и через несколько дней совершенно поправился.

Мотор был вскрыт. Выяснилось, что обороты упали из-за отказа в работе одного агрегата.

Недаром наш командир обращал внимание на быстроту

действий в воздухе! Не будь ее у меня, я бы разбился. Благодаря быстроте действий неплохо произвел вынужденную посадку.

8. Готовимся к вылету на фронт

25 января у нас большой праздник — зачитывается приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северокавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов. Гитлеровская армия под Сталинградом разгромлена. Блокада Ленинграда прорвана. Освобождено множество наших городов и населенных пунктов. 2 февраля — новый приказ товарища Сталина, на этот раз войскам Донского фронта: успешно завершена ликвидация окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Закончилась историческая Сталинградская операция, так блестяще проведенная по замыслу и под руководством товарища Сталина.

Мы готовимся к вылету на фронт. К нам прибыли новенькие самолеты «Ла-5». Они построены на трудовые сбережения земляков Валерия Чкалова, и на их борту — надпись: «Имени Валерия Чкалова». Как много благородных мыслей рождает имя великого летчика нашего времени! Кто из нас, молодых пилотов, не мечтал хоть немного походить на него, самоотверженно и бесстрашно, как он, служить Родине!

За каждым летчиком закреплена машина. Мне достается пятибачный «Ла-5» № 75. У всех ребят — трехбачные машины; они более маневренны, послушны и поворотливы. А пятибачный тяжеловат: скорости на нем не разовьешь. Досадно. Мое пониженное настроение заметил командир эскадрильи. Он отлично понимает, в чем дело, у него свои педагогические приемы, и он отчитывает меня:

— Вы, я вижу, товарищ старший сержант, уже считаете себя таким испытанным летчиком, что только на сверхскоростных самолетах летать хотите?

И добавляет уже не так строго:

— Ничего, ничего, Кожедуб! Надо приучаться и трудности преодолевать… Ты сильный, тебе на нем и летать.

, Хочу объяснить ему, но он не слушает. Разговор окончен.

Габуния меня утешает, ребята добродушно посмеиваются:

— Зато в полете бензин у тебя занимать будем… Да ты не расстраивайся — сменят тебе эту машину!

Я и сам думаю, что сменят, но все же огорчен. …Солдатенко

собирает нас и говорит

— Поздравляю вас, товарищи! Вам доверены замечательные машины. Помните: долг каждого — беречь свой самолет, ибо каждый из вас будет на нем драться с противником.

Вьюга мешает нашему вылету. По нескольку раз в день прогреваем моторы. Злимся на погоду — вот ведь привязала нас к земле!..

В эти дни я часто бывал в библиотеке. Здесь подбирались все материалы — газетные и журнальные — о тактике воздушного боя, об изменениях в тактике вражеской авиации. Подолгу просиживал в библиотеке, пополняя свой блокнот со схемами и записями о наиболее примечательных воздушных боях.

Сильное впечатление на меня произвел бой, мастерски и бесстрашно проведенный в большом воздушном сражении Героем Советского Союза Макаровым. Описание боя прочел несколько раз. Много я дал бы, чтобы встретиться и поговорить с таким летчиком.

Перед вылетом на фронт меня охватило то сосредоточенно-приподнятое настроение, которое свойственно было в годы Отечественной войны каждому советскому юноше перед первыми боями.

Мы думали, что двадцать пятую годовщину Советской Армии будем уже встречать во фронтовой обстановке. Но погода задержала нас в тылу. 23 февраля мы прочли праздничный приказ великого Сталина. Лица у всех радостные, сияющие.

— Читали? Товарищ Сталин сказал, что уже началось массовое изгнание врага из Советской страны!..

Советские войска успешно наступают по всему фронту!

Я думал об отце, о своей Ображеевке, о родной украинской земле.

Слова сталинского приказа, как всегда, внушали уверенность в победе, в своих силах, но заставляли каждого из нас еще больше подтянуться, еще больше работать над собой. Товарищ Сталин предупредил, что в «наших рядах не должно быть места благодушию, беспечности, зазнайству».

9. На старые места

Наконец ясное солнце осветило аэродром. Сегодня улетаем! Командир говорит напутственное слово, и наша часть быстро снимается с аэродрома. Мы летим к тем местам, откуда эвакуировались.

— Помнишь, как в сорок первом году мы здесь грузили свои самолеты? И не думали, что отсюда начнем войну! — сказал мне Петро, когда, приземлившись, мы вышли из машин.

— Да, возвращаемся по старому пути, но вот куда попадем —

интересно!

К нам подошел Леня, и мы втроем зашагали по аэродрому. Навстречу шла группа летчиков.

— Наши курсанты! — закричал я. Действительно, это были ребята, кончившие

вместе с нами училище. Со многими из них я в свое время занимался — помогал освоить то, что им нелегко давалось. Теперь роли переменились: они уже полтора года на фронте, бывалые летчики. Мы с Леней переглянулись: вот, брат, как мы отстали!

Весь вечер я слушал рассказы наших бывших курсантов о воздушных боях, об уловках врага, о том, как надо вести себя в воздухе.

На аэродроме стояло несколько самолетов со звездами на бортах — звезд было нарисовано столько, сколько летчик сбил вражеских самолетов.

Общее внимание привлекал «Як» — на его борту было восемнадцать звезд. Восемнадцать сбитых! Я долго стоял около него, смотрел на звезды и думал о том, как хорошо, вероятно, дрался этот летчик. Когда подошел механик, я спросил, чей это самолет. Оказалось, что это машина Героя Советского Союза Макарова, того самого Макарова, чья боевая деятельность мне так запомнилась по газетам. Как бы его увидеть? Нарочно несколько раз проходил мимо его самолета, но Макарова не видел.

Вечером мы с Петро зашли в парикмахерскую. Там было много военных. Мы сели на стулья у стены, дожидаясь своей очереди. Вдруг Петро толкает меня в бок и шепчет на ухо: «Смотри в зеркало». Я посмотрел — в стекле отражалось чье-то молодое, мужественное и удивительно знакомое лицо. Это был он, Макаров. Я его запомнил по снимкам. Улыбаясь, он что-то говорил парикмахерше. К сожалению, он уже собирался уходить. Мне так и не удалось «изучить» его. Когда он встал, то невольно, словно сговорясь, встали и мы с Петро.

Он был и с виду настоящим летчиком-истребителем: крепкий, подтянутый, быстрый, с зоркими ясными глазами. Мне очень хотелось пожать ему руку, но я одернул себя — куда мне, желторотому, жать руку герою, боевому, бывалому летчику! Когда он вышел, Петро многозначительно сказал:

— Вот это орел!

10. На фронт!

Мы знали, что должны торопиться на фронт: шло зимнее

наступление наших войск. Немцы несли огромные потери и, видимо намереваясь отплатить за свое поражение под Сталинградом, предприняли контрнаступление в районе южнее Харькова. Солдатенко всячески старался ускорить наш вылет.

13 марта 1943 года рано утром получили приказ командира: как можно скорее подготовить свои самолеты и ждать сигнала о вылете. Вылетаем на прифронтовой аэродром.

Я побежал к своей машине, быстро подготовил ее, запустил мотор и вырулил. С нетерпением жду сигнала…

Мои товарищи по эскадрилье замешкались. «И чего они там возятся!» — думал я. Смотрю: первая эскадрилья — в ней были Евстигнеев, Амелин, Кучеренко — уже подготовилась. Ко мне подошел командир:

— Полетите с первой эскадрильей, чтобы мотор не работал впустую.

И он подал мне сигнал на вылет.

…Нас вел бомбардировщик, и мы послушно летели за ним. Летели на войну, на фронт! Наконец-то сбылась моя мечта!

Вот и аэродром. Здесь я уже побывал в 1941 году. Как много перемен произошло с тех пор! Там, где было кукурузное поле, раскинулся аэродром, и на нем щетинились зенитки. Еще недавно здесь шли бои, и вокруг летного поля зияли воронки от снарядов.

Это был настоящий прифронтовой аэродром. Самолеты были рассредоточены по капонирам, прикрытым с трех сторон земляной обваловкой. Она предохраняла от взрывной волны и осколков при налетах. Это своего рода бомбоубежище самолета. Одна сторона капонира открыта, и в нее закатывают машину.

Самолеты стояли наготове — вот-вот по первому сигналу сорвутся с земли.

На аэродроме много трофейных немецких самолетов и зениток. Вокруг летного поля — склады. Врага выбили отсюда так неожиданно, что он не успел ничего уничтожить. Можно было изучать, как оборудованы немецкие аэродромы.

Оказалось, что моя эскадрилья была направлена на передовой аэродром, недалеко от тех мест, где я учился. Туда же вылетел и командир полка.

А здесь, во втором эшелоне, находился заместитель командира по политчасти.

Лечу за пятьдесят километров, на передовой аэродром.

С той минуты, когда мы вылетели с учебного аэродрома на фронт, я нахожусь в состоянии внутренней мобилизованности: все мои знания, все способности, все мысли устремлены к одной цели — вступить в бой с ненавистным врагом.

11. Они только что из боя

Сразу попадаю в боевую, напряженную обстановку. Здесь все дышит непосредственной близостью фронта. Все делается быстро, точно. На КП начальник штаба записывает донесения летчиков, вернувшихся с боевого задания. Я впервые вижу летчиков, рассказывающих о своих боевых делах под впечатлением только что проведенного боя. Невольно думаю, что каких-нибудь полчаса назад они готовы были отдать жизнь ради победы над врагом; не зная страха, шли на смерть.

Я доложил командиру о своем прибытии.

— Ну, очень рад! — сказал он. — Сегодня не полетишь. Присмотрись пока, как идет работа, а то сразу в кашу попадешь. Будь ко всему готов.

Лицо у Солдатенко озабоченное. Он, как всегда, неутомимо бегает по аэродрому, выпускает летчиков в воздух, все время в движении, сам вылетает то с одной, то с другой эскадрильей.

Я был разочарован: товарищи уже вступили в бой, а мне приказано ждать. И хотя слова Солдатенко всегда были для меня неоспоримы — не только оттого, что я подчинялся дисциплине, а и потому, что глубоко уважал нашего командира, — но мне тогда казалось, что я мог сегодня же начать громить врага, сделать что-то полезное для фронта. Больше всего, конечно, мне хотелось сбить вражеский самолет.

Мой командир эскадрильи повторил слова Солдатенко:

— Пока не полетишь. Оглядись.

А Габуния, завидев меня издали, бросился ко мне:

— Как же я тебе рад, как ждал тебя! Теперь вместе, Вано, летать начнем.

Я стал было рассказывать ему о нашем перелете, как все вдруг побежали к окраине аэродрома, и Габуния крикнул:

— Бежим в поле!

И тут только до моего слуха донесся густой, зычный гул. В высоте прямо к нашему аэродрому строем шло около шестидесяти самолетов противника.

«Почему же мы не вылетаем навстречу?» С этой мыслью я побежал. Для летчика нет ничего унизительнее и горше, чем быть на земле под вражеской бомбардировкой. Это я понял в первый же день пребывания на фронте, когда бежал в поле. Вражеские самолеты пролетели над нами, не сбросив ни одной бомбы, и пошли в сторону Валуек

Мы вернулись к своим самолетам. Габуния сказал, что сейчас перед эскадрильей поставлена задача драться на линии фронта. Поэтому-то с аэродрома никто не вылетел «встречать» немцев, но

в районе Валуек их перехватят истребители других частей и наша зенитная артиллерия.

— Вано, сейчас идут жаркие бои в районе Харькова. Сегодня придется тебе отдыхать.

Весь под впечатлением фронтовой обстановки, я как-то не мог во всем отдать себе отчет сразу, все охватить. Но постепенно стал осваиваться и вдруг, вспомнив про Гладких, спросил Габуния:

— А где комэск Гладких? Почему его не видно? Оживленное лицо моего друга омрачилось, и он

рассказал о гибели Гладких. Бесстрашный летчик взял себе в напарники молодого, неопытного пилота, хотел приучить его к боевой обстановке и полетел с ним на задание в район Харькова. Завязался бой с «Мессершмиттами-110». Гладких зажег с короткой дистанции вражеский истребитель, но своевременно не был прикрыт ведомым и погиб. Это была тяжелая утрата для всех нас.

Целый день я приглядывался к кипучей боевой жизни аэродрома. Вечером мы поехали на ночевку в населенный пункт.

И снова разговор у нас зашел о Гладких. Я спросил у Пантелеева:

— А Солдатенко тяжело переживал?

— Командир виду не подает, а больше нашего переживает. Когда он узнал, что Гладких погиб, то даже в лице изменился.

По виду о переживаниях Солдатенко, действительно, никогда ничего нельзя было сказать. Тут, во фронтовой обстановке, он стал еще энергичнее, внимательнее и в то же время еще требовательнее к подчищенным.

За ужином он был даже оживлен, шутил. Я слышал, как он сказал официантке: «Боевые, где там боевые сто грамм?» И когда нам всем налили вина, он встал. Встали и мы. Все пили за здоровье летчика Пахомова из второй эскадрильи, сбившего за эти дни три вражеских самолета.

Ночью над нами, оказывается, пролетали вражеские самолеты. Но мы спали так крепко, что ничего не слыхали.

12. Командир и его заместитель по политической части

По приказу командования советские войска оставили Харьков. Мы перебазировались на другой аэродром.

Нас расселили в домах поодаль от аэродрома. Тщательно соблюдалась светомаскировка. По ночам слышался гул немецких самолетов: отдельные «юнкерсы» пытались бомбить наш

аэродром.

На фронте наступило затишье. Враг выдохся и перешел к обороне по Северному Донцу. Советские войска основательно измотали немцев. Как говорил Солдатенко, «замашка у немца была большая, да перцу мало».

Наш полк стоял на южном участке Курской дуги, глубоко вклинившейся в немецкую оборону. Мы знакомились с местностью — районом будущих военных действий. Надо было хорошо изучить карту, узнать, где проходит линия фронта; ежедневно полагалось бывать на разборе боевых вылетов.

Мартовские ночи были еще очень холодные, и наш командир с утра надевал валенки. К полудню солнце припекало, снег таял. На аэродроме голубели весенние лужицы. Солдатенко бегал в валенках прямо по лужам, и брызги летели из-под его ног.

— Товарищ командир, наденьте сапоги, ведь сыро! — говорили ему.

А он до вечера бегал с мокрыми ногами и только отмахивался: «Некогда переобуваться!»

Немец «навещал» нас с воздуха довольно часто. Но это не нарушало боевой жизни аэродрома.

Здесь, во фронтовой обстановке, еще больше вырос авторитет Солдатенко и его заместителя по политической части Мельникова, опытного, боевого летчика. Когда на аэродроме оставался командир, то в воздух обычно поднимался замполит, и наоборот.

Личным примером Мельников показывал, как надо драться с врагом, много беседовал с нами и часто бывал у нас по вечерам в общежитии. В его лице Солдатенко имел замечательного помощника, прекрасного политического вожака.

Заместитель по политической части хорошо знал настроения каждого летчика. У него всегда находилось для нас острое слово, шутка. Прекрасные летные качества подымали его авторитет. Его беседы с нами, можно сказать, действительно доходили до души, заставляли над многим призадуматься.

— Успех выполнения боевого задания зависит от знаний, — часто говорил он, сидя по вечерам у нас в землянке. — Каждый свой полет — и боевой и тренировочный — тщательно анализируй сам. Если допустил ошибку, советуйся со мной, с любым командиром, с товарищем. Главное — не замыкайся, прислушивайся к критике и тогда любую ошибку выправишь. Так должен поступать комсомолец.

Мы сделались серьезнее, вдумчивее. Многие из нас вступили в партию. К этому важнейшему в жизни воина событию готовился и я.

13. В первую встречу с врагом

Мы стали много и усиленно тренироваться. Я летал в паре с Габуния. На боевые задания летчики вылетали редко. Нас, молодежь, постепенно подготовляли к будущим воздушным боям.

Тяжелый пятибачный самолет — источник моих огорчений. Мне хочется выжать из него максимальную скорость.

У машины хлопочет механик Иванов. Он молод, но опыт у него большой.

Собираюсь в тренировочный полет. Подходит Амелин:

— Ну, как твой аппарат? Бензину занять можно?

— Смейся! Вот сейчас попробую в последний раз — может, что и выжму.

Иванов серьезно говорит Амелину:

— Не шутите, товарищ командир. Отличный аппарат.

Оперативный дежурный сообщает: в паре с Габуния мне приказано вырулить на старт. Нас неожиданно отправляют на дежурство в воздух. Солнце уже стоит низко, и это у гитлеровцев излюбленное время для налета на наши аэродромы. Немцы неизменно летят со стороны солнца, слепящего нас.

Габуния уже вырулил на старт. Солдатенко машет ему флажком: быстрее, мол, взлетай! Габуния взлетел. Командир машет и мне. Даю газ и взлетаю. Мой пятибачный медленно набирает скорость и высоту.

Ведущий делает разворот, и вот он выше меня. Смотрю на прибор скорости и не решаюсь последовать его примеру — скорость недостаточна. И когда я наконец делаю разворот, то теряю из виду Габуния. Пытаюсь связаться с ним по радио — ответа нет. С землей я связи не установил.

Решаю окончательно проверить, какую максимальную скорость может дать моя машина. Набираю высоту тысяча пятьсот метров и начинаю «выжимать» из самолета все, что он может дать. И так увлекаюсь этим, что не отрываю взгляда от прибора скорости, забыв об осмотрительности, об опасности неожиданной атаки врага.

Скорость самолета меня не удовлетворяет. Пристально смотрю на прибор и вдруг вспоминаю, что нахожусь не над учебным аэродромом, что нужно следить за воздухом.

Осмотрительность и еще раз осмотрительность!

Первый взгляд кинул на аэродром — далеко ли улетел, не заблудился ли. Ведь район патрулирования не был еще достаточно изучен мною. Вижу — ниже меня какие-то двухкилевые самолеты пикируют на наш аэродром. Сначала я подумал, что это наши «Петляковы», они тоже двухкилевые. Но

вдруг заметил разрывы бомб. Сердце заколотилось: «Противник! Надо его быстрее бить!»

По спине прошла дрожь: их шесть, а я один… Вот оно, начинается настоящее! И мне пришло на память правило, записанное в моем альбоме и заученное еще в школе: «Чтобы внезапно атаковать противника, атакуй со стороны солнца». Я стремительно разворачиваюсь и сверху атакую заднее звено.

Решаю сбить сразу два самолета. Иду на сближение. Нас разделяют пятьсот метро а От нетерпения задыхаюсь. Сейчас собью! Представляю себе: вот я сажусь на аэродром и спокойно, как бывалый летчик, докладываю командиру — сбил двух. Сбегаются ребята. Солдатенко встречает мой самолет, все поздравляют меня, рядового летчика, а я рассказываю о сражении, шучу, и все говорят: «Не успел вылететь, а уже…»

Трудно сказать, что заставило меня вдруг вспомнить правило, которое так часто повторяли нам учителя: «Перед атакой посмотри назад — не атакуют ли тебя сзади самолеты противника». Не успел я повернуть голову влево, как увидел, что ко мне приближается незнакомый самолет. Его кок — так называется на самолете обтекатель втулки винта — бросался в глаза: он был выкрашен в белую краску. Это был «Мессершмитт-109».

Пока я приглядывался к нему — а это была доля секунды, — в воздухе блеснула огненная трасса: «белый кок» открыл огонь.

Послышался треск за бронеспинкой. В кабине запахло гидросмесью. Значит, разбит гидробачок для выпуска шасси. Медлить нельзя. Резко бросив машину в сторону, я очутился в разрывах своей зенитной артиллерии. Мой самолет качнуло на левое крыло — зенитный заряд попал в меня «по-свойски»: части правого крыла не стало. В этот миг мимо пронеслись четыре истребителя противника — «Мессершмитты-109». Они — как это я узнал потом, на земле, откуда за ними следили, — все время находились на высоте трех тысяч метров в стороне от аэродрома, прикрывая действия «Мессершмит-тов-110».

Меня качнуло вправо. Еще один зенитный снаряд попал в левый бок машины, а третий — в хвост. Самолет клюнул носом. Я еле удержал его на высоте пятисот метров.

…Все вражеские самолеты ушли на запад, и за ними погналась взлетевшая с аэродрома двойка «Лавочкиных». Я не мог к ней примкнуть. Куда там! Мой самолет совсем изранен, рулевое управление нарушено. Но обиднее всего, что я так и не сбил ни одного вражеского самолета. Даже не удалось открыть огонь по противнику. Меня душила злоба, я был очень недоволен собой. Действовать надо было решительнее…

Мой самолет еще держался в воздухе. Не спрыгнуть ли с парашютом? Но я быстро отогнал эту мысль, решив во что бы то ни стало посадить машину.

И я пошел на посадку. Вот тут-то мне и пришло на помощь отличное знание материальной части. Быстро вспомнил все правила, которые можно было бы применить в подобном трудном случае. Но самолет плохо слушался рулей. Скорость падала. Я знал, что гидросистема вышла из строя и, следовательно, выпустить шасси не удастся. Попытался выпустить аварийным способом. Проделал все, что надо, и стал ждать. Это были мучительные мгновения! Если шасси выпустится, у меня на щитке загорятся зеленые лампочки… Нет, где-то пробито. Выпуск опаздывает… Вдруг скорость упала еще ниже. Я понял, почувствовал, что шасси выпущено. И тут же вспыхнула одна лампочка, за ней другая…

Но самолет получил дополнительное сопротивление, и мне казалось, что он сейчас упадет. Я опять с трудом его удержал.

Приближался решающий момент — приземление. Я посмотрел на аэродром. Противник успел сбросить бомбы. Внизу местами полыхал огонь. На посадочной площадке кое-где виднелись воронки.

Мысль работала точно, движения были уверенны. Мною овладело удивительное спокойствие — потом оно всегда появлялось у меня в трудную минуту. Все силы и умение были направлены на то, чтобы спасти самолет.

Выбрал направление и пошел на посадку. Самолет коснулся земли. На душе стало легче. Но впереди воронки, вот-вот попаду в яму.

Машину качнуло вправо. Левое колесо пробежало по куче рыхлой земли — ее выбросило из воронки снарядом. Я удержал самолет и, со страхом подумав, что он сейчас развалится, начал рулить к стоянке. Откуда только такая выносливость у моего «Лавочкина»!

Ко мне подбежали товарищи. Смотрю — Солдатенко бежит в валенках прямо по лужам.

Я выскочил из кабины. Первая мысль была о Габуния — его самолета не видно на поле.

— Ну как, не ранен? — еще издали крикнул мне командир.

Я стал ощупывать себя, пошевелил плечами. Боли нигде не ощущал. Стараюсь ответить спокойнее:

— Не волнуйтесь, товарищ командир, как будто невредим, а вот машина…

И голос у меня срывается.

— Как только самолет в воздухе не развалился! Держался на

честном слове. Глядите, какой живучий оказался! — сказал механик Иванов.

Мы столпились у машины. Она вся изрешечена… Вот тебе и два сбитых вражеских самолета!.. А Солдатенко подошел ко мне и сказал:

— Главное — не унывай. Это первое боевое крещение. Вот сейчас разберем твой вылет. Многим на пользу пойдет. Сбить самолет — не рукой махнуть.

И тут только я заметил, что одна рука у Солдатенко перевязана, что через бинт просочилась кровь, а пола реглана вырвана.

— Товарищ командир, вы ранены? Что случилось?

Он ответил посмеиваясь:

— На войне без крови не бывает. Царапнуло слегка.

Оказывается, был ранен не только командир, но и заместитель по политической части Мельников. Они были на старте во время вражеского налета. Мельникова ранило более серьезно, и его отвезли в санбат.

— Не бережете себя, товарищ командир, — сказал кто-то, обращаясь к Солдатенко.

— Как все вы, выполняю свой долг, — ответил командир. — А где Габуния? Вот кто неосторожен и горяч!.. Ну, ты не унывай, — повторил он, обернувшись ко мне. — Уцелел ты чудом и машину еще посадил. Отдыхай до разбора.

И командир пошел встречать чей-то приземлявшийся в это время самолет.

Первая встреча с немцами оказалась хорошей проверкой моих знаний материальной части истребителя. Но она же наглядно показала, что я еще слабо знаю тактику врага. Тяжелый, но поучительный урок. Нужно еще внимательнее приглядываться к боевым товарищам, прислушиваться к словам командиров, совершенствовать свою боевую выучку.

Жаль было самолет. Мне порой казалось, что он — живое существо. С этого дня я стал еще теплее, если можно так сказать, относиться к машине.

Я долго думал о том, как мало у меня опыта и как все молниеносно быстро решается в воздухе.

Мой «Лавочкин» был поставлен на ремонт, а мне дали другой — трехбачный. Я его осмотрел, облазил, проверил. Остался очень доволен. «С самолетом надо обращаться на «вы», уважать его надо» — недаром так говорил инструктор Кальков.

14. О риске и расчете

Габуния прилетел на следующий день. Прилетел с подпаленными бровями и волосами. Первые его слова были:

— Эх, Вано, куда же ты делся в воздухе?

Вот что произошло с Габуния. Он тоже потерял меня из виду. И по неопытности, как и я, не знал толком, что ему надо делать. Вдруг он заметил, что к линии фронта летят несколько «яков». Недолго думая он пристроился к ним и полетел вслед. Он был горяч и самоотвержен; решил, что раз наши к линии фронта летят, значит, его помощь пригодится.

Он рассказывал мне:

— Думаю. — хоть одного фрица, а собью! Бить так бить!.. Очень уж хотелось встретиться с врагом. И досаднее всего, что встретиться не пришлось. Немцы, увидев нас, ушли. А я потерял свой аэродром и сел на чужой с «яками».

— А что у тебя с чубом и бровями? Где тебя прижарило?

Габуния сердито махнул рукой:

— Да это во время запуска. При заправке горючего перелил, пламя в лицо ударило.

— Ничего, злее будешь… Мне тоже досталось. Ты к ним полетел, а они сюда.

И я рассказал ему о налете на аэродром, о встрече с противником.

Командир, хорошо зная Габуния, понял, что мой ведущий допустил нарушение дисциплины не из удали, а поддавшись порыву, свойственному его непосредственному, горячему характеру. Солдатенко долго задушевно говорил с нами обоими о том, что все дается опытом и когда мы пройдем школу настоящих боев, то будем хладнокровнее и рассудительнее. Командир предостерегал, учил нас никогда не отрываться друг от друга.

С тех пор мы с Габуния обо всем сговаривались заранее, на земле, и тщательно налаживали работу радио, чтобы не быть глухими в воздухе. После первой встречи с врагом я понял, что такое расчет и хладнокровие.

Вечером, после возвращения Габуния, в землянке завязался разговор о риске в воздушном бою.

Тема была злободневная. Мы горячо спорили, устанавливая грань между риском и безрассудством. Обстановка часто требует от нас необходимости идти на риск, чтобы не допустить, скажем, превосходящее количество самолетов противника к боевым порядкам наших войск. В этих случаях советский летчик идет на все, жертвует всем, чтобы не дать вражеским самолетам прицельно бомбить советские наземные войска. В такой обстановке риск — это героизм. Летчики — действуют ли они в группе или в паре, — навязывая бой врагу, думают только об

одном: не допустить противника к своим войскам. Чем сложнее, чем опаснее обстановка, тем больше оснований для боевого риска.

Но риск должен быть расчетливым, иначе он будет бесцельным. Стремительность несовместима со спешкой. Чем скоротечнее бой, тем быстрее должен быть составлен и выполнен план действий.

Мы часто говорили об этом между собой, обсуждая тактику боя. В наших беседах запросто принимал участие и командир эскадрильи. В боевой обстановке он стал внимательнее и был уже не так придирчив и крут, как на учебном аэродроме. Видимо, на него большое влияние оказал Солдатенко. Я как-то случайно услышал, как командир полка сказал комэску:

— Покричать, конечно, можно, но надо понимать душу каждого человека, тем более здесь, на фронте. Это для командира обязательно.

15. Впервые на боевом задании

Незаметно наступил апрель 1943 года. Не только на нашем Воронежском, но и на всех фронтах — затишье. Лишь на Кубани, где противник сосредоточил значительные силы своей авиации, идут горячие бои. Небо Кубани стало ареной ожесточенных воздушных сражений, в которых принимали участие сотни самолетов. Наша авиация господствует в воздухе. Фашисты несут огромные потери.

Мы с волнением следим за боями на Кубани. До нас уже докатились вести о подвигах Героя Советского Союза майора Покрышкина. Летчики говорят о его изумительном боевом и летном мастерстве.

На Кубани геройски сражаются и другие замечательные советские летчики — братья Глинки, Реч-калов, Гулаев и многие другие.

А мы бездействуем.

Наконец, в первых числах апреля 1943 года меня и моих товарищей — Евстигнеева, Амелина и других — вызывают на КП. Получаю первое боевое задание: вместе с группой истребителей сопровождать штурмовики к цели и обратно.

Во всех деталях изучаем маршрут. Штурман полка капитан Подорожный инструктирует и придирчиво проверяет нас. Все в порядке. Мне припомнилось, с каким интересом мои товарищи по училищу и я рассматривали «Ильюшиных», когда впервые увидели их в Воронеже в 1941 году, направляясь на восток. А

сейчас я должен выполнить ответственное задание по сопровождению этих грозных боевых машин. Наконец-то дождался своей очереди! Солдатенко напутствует:

— Помните: ваше дело не допускать к штурмовикам истребителей противника. Смотрите в оба!

Я должен лететь в паре с Габуния. Мы вместе направляемся к своим самолетам.

Механик Иванов в последний раз проверяет машину.

— Ну, Иванов, — кричу я ему, — лечу! Скорее парашют!

Иванов быстро достает парашют из кабины, расправляет лямки. На ходу накидываю их, и мой механик помогает мне застегнуть парашют. Взглянув мне в лицо, спрашивает:

— Что, на задание?

— Да, да, летим большой группой!

Он добродушно усмехается и говорит свое обычное:

— Самолет готов к полету! — И добавляет: — Товарищ командир, сядете в машину — порядок будет.

И правда, на земле я чувствовал какую-то растерянность. Но как только сел в самолет, у меня сразу появилась уверенность, и я стал спокойнее.

Проверяю кабину. Напряженно слежу за тем, чтобы вовремя запустить мотор и подняться в воздух по сигналу одновременно с другими летчиками.

И вот мы уже над линией фронта. Внимательно слежу за ведущим, за товарищами, но иногда поглядываю на землю: под нами однообразная равнина. Осматриваю воздух — боевой порядок ничем не нарушен. Значит, в воздухе спокойно.

Нас начинают осыпать огнем зенитные батареи. «Вот оно, пекло!» — мелькнула мысль. Внимательно оглядываюсь вокруг — нет ли вражеских истребителей. Стараюсь, как говорят истребители, «вертеть» головой на триста шестьдесят градусов. Нужно быть готовым к любой неожиданности.

Но надо вертеть головой с толком, а я в первом вылете делал много лишних движений. Любопытно было посмотреть и вниз — что же на земле происходит? — ведь я впервые над линией фронта. Трудно было что-нибудь по-настоящему увидеть: в глаза бросались яркие вспышки от разрывов вражеских зенитных снарядов.

Управляя самолетом, я будто сливаюсь с ним. Все словно само собой делается. Недаром говорят про самолет, что он — неотделимая часть существа летчика.

Наши истребители стали кружить. Я только потом понял, что они выполняли противозенитный маневр. А в ту минуту по неопытности решил, что появились истребители противника, и

тоже стал волчком крутиться возле Габуния. Закрутился так, что уже не представлял себе, где мы находимся, но твердо помнил одно: если оторвусь от группы и останусь один в воздухе, то надо держать курс на восток и уже вне района боя ориентироваться по-настоящему.

Неожиданно мы оказываемся у цели. Наши штурмовики начинают атаку. То тут, то там сверкают ослепительные разрывы. Оглянуться не успел, как «Ильюшины» стали разворачиваться и взяли курс домой.

Пересекаем линию фронта. В голове у меня сумбур. Суечусь. То туда посмотрю, то сюда. Даже за приборами некогда следить. Все заслоняет одна мысль — прикрыть ведущего, не прозевать, помочь вовремя. Замечаю наконец наш аэродром. Мы уже дома. Но я знаю, что враг и на посадке может сбить — увязаться «в хвосте» незамеченным. И я не ослабляю внимания до тех пор, пока не заруливаю самолет на стоянку.

Вся наша группа вернулась домой без потерь.

Подбежал Иванов:

— Ну как, что видели? Все в порядке?

— Все в порядке, — отвечаю, ощупывая шею: я так много и зря вертел в полете головой, что шея горит.

Сбегаются друзья, поздравляют с первым боевым вылетом. Спешу к Габуния поделиться впечатлениями. А их так много! Шутка ли, первый боевой вылет! Вечером я с напряженным вниманием вслушиваюсь в слова командира, когда он проводит разбор нашего полета.

Он говорит о том, как важно знать район действия, не отрываться от группы; о том, что сейчас проверяются боевые способности молодых летчиков.

С этого дня я стал чаще летать на боевые задания в группе истребителей.

…Враг стягивал силы. Его авиация почти бездействовала, но вражеские налеты на Валуйки продолжались. Нам приходилось отражать их, но чаще мы сопровождали наши штурмовики и бомбардировщики. Наши бомбардировщики с большой высоты бомбили скопление вражеских войск в районе севернее Харькова, и по нас тогда открывали огонь немецкие крупнокалиберные зенитные орудия.

По данным разведки нам было известно, что на вражеских прифронтовых аэродромах сосредоточено много самолетов. Чтобы сорвать замысел врага, наше командование направляло туда группы штурмовиков, и мы их сопровождали. Немцы прикрыли аэродромы большим количеством зенитных средств. На нас, истребителях сопровождения, лежала большая

ответственность, и к заданию мы готовились напряженно.

При сопровождении мы были готовы во всеоружии встретить любую неожиданность. Особенно важно было умело делать противозенитный маневр: при сопровождении штурмовиков — от мелкокалиберной, при сопровождении бомбардировщиков — от крупнокалиберной зенитной артиллерии противника.

Сравнительно быстро я овладел искусством противозенитного маневра, и огненные шары разрывов, окружавшие мой самолет, уже не производили на меня такого впечатления, как при первом вылете, когда мне казалось, что я попал в какую-то огненную бурю. Огонь вражеских зениток возбуждал во мне ярость. Делая противозенитный маневр, я уже не испытывал ни напряжения, ни страха, что оторвусь от группы. С каждым вылетом становился все увереннее.

На аэродроме мы сидели в «положении стрекозы»: готовы были сорваться в любую секунду.

16. Подвиг лейтенанта Габуния

Боевая тревога! Со всех концов летного поля взлетают самолеты на отражение крупного налета вражеских бомбардировщиков на Валуйки.

А я не могу вылететь по тревоге: с моего самолета снят капот, техник осматривает мотор. Мой ведущий должен лететь без меня в группе истребителей.

Бегу к его самолету. Габуния влезает в кабину, машет мне рукой и кричит:

— Жаль, Вано, что не вместе! Но я за двоих постараюсь!

Группа истребителей улетает. Не свожу с них глаз. Обидно оставаться на земле, когда товарищи летят в бой.

Издали появляется группа немецких самолетов. Километрах в двадцати от аэродрома наши вступают в бой с ними. Напряженно всматриваюсь, но на таком расстоянии ничего не различишь. Беспокоюсь за друга. Он участвует в настоящем воздушном бою, а мне, его ведомому, приходится быть только зрителем!

Не ухожу со стоянки его самолета: хочется его встретить первым.

Наши самолеты начали возвращаться на аэродром. Приземляются один за другим. Габуния нет. Все, кажется, уже на своих стоянках. С тревожным нетерпением всматриваюсь в небо. Нет моего ведущего, моего друга.

Около командного пункта собрались летчики. Бегу туда.

Кто-то взволнованно докладывает Солдатенко. До меня

доносится имя Габуния… Мой ведущий, младший лейтенант Габуния, таранил в воздухе немецкий самолет и погиб смертью героя, не допустив врага к объекту.

Я был безутешен и долго не мог примириться с мыслью, что не увижу больше дорогого Габуния, не услышу его звонкого голоса. Гнев, страстное желание отомстить за друга нарастали в душе.

Габуния — человек с исключительно развитым чувством товарищества и боевого братства — был удивительно заботлив и внимателен ко всем, кто с ним соприкасался. С какой теплотой грузин Габуния говорил об Украине, как мечтал, что вот, когда освободим Сумщину, может, и побываем хоть один денек в моей Ображеевке. Помню, однажды вечером после политинформации Габуния задушевно сказал мне:

— После войны, Вано, когда немцев разобьем, я тебя к себе в гости повезу. Мой дом — твой дом. Если враг сейчас в твоем доме, значит, он и в моем доме. Общий у нас с тобой дом: Советский Союз!

Запомнился мне один наш полет. Мы перелетаем на прифронтовой аэродром. Обстановка боевая. Я снял пушки с предохранителей, слежу за воздухом, за ведущим.

В небе рыскают «охотники» противника. В любую минуту надо ждать вражеской атаки. И вдруг слышу — Габуния передает мне по радио:

— Кожедуб, Кожедуб! Опробуй пушки, вдвоем летим.

Товарищеская спайка, душевная теплота скрывались за этими простыми словами: «вдвоем летим». Это значило, что в минуту опасности мы будем как один. Так было в воздухе, так было и на земле…

17. Закалка

Боевые будни продолжаются: идет подготовка, на боевые задания вылетаем редко. Меня очень огорчает то, что «летаю на остатках», то есть на уже отремонтированных самолетах. Индивидуальный самолет ко мне не был прикреплен. А как мне хотелось получить новую, «свою» машину!

Петро Кучеренко — с ним за это время я еще больше подружился — тоже мечтал о новом самолете. Поэтому, когда Петро, меня и других летчиков вызвал Солдатенко и сказал, что нам поручено полететь на тыловой аэродром, выбрать там новые самолеты и вернуться на них домой, я обрадовался, как мальчишка.

— Вам поручается ответственное задание, товарищи, — закончил командир. — Надо воспользоваться затишьем. Но в тылу не задерживайтесь. Как только получите машины — немедленно назад. Быстрее действуйте.

Мою радость разделял механик Иванов. Он ходил за мной по пятам и давал советы, на что, по его мнению, надо обратить особое внимание при выборе машины.

Солдатенко тепло проводил нас, и через несколько часов полета мы были уже на тыловом аэродроме.

Встретили там много летчиков из других частей.

Они тоже торопились. А новеньких «Ла-5» было столько, что у меня глаза разбежались.

Помня приказ Солдатенко, мы быстро выбрали самолеты. Обходя со всех сторон облюбованный мною «Ла-5», я повторял: «Не подведи, малютка!», хотя слово «малютка» никак не подходило к этой грозной машине.

Осматривая самолет, я подумал о том, что хорошо было бы встретиться с его конструктором Лавочкиным, с конструктором вооружения самолета Шпитальным.

Итак, машины приняты. Мы поздравляем друг друга, наперебой хвалим своих «Лавочкиных» и, довольные, гордые, веселые, идем к самолетам, чтобы полететь «домой».

Первым, кого я увидел, вылезая из кабины на нашем прифронтовом аэродроме, был механик Иванов. Замечаю, что у него грустное, не свойственное ему выражение лица, словно он не рад новому самолету. «Что-то неладное!» — подумал я.

Иванов подошел ко мне.

— В чем дело, Иванов? Вас словно подменили, — сказал я, пожимая ему руку и вглядываясь в его глаза.

— Товарищ командир, четырнадцатого апреля был налет, и наш командир…

Иванов, этот крепкий, мужественный человек, замолчал и опустил голову. Я крикнул:

— Да говорите же! Ранен, да?

— Погиб.

Я не мог выговорить ни слова.

…Солдатенко был в штабе, когда начался налет. Услыхав взрыв, он побежал на командный пункт, чтобы, как всегда, дать указания. Рядом в ангар попала вражеская бомба. Взрывная волна сбила с ног нашего командира и отбросила далеко в сторону. Он был смертельно ранен осколками.

Гибель любимого командира была тяжелым ударом.

В это тягостное для полка время нас поддерживал парторг Беляев. Он подолгу дружески беседовал с нами, все время был

среди нас. Помню, кто-то из летчиков сказал ему:

— Какие потери у нас в части, товарищ Беляев: Гладких, Габуния, а теперь командира потеряли!

— Верно, друг, нелегко, только унывать не вздумай, — горячо откликнулся Беляев. — Вспомни Солдатенко, как он стойко переносил испытания. Большевики никогда не падают духом, они еще теснее смыкают свои ряды, если гибнет боевой товарищ.

Парторг учил нас стойко преодолевать трудности, выковывая победу.

И мы не падали духом, мужали в испытаниях. Мы проходили большую, трудную школу большевистской закалки. Гибель товарищей сплотила нас, заставила еще сильнее ненавидеть врага и яростнее рваться в бой.

18. Перед решительными боями

Немцы сосредотачивали силы в районе Белгорода. Всем было ясно, что наступившее затишье — предвестник больших сражений. И мы готовились встретить их во всеоружии: тренировались, изучали тактику, учились не только на опыте своей части, но и на опыте всех наших военно-воздушных сил. Изредка летали на боевые задания.

Командиром части назначили штурмана капитана Подорожного. Высокий, статный, с открытым, смелым лицом, он держался с большим достоинством. Новый командир был хорошим летчиком, он получил теоретическую подготовку в академии. Мы уважали Подорожного. Солдатенко же мы не только уважали, но и любили, как отца.

…Наступили теплые, весенние дни. Развалины ангара, возле которого погиб наш командир, так и стояли на окраине аэродрома. Вокруг развалин пробивалась молодая трава. Фронтовая жизнь шла своим чередом. Летая в разведку, мы видели, что враг подтягивает крупные силы. Чувствовалось, что скоро должны произойти важные события. Все с нетерпением ждали первомайского приказа Верховного Главнокомандующего.

Накануне 1 мая 1943 года часть получила поздравительные письма и посылки от незнакомых нам советских людей. Мне достался мундштук и портсигар из небьющегося стекла от ученика ремесленного училища. В посылке лежала записка: «Прошу передать летчику — делал сам. Бей врага, товарищ!»

Получил я и кисет с крепким самосадом от старой работницы — ткачихи из Ивановской области.

Вечером у нас торжественное собрание. Впервые я встречал

Первомай в боевой обстановке.

Парторг Беляев, заметно волнуясь, зачитывает приказ Верховного Главнокомандующего. Слушаем, затаив дыхание. Товарищ Сталин приказал: «Всей Красной Армии — закрепить и развить успехи зимних боев, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками».

Слова сталинского приказа заставили каждого из нас еще раз задуматься над тем, как лучше подготовить себя к грядущим боям.

После торжественной части были прочитаны письма, присланные нам с разных концов Союза рабочими фронтовых бригад, учителями и научными работниками, школьниками и школьницами.

Когда мы расходились по землянкам, кто-то из летчиков сказал:

— Какие теплые письма прислали нам труженики тыла! Как работают, молодцы! Нельзя нам отставать от них.

19. Первый сбитый комсомольца Амелина

Мы получили приказ перелететь ближе к линии фронта.

На подходе к новому аэродрому самолет Амелина вошел в штопор. Я похолодел. Быстро оглянулся — не сбил ли его противник. Нет, врага не было. В ту же секунду Амелин выровнял машину.

Мы благополучно приземлились.

Я подошел к Лене:

— Что с тобой случилось? Он поморщился.

— Судорога ногу сводит. Давно не было приступа. С утра перемогался. Во время задания обычно ничего не чувствую. А тут так свело, что думал — дух вон!

— Ну и стойкий же ты парень! — сказал я, пожимая ему руку. Как бы Леня ни был болен, он не оставался на земле, если товарищи летели в бой.

Наутро Амелин поднялся в воздух прикрывать аэродром. Все было спокойно. В низинах залег туман — только что взошло солнце.

Леня кружил над аэродромом и зорко осматривался по сторонам. Вдруг он заметил, что по оврагу, «маскируясь местностью», шел бомбардировщик противника «Юнкерс-88». Амелин внезапно для врага свалился сверху. Но противник оказался стреляной птицей: начал искусно маневрировать и

уклоняться. Вражеские стрелки открыли бешеный огонь. Амелин не отступил — зашел в хвост вражескому самолету. Тот сбросил бомбы, очевидно рассчитывая, что машина Амелина попадет в взрывную волну и он отвяжется от неутомимого советского истребителя. Амелина сильно тряхнуло взрывной волной и отбросило в сторону. Но его воля к победе и упорство были так сильны, что он не только не прекратил преследование, но еще злее стал наседать на врага. Противник пошел на другую хитрость: направил свой самолет на ветряную мельницу, надеясь, что Амелин сгоряча не заметит ее и врежется. Но Леня разгадал и эту уловку врага. Он молниеносно рассчитал расстояние и проскочил в стороне, осыпая фашистский «юнкере» огненными трассами. Стрелок врага замолчал: очевидно, был убит.

Противник, однако, не сдавался. «Юнкере» стал снижаться к оврагу так, что, казалось, вот-вот врежется в землю.

Перед самым оврагом немец взмыл вверх.

Амелин дал еще одну очередь по вражеской машине. Но вдруг он услышал странный треск, приглушенный шумом мотора. Сердце у Лени сжалось: что-то случилось с машиной. Жаль самолет! Обидно после такого поединка упустить врага!

Бомбардировщик ушел, хотя Амелин был уверен, что улетит он недалеко и где-нибудь упадет.

Самолет Амелина терял скорость, мотор сильно трясло, и все же Леня привел машину на свой аэродром.

Мы побежали к нему навстречу. Вернулся старый друг! Крепко пожимаем ему руку. Он докладывает командиру Подорожному, что самолету противника не уйти далеко: на «юнкерсе» уже появилось пламя.

Амелин улыбается, но лицо у него от усталости серое. Он снял шлем, я смотрю на него и не верю глазам.

— Леня, да ты седой! — кричу я.

На висках моего сверстника появилась седина.

Мы с уважением смотрим на него — сколько он пережил, передумал за несколько минут пребывания в воздухе!

Немного погодя пришло донесение, что «юнкере», пролетев восемь километров, упал. У Лени на счету появился первый сбитый самолет. Экипаж был взят в плен. Оказалось, немцы везли на «Ю-88» важные секретные документы. Они хотели ранним утром перелететь прямым путем из Белгорода в Орел и там договориться о взаимодействии.

Амелину было обидно, что он не видел, как падал немецкий бомбардировщик.

20. Испытанный друг — механик Иванов

Случалось, что наши самолеты приходили с боевого задания изрешеченными. И вот тогда-то особенно проявлялись достоинства наших замечательных боевых друзей — техников, механиков, мотористов. Если в моем самолете оказывалась пробоина, то я знал, что механик Иванов ночь не будет спать, а машину починит. Чем больше я его узнавал, тем больше ценил. Уверенно летишь над территорией врага, когда знаешь, что самолет подготовлен отлично.

Наши техники работали превосходно, самоотверженно. Днем, ночью, в мороз, когда металл обжигает пальцы, буран сбивает с ног, механики оставались на поле, чтобы скорее ввести в строй боевую машину.

Не успеешь приземлиться, а Иванов тут как тут. И уже возится у самолета, расспрашивает, как работал мотор, нет ли каких-нибудь замечаний. Кто-то хорошо сказал, что механик — хирург самолета, а мотор — второе сердце летчика.

Иванов — рабочий-слесарь с большим стажем. Он давно работает авиатехником. Его посылали в Ванкарем, когда снимали с дрейфующей льдины челюскинцев. Я люблю поговорить со своим механиком. Он сворачивает козью ножку, закуривает и неторопливо рассказывает какой-нибудь случай из своей жизни. Глаз у него наметанный, он сразу, как тогда, перед моим первым боевым вылетом, замечает, если я чем-нибудь озабочен. А когда Иванов докурит и, тщательно притушив, затопчет окурок, мы идем к самолету и вместе его осматриваем, если он даже в полном порядке.

21. За товарищей

Однажды — это было в начале мая 1943 года — я отдыхал после задания и, разговаривая с Ивановым, наблюдал за Васей Пантелеевым. Он нетерпеливо ходил вокруг своей машины в ожидании, когда она будет готова к полету.

Другие самолеты один за другим отрывались от земли.

Механик пытался что-то объяснить, но Василий махнул рукой, уверенным, привычным движением влез в кабину и взлетел.

Мы пошли с Ивановым осматривать мой самолет.

Вдруг мимо нас промчалась санитарная машина. Вслед за ней бежали несколько летчиков. Оказалось, что с машиной Пантелеева произошла авария: он чересчур поторопил механика, не дав опробовать мотор на земле.

Для всех нас это был еще один тяжелый урок.

Все мы были глубоко опечалены гибелью товарища. Особенно тяжело переживал смерть Пантелеева Кирилл Евстигнеев — они были закадычными друзьями. Я тоже был сильно привязан к Пантелееву: мы жили в одной землянке. А кто из фронтовиков не знает, как привыкаешь друг к другу, когда живешь вместе в боевых условиях!

Мы стояли у могилы Пантелеева, засыпанной полевыми цветами. Смеркалось. Было очень тихо. Амелин обнял Евстигнеева за плечи и сказал:

— Пойдем, Кирюша! — Потом обернулся ко мне: — А ты?

Я ответил, что приду позже. Хотелось побыть одному.

Все ушли. Мне было очень грустно! Я вспоминал погибших товарищей. И чем больше размышлял о погибших друзьях, тем сильнее охватывала меня ненависть к врагу. Я решил во что бы то ни стало сбить восемь вражеских самолетов — по два за каждого погибшего товарища.

Не знаю, долго ли я простоял у могилы друга, размышляя о том, сколько тяжкого горя принесли на нашу землю фашистские полчища.

Опомнившись, я быстро пошел на аэродром, повторяя про себя слова, которые так любил Солдатенко: «На фронте положено думать обо всем, но в первую очередь думай о противнике».

О своем решении сбить восемь вражеских самолетов я никому ничего не сказал: оно было значительно и полно смысла только для меня. Окружающим это могло показаться пустым бахвальством. Даже мои лучшие друзья вправе были бы заметить, что сначала надо пройти испытание боем.

А объяснить все, что я перечувствовал над могилой Пантелеева, было трудно.

22. В боевой готовности

Активность авиации с обеих сторон снизилась, и для спокойной учебы мы перелетели на аэродром, расположенный дальше от линии фронта.

Нашу эскадрилью принимает бывалый летчик — старший лейтенант Федор Семенов. На его счету восемь сбитых вражеских самолетов.

Новый комэск — москвич. У него, как у нашего «бати», лицо в ожогах. Он молод, широкоплеч, среднего роста. Походка у него решительная, быстрая. Во всей осанке есть что-то удивительно располагающее, внушающее уважение. Говорит спокойно, продуманно.

Подорожный представил нам нового командира эскадрильи. Семенов внимательно и доброжелательно оглядел нас. Не рисуясь и не скромничая, рассказал о себе.

Вечером на разборе новый командир эскадрильи сказал:

— Самое важное — соблюдать боевой порядок группы. Цель каждого из нас — сбить врага. Но не гоняйтесь за «сбитыми», не отрывайтесь от группы, не нарушайте дисциплины.

Я сразу отметил в командире те качества, которые мы так ценили в Солдатенко: твердость, требовательность, товарищескую простоту.

После разбора полетов ко мне подошел наш парторг Беляев, сел рядом со мной, и у нас завязалась теплая товарищеская беседа. Беляев говорил, что теперь, во время подготовки к боям, я должен не только много учиться сам, но и учить более молодых и неопытных летчиков. Он сказал, что, по его мнению, Евстигнеев, Амелин, я и некоторые другие летчики, одновременно со мной пришедшие на фронт, достойны стать кандидатами в члены Коммунистической партии.

— Работаете вы добросовестно, — говорил он, — воюете честно и смело. Приобрели военный опыт, знания, растете политически. Считаю вас непартийными большевиками. Если ты решил, если чувствуешь, что готов принять высокое звание большевика, то подавай заявление. Подумай над этим.

Крепко пожав мне руку, Беляев ушел.

К вступлению в партию я готовился давно. Все хотел поговорить с нашим комсоргом — старшиной Коротковым, но не решался. Мне казалось, что я еще не заслужил права быть коммунистом.

Беседа с парторгом очень обрадовала меня. В этот же день я подал заявление о приеме в партию, чтобы к началу решающих боев быть коммунистом.

Вылеты на боевые задания по-прежнему были нечасты. Иногда в группе истребителей я сопровождал «Ильюшиных» на штурмовку вражеских аэродромов, возил донесения, был связным между соединениями, летал на разведку в район Белгород — Харьков. Летал без прикрытия, «маскируясь» складками местности. Привык ходить на бреющем, привык возвращаться домой уже в сумерках.

Все это было хорошей подготовкой к настоящей боевой деятельности. Я сам учился, готовился к предстоящим боям и готовил молодежь.

Меня назначили заместителем командира эскадрильи. Сообщив о назначении, Семенов сказал, как всегда, твердо и дружелюбно:

— На днях к нам поступит пополнение. Работы будет много. Нужно так подготовить молодых, чтобы они уверенно дрались с врагом. Надо подробно разбирать их вылеты, учитывать их ошибки. Учитесь командовать.

Готовясь к новым обязанностям, я стал прислушиваться к каждому слову комэска, присматриваться к тому, как он командует, учит, воспитывает, как разговаривает с подчиненными. Мне поручено ответственное дело — воспитание молодых боевых летчиков.

Прибывает пополнение. Эскадрилья формируется из новых летчиков.

«Ребята хорошие, дисциплинированные, но, видно, горячие. Пожалуй, слишком горячие, — думаю я, глядя на их оживленные лица. — Но Семенов быстро приберет их к рукам».

Комэск знакомится с каждым из них и, собрав всех, говорит:

— Главное — держитесь друг за друга, защищайте друг друга, не отрывайтесь от группы. Иначе враг будет вас бить, как цыплят. Группа в воздухе должна быть единым целым — один за всех, все за одного. В этом ее сила.

Все новые летчики — комсомольцы. Большинство только что закончили летную школу. У нас в эскадрилье три новичка. Паша Брызгалов — румяный и коренастый, у него раздвоенный подбородок и смеющиеся глаза; его школьный друг Миша Никитин — тонкий, мускулистый, очень подвижной и веселый. Разные внешне, Брызгалов и Никитин внутренне удивительно похожи. Третий — Гопкало, тоже совсем еще молодой паренек.

Брызгалова Семенов берет к себе в ведомые. Ко мне назначен в ведомые Василий Мухин. Он уже бывал в боях.

Семенов отводит меня в сторону и говорит:

— Помните: в дружбе ведомого и ведущего — успех пары. Посмотрите, какая закваска у Мухина.

Приглядываюсь к своему ведомому.

На аэродроме тихо. Идем купаться. Я заметил на ноге Василия большой, глубокий шрам, но спросить его, не мешает ли ему старое ранение, неловко. Мы поплавали, вышли на берег, легли на траву и закурили.

— Василий, послушай, только не обижайся. На летных качествах ранение не отражается? — спросил я, показывая на шрам.

Василий ответил просто:

— Не беспокойся, летать не мешает. На земле иногда ноет, а в полете никогда. Осколком хватило, когда немцы бомбили наш аэродром в Сальских степях. Думал, ногу отрежут, но видишь — оставили… Ты во мне не сомневайся. У меня с фашистами счет

большой, как и у тебя…

Мы с Василием провели много учебно-тренировочных полетов над нашим полевым аэродромом, приноравливаясь друг к другу, приглядываясь к «походке» в воздухе. С этого начинается дружба пары.

Спали мы рядом на соломе. Вечерами долго разговаривали о родных. Старики Василия остались в деревне под Гомелем. У него, как и у меня, на сердце никогда нет покоя. Я все время думаю об отце. Часто вспоминаю братьев: где-то они сейчас? Слежу за линией фронта и с нетерпением жду начала наступления наших войск.

На аэродроме Мухин ходит за мной — привыкает к моим движениям, голосу. Иногда забуду о нем, оглянусь, а он идет за мной по пятам. Забавная со стороны, но нужная в летном деле «наземная подготовка». Как сейчас вижу, улыбающееся белобровое лицо Мухина, его голубые зоркие глаза, прядь выгоревших на солнце волос, пилотку набекрень, всю его молодцеватую, крепкую фигуру.

Василий чуть сутулился, как часто сутулятся летчики, привыкшие сидеть крючком в кабине самолета.

Мы жили дружной тройкой — Мухин, Петро и я. Но в первых числах июня Петро Кучеренко получил назначение в другую часть и улетел. Пусто стало без него в землянке. Три месяца фронтовой жизни сроднили нас.

23. Перед битвой на Курской дуге

Наступил июнь 1943 года.

Наша часть по-прежнему стояла на аэродроме в девяноста километрах от группировки немцев. Отсюда шел путь на Киев, Чернигов, Полтаву, Кременчуг — на Украину.

В воздухе и на земле было тихо. Но к нам на полевые аэродромы прилетели свежие эскадрильи истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. По земле бесконечным потоком двигались наши танки, артиллерия, пехота. Это все — предвестники начала решительных действий, крупных операций.

Мы продолжаем учебно-боевую подготовку. На тренировочные полеты теперь обращается особое внимание. Семенов тщательно проверяет наши знания.

В конце июня 1943 года старшие сержанты — мои товарищи и я — получили звание младших лейтенантов.

Мы выстроились у КП, и Подорожный, огласив приказ, обратился к нам с короткой, запомнившейся мне речью:

— Товарищи! Вы вступили в семью советских офицеров. Это вас ко многому обязывает и в первую очередь к тому, чтобы еще тщательнее совершенствовать свою боевую выучку, еще более умело драться с врагом. Советский офицер всегда был олицетворением честности, храбрости, беспредельной преданности Родине, делу Ленина — Сталина. Желаю вам высоко нести звание советского офицера, умножать славные традиции нашей офицерской семьи!

Комсомольское собрание в тот вечер прошло торжественно и оживленно. Каждому хотелось выступить, поделиться своим боевым опытом, сказать о той гордости, которую он испытывает сегодня, вступив в офицерскую семью. Мы горячо обсуждали доклад заместителя командира по политической части о роли советского офицера.

Несколько дней я не мог привыкнуть к новому званию и не сразу отзывался, когда кто-нибудь окликал: «Товарищ младший лейтенант!»

Я знал — мне многого не хватает, чтобы стать настоящим офицером военно-воздушных сил, настоящим, испытанным летчиком, хотя у меня на счету было уже около тридцати боевых вылетов. «Боевые качества куются постепенно», — вспоминал я слова Солдатенко.

В полку не прекращалась напряженная боевая учеба. По всему чувствовалось, что предстоят большие, решительные бои. Было известно из газет, что в Германии идет тотальная мобилизация, что там выпущены новые виды оружия — танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд».

Летая в разведку над вражеской территорией, мы видели, что немцы подтягивают свежие части.

Как мы потом узнали, враг, пользуясь отсутствием второго фронта, стягивал сюда, к Курской дуге, большие силы, рассчитывая захватить плацдарм, занятый нашими войсками, нанести удар, выйти к Москве.

Но Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин с гениальной прозорливостью разгадал замыслы фашистов и заблаговременно направил сюда наши закаленные войска и мощную технику.

Мы уверенно ждали начала боев. В эти дни затишья невольно вспоминали весь путь, пройденный нашей авиацией с начала войны. Период временного превосходства немцев в воздухе ушел в прошлое. Фашистская авиация уже испытала ряд сокрушительных ударов советских военно-воздушных сил. Позади остался Сталинград, победоносные воздушные сражения в небе Кубани. Просматривая свой блокнот, в который я заносил все

новое, что мне удавалось подметить в тактике советских истребителей и в тактике врага, я с радостью отмечал, как расширился арсенал боевых приемов наших летчиков. Этот арсенал обогатился широко применяемым маневром по вертикали, многоярусным построением боевых порядков и еще многими другими приемами, которые следовало использовать в предстоящих боях.

24. Боевой счет открыт

5 июля 1943 года я проснулся на рассвете от грохота канонады. Проснулись и мои товарищи. Все, словно сговорившись, вскочили с коек и помчались на аэродром. Построились. Собрался весь личный состав. Волнуемся.

Командир объявляет:

— Товарищи! Немцы перешли в наступление на Белгородско-Курском направлении. Они рассчитывают ударом с двух сторон — от Орла на юг и от Белгорода на север — обрушиться на наши войска. Но им противопоставлена стратегия нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Враг должен быть уничтожен, и он будет уничтожен!

Оглушительное «ура» прокатилось по аэродрому. Командир продолжал:

— Товарищи! Настал час испытания боевых качеств молодых летчиков нашего полка. Перед нами ответственная задача — прикрыть советские наземные войска от вражеской бомбардировки с воздуха… Все по машинам!

Я сидел в кабине и уже видел себя в горячей схватке. Но вдруг вспомнились «белый кок» и былая ребяческая уверенность в том, что обязательно сразу собью два вражеских самолета.

Завтрак нам принесли в самолеты. Есть не хотелось. Подошел Иванов, посмотрел на меня и сказал:

— Ешьте, товарищ командир, через силу ешьте. Крепче будете!

Весь первый день боев наша часть просидела в самолетах на земле. Мы, видимо, находились в резерве.

Наутро, чуть свет, мы снова на аэродроме. Полк получил боевое задание: прикрыть наземные войска от вражеской бомбардировки с воздуха.

…Нашу эскадрилью ведет Семенов. Мы еще далеко от линии фронта, а на земле уже видны пожары. Подлетаем ближе. Запах гари чувствуется даже в кабине. В воздухе тают разрывы зенитных снарядов.

Я ошеломлен. Ничего подобного еще не видел и не мог себе представить. Не только под нами, на земле, но и в небе тесно. Идет настоящее воздушное сражение.

В наушниках шлемофонов слышатся команды наших офицеров с радиостанций наведения. Стоит сплошной гул. Не успевает выключиться один передатчик, как включается другой. Разобраться трудно… Товарищи из других эскадрилий уже вступили в бой. Иногда в наушниках раздаются чьи-то отрывистые команды:

— Атакую, прикрой!

— Внимание, слева «мессер»! С земли доносится:

— Соколы, атакуйте! Бейте их, бейте!

Зорко слежу за командиром и готов выполнить каждый его приказ.

Семенов сообщает: «Подлетаем к линии фронта».

Вслед за этим раздается его команда: «Впереди ниже нас более двадцати самолетов противника. Атакуем!»

И действительно, ниже нас по-воровски, сторонкой, направляются к линии фронта до двадцати семи немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» под прикрытием истребителей. Самолет командира вихрем понесся на бомбардировщиков. Несколько секунд — и горящий «юнкере» рухнул на землю. Семенов кричит

— Орлы, бей их!

Я был в каком-то самозабвении и в то же время не упускал ни одной мелочи, старался действовать точно, стремительно, с расчетом.

Быстро захожу одному из «юнкерсов» в хвост. Ловлю его в прицел. Дистанция подходящая. Нажимаю на гашетки — пушки заработали. «Юнкере» начал маневрировать. Почти вплотную сближаюсь с противником. Обжигает мысль: «Неужели уйдет безнаказанно?» Как во сне, слышу голос ведомого: «Бей, Ваня: прикрываю!»

Стиснул зубы, продолжаю стрелять и думаю: «Если не собью, то буду таранить, последую примеру Габуния».

Дал несколько длинных очередей. И вдруг самолет врага вспыхнул и пошел вниз. С каким торжеством, с какой радостью взмываю вверх! Кричу своему напарнику:

— Вася, друг, одного кокнул!

Инстинктивно оглядываюсь по сторонам. Вижу, от меня отвалил «мессер». Сразу понял, какая опасность грозила мне только что. В пылу боя я думал лишь о том, чтобы сбить врага. А за это время вражеским летчикам не раз представлялась возможность сбить меня. Увлекшись, я не заметил, как в хвост

моей машины зашел «мессершмитт». Но ведомый был начеку и вовремя прикрыл меня словно щитом, отбив атаку «мессершмитта». Если бы не он, немец расстрелял бы меня в упор.

Наша дружба выдержала испытание в этом воздушном жарком бою. Удар советских истребителей ошеломил немцев. Строй бомбардировщиков рассыпался. Противник в беспорядке сбросил бомбы на голову своих войск и ушел восвояси.

Я еще не успел опомниться. Губы у меня ссохлись. Хотелось пить. Я был словно в горячке. Но вот снова послышалась команда: «На подходе группа бомбардировщиков. Атакуйте!»

Мы снова врезаемся в свежий строй фашистских самолетов. Противник становится в оборонительный круг. Вражеские стрелки открывают по нам бешеный огонь.

Пристраиваюсь к немецкому самолету. Сел, как говорят, ему на «хвост». Думаю: «Сейчас в упор расстреляю». Отчетливо вижу кресты. Пора открывать огонь. Нажимаю на гашетки… Но пушки молчат. Я и не заметил, что все снаряды уже израсходованы.

Атакуя первого «юнкерса», я по неопытности открыл огонь с большой дистанции и вел его длинными очередями. За несколько секунд израсходовал все боеприпасы. Это был хороший урок. Я на опыте убедился, что огонь необходимо открывать с короткой дистанции, что нужно экономно расходовать боеприпасы, а для этого действовать точно, быстро, с расчетом. Бить врага с короткой дистанции, сочетая и короткие и длинные очереди, стало с тех пор моим незыблемым правилом.

Между тем противник резко шарахнулся от меня в глубь своего строя и чуть не столкнулся с другим «юнкерсом».

«Так и без снарядов, — думаю, — можно сбивать самолеты врага!» Минут десять гоняюсь за противником. Вражеские самолеты, не выдержав атаки наших истребителей, повернули на запад, суетливо сбрасывая бомбы.

Мой личный счет открыт: я сбил один фашистский самолет.

Только после этой первой настоящей встречи с врагом я понял, какую силу придает боевое воодушевление: оно создает особенную находчивость, быстроту реакции, точность. Писатель Алексей Толстой назвал это состояние «расчетливым восторгом боя».

…Мы благополучно, без потерь, вернулись на свой аэродром. В привычной обстановке я еще острее почувствовал радость. Хотелось, как в детстве, кричать, поскорее поделиться своими впечатлениями с товарищами. Меня обступили летчики, механики. Мухин, возбужденно жестикулируя, рассказывал о том, как я зажег самолет и как он отбил атаку «мессера».

Да, но надо сначала по всем правилам доложить командиру. Так и подмывало побежать! Но я подтянулся и спокойно, медленно, как полагается бывалому летчику, направился к КП. Навстречу идет Семенов. Почему у него такое хмурое, недовольное лицо? Я растерялся, запнулся, позабыв заранее приготовленные слова. Семенов посмотрел на меня и сердито сказал:

— Знаю, видел. Я вами недоволен. Дерзости у вас много. Это хорошо, но в таких сложных условиях надо быть сдержанным, а то самого, как куропатку, собьют. В бою нельзя горячиться.

Он замолчал, а я стоял перед ним навытяжку и готов был сквозь землю провалиться. Вдруг командир улыбнулся и протянул мне руку:

— А в общем — молодец! Так и бей их! Но смотри не зазнавайся! Заруби на носу мои слова…

От сердца отлегло. Я был благодарен командиру за то, что он предостерег меня, заставил быть скромнее и требовательнее к себе.

Первый бой показал, что одного умения водить машину, одного лишь знания самолета, желания победить врага, одной лишь смелости еще мало — надо уметь определить замысел противника и, молниеносно оценив обстановку, опередить врага. Успех в воздушном бою решают секунды.

Вечером после разбора полетов в столовой было шумно и весело, как никогда. Говорили без умолку. Многие в этот день одержали свою первую победу над врагом. Сбил самолет и Кирилл Евстигнеев. Я кричу ему, хотя мы сидим рядом:

— Ты понимаешь, фрицы чуть не столкнулись!..

Кирилл перебивает:

— А я с короткой дистанции дал очередь по «юнкерсу», и он пошел вниз. Я даже глазам не поверил!

Амелин, усиленно жестикулируя, старается показать движениями рук, как он заходил на немца, и приговаривает:

— Я сюда — он туда, и я за ним!

Мы понимаем друг друга с полуслова.

Два брата Колесниковых — ведущий и ведомый, — похожие друг на друга так, что мы их путаем, отплясывают чечетку.

Кирилл не выдерживает, вскакивает и тоже пускается в пляс. Вдруг баян умолкает. Кто-то кричит:

— Товарищи офицеры, внимание!

Сразу становится тихо. Мы вытягиваемся в струнку: на пороге стоят Подорожный и Семенов. Они смотрят на нас и смеются.

— Сегодня, когда «юнкерсов» били, не так шумно в воздухе было, как у вас сейчас, товарищи, — говорит Семенов.

— Продолжайте в том же духе, — добавляет Подорожный и смотрит на часы. — Еще полчаса можно.

Возбуждение так велико, что мы долго не можем заснуть. Переговариваемся. Перед глазами картина боя.

Больше всех болтает Миша Никитин.

— Вот шалопут! Когда ты угомонишься? — кричу я ему.

Ребята смеются.

— Ну, окрестили! — хохочет и Никитин. Заявляю решительно:

— Спать, хлопцы! Подъем в три часа. День будет горячий.

На следующий день, 7 июля 1943 года, мне удалось одержать вторую победу — сбить «Юнкерс-87», а через день — два «Мессершмитта-109».

25. На прикрытии наших наземных войск

С каждым днем бои делались все напряженнее. Грандиозная битва развертывалась на дуге, обращенной к западу от Курска и глубоко вдававшейся в немецкую оборону. Видимо, враг долго готовился и сейчас в бессильной ярости бросал на поле боя одну дивизию за другой, но они быстро таяли. Планы немцев провалились. Враг встречал нашу мощную оборону на земле, наше мощное сопротивление в воздухе.

Я, молодой летчик с небольшим боевым опытом, не мог в то время представить себе всю сложность обстановки, охватить весь масштаб операции.

В первые дни боев на Курской дуге меня удивляло, что мы, летчики-истребители, действуем небольшими группами, тогда как немцы бросают в воздух большие группы своих самолетов. Только потом мы узнали, что наши воздушные силы сохранялись Верховным Главнокомандованием для решающего удара. А небольшие группы наших самолетов, которые выходили на прикрытие советских наземных войск, строго сообразуясь с обстановкой, обеспечивали непрерывность воздействия на противника.

Немецкие истребители, прилетая раньше бомбардировщиков и стремясь очистить воздух от наших истребителей, хотели связать нас боем и дать свободу действий своим бомбардировщикам. Но эта тактика была быстро разгадана нашим командованием. Перед нами была поставлена задача бить немецкие бомбардировщики, и мы, обходя истребители противника, как бы заходили на вражескую территорию, встречали фашистские бомбардировщики еще на подходе к

нашему переднему краю, наносили им ощутительные потери, и истребители противника приходили к месту боя, так сказать, к «шапочному разбору».

Советские истребители вступали в бой с любым количеством вражеских самолетов, врезались в их строй, стремительно атаковали, навязывали им свою тактику, воздействуя на вражеских летчиков своим мужеством, стойкостью, стремительностью, умением. Мы знали, что от наших действий во многом зависит успех действий советских наземных войск

Немцы стали вести себя нервозно и истерично. Их бомбардировщики несли огромные потери, а это облегчало действия наших наземных войск.

Настал момент, когда наша авиация, нанеся большие потери фашистским бомбардировщикам, стала вести активные бои с вражескими истребителями.

Через несколько дней после начала битвы на Курской дуге советская авиация завоевала полное господство в воздухе.

26. В наступление!

К 16 июля 1943 года немцы на нашем участке фронта перешли к обороне. Но наши войска не дали врагу закрепиться и предприняли мощное контрнаступление, отбросив противника на юго-запад.

24 июля Верховный Главнокомандующий поздравил войска наступающих фронтов с ликвидацией немецкого летнего наступления, о котором фашисты трубили на весь мир. Немецкая оборона подготовлялась долго — Советская Армия сломила ее за несколько дней.

…Немцы отступают. Наши войска не дают им возможности опомниться. Мы по-прежнему не вылезаем из своих машин — делаем по нескольку вылетов в день. Наш боевой счет растет. Спим мало. Иногда «досыпаем» днем в землянке. А когда техники спят — неизвестно. Они всю ночь просматривают и ремонтируют машины.

Наш полк перелетел на аэродром ближе к линии фронта. Развалины. Пепелище. Крестьяне встретили нас на околице разрушенного села. Впереди шел старик со строгим, скорбным лицом, с длинной седой бородой. Он подошел к Подорожному, обвел рукой — вот, мол, смотрите сами! — и сказал:

— Сынки, видите это!

Нас окружили ребята, женщины. Все мы были глубоко взволнованы.

Вечером я написал письмо в наш сельсовет и отцу: решил, что пока письма будут идти, войска 1-го Украинского фронта выгонят врага из родной деревни.

Конечно, хотелось быть с войсками 1-го Украинского фронта. Но цель у нас была общая. Вероятно, не один летчик 1-го Украинского фронта с волнением следил за боями на нашем участке, с нетерпением ждал освобождения родного села под Белгородом.

27. Клятва выполнена

С нашего аэродрома по тревоге вызвали десять самолетов. Мы поднялись. Группу возглавлял Семенов.

— Быстрее! Быстрее! В районе Рогани бомбардировщики противника! — раздалось в наушниках шлемофонов.

В такую минуту думаешь об одном: «Там враг бомбит наши войска! Скорее на выручку!» Семенов подает команду:

— Будьте внимательнее! Впереди до сорока пикирующих бомбардировщиков и истребителей противника. Атакуем!

С ходу захожу в хвост одному бомбардировщику и открываю огонь. Немец только было собрался пикировать. Вгоняю его в землю.

Восьмой самолет сбит — это месть за моих погибших товарищей. Я выполнил свою клятву.

…Смотрю — ведомый прикрывает надежно. В наушниках раздается команда с земли:

— Выше вас около двадцати «Хейнкелей-111». Атакуйте, атакуйте!

Врывается еще чей-то голос:

— «Мессеры» заходят в хвост, будьте внимательнее!

К нам эшелонами приближается около тридцати бомбардировщиков. Мы с Мухиным взмываем вверх и с ходу врезаемся во вражеский строй. Наши машины оказались под самолетами противника, и я увидел большие черные кресты на желтых плоскостях.

Вблизи нет своих. Напряжение достигает предела. Бить, не теряя секунды! Немцы поспешно бросают бомбы. Рядом пролетает одна, другая. Неожиданно бомбардировщики поворачивают на запад. «Нет, не уйти вам безнаказанно, гады!» — думаю я и кричу ведомому:

— Вася, берем в клещи крайний!

С двух сторон мы заходим к бомбардировщику. Начали сближаться. Дистанция подходящая. Командую: «Огонь!»

Заработали пушки. Самолет врага вспыхнул и пошел к земле. Вдруг откуда-то на нас налетели до двадцати истребителей противника: сверху, снизу, справа, слева засверкали огненные трассы. Передаю Мухину:

— Вася, держись!

И мы, отбиваясь от яростных атак, уходим на свою территорию, то взмывая, то снижаясь по ломаной линии.

Немцы гонятся за нами, но их атаки безуспешны. Мы с Мухиным стремительно маневрируем на наших «Лавочкиных», отстреливаемся, отгоняем друг от друга вражеские самолеты. Теперь я уже научился соразмерять в воздухе каждое движение, экономить секунды. В этом бою я еще раз убедился, насколько велико значение спаянности нашей пары. Именно это и помогло нам выбраться из сложного положения.

Я вышел из самолета. Посмотрел на Мухина — у него на спине проступили белые соляные разводы. У меня тоже гимнастерку хоть выжми.

28. Мысли о воздушном бое

После боя по лицу летчика можно сказать, как много пережил он за те тридцать минут, которые он провел в воздухе. Что-то суровое появляется в глазах. На губах — запекшаяся кровь: видно, губы кусаешь.

В жаркой схватке летчик не чувствует ни боли, ни усталости — эти ощущения словно выключены из сознания. За полчаса воздушного боя затрачиваешь столько энергии, сколько не затратишь за полмесяца на земле. Только на аэродроме это сказывается. Но если летчик сразу получает приказ о новом боевом задании, всю усталость будто рукой снимает бодрый, спокойный, садится он в свой самолет и летит в бой. Мысль его ясна, весь он собран.

Только в первые дни сражений севернее Белгорода, на Курской дуге, я понял, что настоящий воздушный бой — это высшее напряжение нервов, испытание физических и душевных качеств бойца.

Нервное напряжение у всех выражалось по-своему. Я, например — и это было у большинства, — терял аппетит. Все время хотелось пить, пересыхало в горле, голова горела. Но это было только вначале. Уже через неделю организм приспособился, и все вошло в норму, лишь иногда сразу после боя возвращалось это состояние.

Часто, бросая из стороны в сторону свой самолет, взмывая

ввысь и оттуда бросаясь на врага или атакуя его с бреющего полета, чуть не задевая плоскостями макушки деревьев, я думал о том, как меня выручает физическая сила, выносливость. Большие перегрузки и длительное напряжение всего организма в воздушном бою я выдерживал сравнительно легко, на деле убеждаясь, какое громадное значение имеет для летчика физическая подготовка.

В боях на Курской дуге я начал осмысливать сложное искусство воздушного боя, научился анализировать свои успехи и неудачи, бои, проведенные друзьями. У меня стали вырабатываться свои тактические приемы, быстрота действий; я старался использовать все летно-тактические качества самолета.

В воздушном сражении нельзя увлекаться и очертя голову вести бой. Неопытному летчику это особенно трудно: бой захватывает. А надо крепко держать себя в руках. Я часто повторял слова Чкалова: «Имей холодный ум, но горячее сердце».

Вечерами, отдыхая после напряженного боевого дня, я часто думал о поведении летчика в бою, старался проследить все свои действия в проведенных боях. Такой анализ помог сделать некоторые выводы, оказавшиеся полезными мне в будущем.

Боевому летчику необходима быстрота мысли, умение без промедления оценить обстановку, ориентироваться в ней, сразу найти наиболее правильное решение. Это очень ценное, даже необходимое качество боевого летчика.

Мысль опережает действие. Поэтому, упорно тренируясь, надо научиться действовать стремительно, но по порядку, нужно уметь контролировать свои действия, координируя их в самой сложной обстановке. Этого можно достичь лишь в результате отличной техники пилотирования. Ее нужно довести до совершенства.

Я часто вспоминал наставление своего аэроклубного инструктора: «Действуйте не спеша, но поторапливаясь». Спешка мешает. Она заставляет принимать решение не вполне обдуманно, недостаточно ориентируясь в обстановке. Быстрота и поспешность — понятия разные. Я это хорошо усвоил еще в те дни, когда мне приходилось работать инструктором, наблюдая за своими курсантами. Действовать с быстротою мысли — вот к чему должен стремиться каждый боевой летчик. И длительной, упорной тренировкой он может достичь этого.

В бою летчик делает одновременно несколько дел, поэтому ему необходимо не только мгновенно охватывать вниманием всю создавшуюся обстановку, но и уметь распределять внимание. В сложной обстановке воздушного боя, когда события разворачиваются в течение секунд, от умения летчика

распределять внимание иной раз зависит исход схватки с врагом. Особенно это умение нужно командиру группы. Ему надо следить за своими действиями, за действиями своих летчиков и вражеских, правильно расставить силы, мгновенно распознать, сосчитать, учесть силы противника. Хороший, опытный летчик умеет быстро и сознательно переключить внимание, если этого требует обстановка, мгновенно реагировать на любую неожиданность — скажем, на появление новой группы самолетов противника или непредвиденный маневр вражеского летчика.

Мыслями и выводами я делился с друзьями. Один из молодых летчиков сказал:

— Все это правильно и очень важно, но как добиться этого, как научиться вот так, сознательно и обдуманно, вести бой?

Я сам часто задавал себе этот вопрос и пришел к такому выводу: главное — в совершенстве овладеть техникой пилотирования: Только тот летчик, внимание которого не поглощено процессом управления самолетом, может своевременно и эффективно атаковать врага. Чем лучше боевой летчик владеет техникой пилотирования и вооружением самолета, тем меньше его внимание отвлекается на управление самолетом. Такой летчик может целиком сосредоточиться на отыскании наиболее целесообразных приемов, способов атаки врага; может точно выбрать наиболее благоприятный момент для открытия огня по самолету противника; может стать новатором.

Вот таким летчиком я и хотел стать, этого добивался, к этому готовился.

29. Назначение

5 августа был освобожден Орел и в тот же день — Белгород. В этот вечер прозвучал первый в истории Великой Отечественной войны салют: столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Белгород и Орел, артиллерийскими залпами.

Настроение приподнятое, радостное: началось очищение украинской земли от фашистской нечисти!

На следующее утро после освобождения Белгорода я, как всегда, подошел к своему «Ла-5» и приветствовал его: это у меня уже вошло в привычку. Влез в кабину.

— Товарищ командир! — кричит мне Иванов. — Вас зовут.

Я в два прыжка очутился на земле. Ко мне подходят командир соединения и командир части. Рядом с ними — Семенов. Спешу навстречу.

— Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант, с высокой наградой — орденом Красного Знамени! — говорит командир соединения и, пожав мне руку, прикрепляет орден к моей гимнастерке.

— Служу Советскому Союзу! — отвечаю я взволнованно.

Евстигнеев, Амелин и многие мои товарищи также получают боевые награды.

Семенов обнимает меня и говорит:

— Запомни, что я тебе скажу. По всему вижу: ты собьешь много немецких самолетов. Но смотри в оба: смекалкой бери, слишком не горячись, не забывай первого сбитого…

Я крепко запомнил простые, искренние слова старшего товарища.

Вечером, когда кончился разбор полетов, я увидел около КП знакомую фигуру — это был Петро Кучеренко: он прилетел в командировку на сутки. У него на груди тоже орден Красного Знамени.

Мы радостно обнимаемся и поздравляем друг друга.

— Скучаю по вас, друзья, — говорит Петро. — Словно домой попал. У нас в части тоже ребята хорошие, но все же вас не хватает.

…Рано утром — мы только что проводили Петро — меня вызвал на КП командир части:

— Семенов назначается моим заместителем, вы — командиром эскадрильи, а Брызгалов — вашим заместителем.

Я вышел с КП обрадованный, но в то же время озабоченный: для новой должности недостаточно обладать одними летными качествами — необходимо воспитать в себе способности командира, приобрести опыт вождения групп.

Своими раздумьями я поделился с Амелиным.

— Да, водить группу — трудное дело, — согласился он. — Ответственность большая. Комэску надо следить за всем: и за воздухом, и за действиями летчиков.

Конечно, командовать труднее, чем выполнять приказание командира. Ведь это значит не только отдавать приказание, но «и учить, как его выполнить, воспитывать подчиненных.

Евстигнеев, а позже и Амелин тоже были назначены командирами эскадрилий. Мы упорно работали над собой, чтобы оправдать высокое звание командира эскадрильи.

30. Разведчик

Кончился срок моего кандидатского стажа, и я подал заявление о приеме в члены партии.

Трудно передать, с каким нетерпением ждал я заседания партийной комиссии! Все время думал об этом и еще тщательнее готовился к каждому боевому вылету.

С 4 августа 1943 года началось наше наступление на Харьковском направлении. Я узнал, что в эти дни в неравном бою погиб Кучеренко. Он воевал храбро: на его счету было уже десять сбитых вражеских самолетов.

Вечная память тебе, Петро!

…14 августа, когда я только что возвратился с боевого задания по прикрытию наших войск и собрался идти в столовую, меня срочно вызвали на командный пункт.

Передо мной поставлена задача: моей шестерке надо прикрыть действия нашего разведчика — ему поручено ответственное задание. Встретиться с разведчиком мы должны в воздухе над нашим аэродромом.

Я собрал летчиков эскадрильи и рассказал о задании. Мы разошлись по машинам и стали ждать. Обед нам подали прямо в самолеты.

Прошло двадцать минут. Над аэродромом появился самолет, это был наш разведчик. Взлетели. Я связался с ним по радио и доложил, что готов к сопровождению. Летим на высоте трех тысяч пятисот метров. Облачность три-четыре балла. Разведчик идет впереди, моя шестерка — позади. Идем над линией фронта. Вражеские зенитки открыли огонь.

Когда мы углубились во вражеское расположение километров на двадцать, я заметил немецкие истребители.

— Они направлялись к нам.

Предупреждаю летчиков по радио:

— Ястребы, будьте внимательны! Сзади, ниже нас, двенадцать истребителей противника.

Самолеты врага подходят ближе.

Мы начали маневрировать, чтобы прикрыть разведчика и не дать врагу возможности зайти к нему в хвост.

Внезапная атака противника сорвана.

Но надо думать, немцы пойдут на все, лишь бы сбить разведчика. И действительно, один из «мес-сершмиттов» пытается атаковать его. Стремительно иду на сближение с немцем и длинной очередью сбиваю его.

Наша шестерка вступает в ожесточенный бой с вражескими самолетами, а разведчик носится в стороне.

Я понимаю, что воинский долг обязывает его любой ценой выполнить задание, но, видя, что положение создалось сложное, передаю ему:

— Уходи домой… Уходи…

А летчик словно и не слышит. И я думаю о том, что он, вероятно, молодой, горячий, упрямый, смелый и очень честный.

Стараюсь оценить обстановку, не поддаваясь горячке боя, оценить действия разведчика и моих товарищей, предугадать уловки врага. У меня уже есть опыт в ведении сложного воздушного боя. Наша шестерка слаженно и четко отбивает атаки наседающих немецких истребителей.

Вдруг вижу — Миша Никитин помчался за «мессершмиттом». Он забыл основное правило: в воздушном бою не увлекаться сбитым. В хвост его самолета стал заходить второй «мессершмитт». Я закричал по радио Брызгалову:

— Паша, спасай шалопута!

Но было поздно: немец навалился на Никитина, прошил его очередью и сбил.

И сейчас же мастерски, меткой очередью Брызгалов сбил «мессершмитт». Пришлось так напряженно следить за воздухом, что я не мог наблюдать за самолетом Никитина. «Как он выберется с территории, занятой врагом? Что будет с ним?» — с тревогой подумал я.

А бой продолжается. Наш разведчик по-прежнему кружит неподалеку, как у себя дома. Я даже обозлился: «Вот сорвиголова! Ведь тебя сейчас собьют, чорт возьми!» И в это мгновенье вижу, что к разведчику подкрадывается «мессершмитт».

Быстрее на выручку! Сейчас немец откроет огонь!

Догоняю немца сзади, сверху и несколькими очередями сбиваю его. Фашист перевернулся и упал в лес.

Подлетаю к разведчику почти вплотную и машу ему кулаком: «Уходи! Бой разгорается вовсю. Поворачивай!» На этот раз он послушался, и мы стали уходить на нашу территорию.

Моя группа, отбиваясь от немецких истребителей, прикрыла разведчика. Фашисты, очевидно, убедились в бесплодности своих атак, повернули и вразброд полетели на запад.

Они потеряли четыре самолета, мы — один.

Благополучно приземляемся. На наш аэродром сел и разведчик. Смотрю — вылезает из самолета молодой румяный паренек. Таким я его себе и представлял. Улыбается, глаза сияют. Невольно улыбнулся и я.

— Ну чего ты, скажи пожалуйста, кружился, ведь тебя фрицы

могли сбить в два счета!

— А я уже стреляный! Мне надо было сбросить бомбовый груз. Пока вы возились с истребителями, я искал цель. Да и за вас боялся — как бы не заблудились. Я ведь за вас тоже отвечал, не только вы за меня!

— Ну и что же, нашел цель, сбросил бомбы?

— Нашел и сбросил.

Он засмеялся, а потом крепко пожал мне руку и серьезно сказал:

— Спасибо вам, товарищ командир! Ваши ребята молодцы — прикрывали меня надежно!

— Цель-то ищите, а за воздухом посматривайте, — ответил я.

Он пожал мне еще раз руку и поблагодарил за совет. Вижу, сдерживает улыбку, глаза смеются. «Да ты вроде нашего Никитина», — подумал я.

Через несколько минут разведчик на бреющем полете пронесся на своем «Петлякове» над нашим аэродромом и взял курс к себе домой. Я даже не успел узнать его фамилию.

Мы до поздней ночи, несмотря на тяжелый день и ранний подъем, не спали: всё ждали Мишу Никитина. Я очень его любил. Не верилось, что он погиб.

Паша Брызгалов твердил:

— Я убежден, что Миша вернется. Наверное, он на парашюте спустился и в лес к партизанам ушел.

Когда все устали ждать и задремали, мне послышалось, что Паша Брызгалов всхлипывает, уткнувшись носом в подушку.

31. Большой день в моей жизни

В горячих воздушных боях прошло еще несколько дней.

23 августа 1943 года был освобожден Харьков, и войска нашего участка фронта шли в наступление на Полтаву.

В эти дни напряженных воздушных боев в моей жизни свершилось событие, которого я ждал с таким волнением.

Однажды ко мне в землянку пришел посыльный из штаба и передал:

— Звонили из политотдела: вас завтра утром вызывают на парткомиссию.

Я долго не мог уснуть. С юношеских лет я испытывал благоговейное уважение к высокому званию члена партии. И сейчас, готовясь к большому для меня дню, думал об одном: примут ли меня? Достоин ли я?

…Идет заседание парткомиссии. Принято несколько боевых

летчиков. И вот я слышу слова председателя комиссии:

— Вы приняты в члены большевистской партии, товарищ Кожедуб. Поздравляю вас! Отныне вы обязаны еще смелее, еще искуснее драться с врагами нашей Родины. Желаю успеха!

Взволнованно отвечаю:

— Спасибо! Надеюсь, что смогу оправдать доверие, оказанное мне партией… Сделаю все для этого.

На душе у меня светло.

Теперь каждый день с утра я ждал появления на нашем аэродроме маленькой машины начальника политотдела — он должен был приехать и вручить партбилеты летчикам, принятым в партию. Возвращаясь с боевого задания, я каждый раз спрашивал техника Иванова: «А начальник политотдела не приезжал?»

27 августа утром, прилетев с боевого задания, я замечаю необычное оживление на аэродроме. У КП собралась большая группа офицеров.

— Прилетел начальник политотдела полковник Боев, — говорит мне Иванов.

Торопливо причесываю волосы, свалявшиеся под шлемом, надеваю пилотку, подтягиваюсь и направляюсь к товарищам. Еле сдерживаюсь, чтобы не побежать.

Полковник — я вижу его еще издали — разговаривает с летчиками. У него отличная память — он в курсе всей нашей жизни, и когда прилетает к нам, то всегда находит время с каждым поговорить, каждого расспросить. За большими делами он никогда не упускает мелочей. Мы это очень ценим.

Евстигнеев и Амелин уже получили партийные билеты. Лица их сияют. Поздравляю друзей.

Ко мне подходит начальник политотдела и едва успевает вручить мне партбилет, как раздается команда: «Все по самолетам!»

Опять срочное боевое задание. Все бегут к машинам. Тщательно прячу партийный билет в левый нагрудный карман и, счастливый, испытывая какой-то особенный подъем, бегу к своему самолету, напутствуемый полковником Боевым:

— Желаю успехов, товарищ!

Иванов меня поздравляет Я его обнимаю и влезаю в кабину. Сигнальная ракета, и наша шестерка вылетает.

В этом бою я сбил «Фокке-Вульф-190».

32. Вести из освобожденных родных мест

Войска нашего фронта с боями продвигаются к Полтаве. Идет единое общее наступление Советской Армии — от Белоруссии до Таманского полуострова. Часто, летая в разведку, вижу, как немцы оттягивают свои войска к западному берегу Днепра.

Советские войска форсировали Десну. Внимательно слежу по карте за продвижением наших частей — они все ближе и ближе подходят к моим родным местам. Освобожденные города обвожу красными кружками.

И вот наконец отмечаю на карте красным кружком Новгород-Северский. Там уже рукой подать до Шостки и родной Ображеевки.

В эти дни мы стоим в тридцати километрах от Харькова. 17 сентября получаем приказ перебазироваться на время боевого задания на харьковский аэродром.

Мы прилетели туда под вечер. С нами садятся и бомбардировщики. Значит, будем сопровождать их.

Противник, боясь окружения, начал перебрасывать войска и технику на западный берег Днепра. Перед нашими бомбардировщикахми была поставлена задача помешать этому. Самым уязвимым местом были мосты, и мы получили приказ сопровождать бомбардировщики на сто девяносто километров по направлению к днепровским мостам.

Я тщательно изучил карту. Путь предстоит сложный, будем лететь над голой степью, занятой врагом.

Рано утром во время зарядки я заметил у землянки двухпудовую гирю. Давно не пробовал ее выжимать. Не удержался — несколько раз выжал. Почувствовал, что со дня вылета на фронт стал сильнее. С приятным ощущением силы, здоровья и бодрости сел в кабину самолета.

Иванов, пожимая мне руку, сказал:

— Мотор не подведет, товарищ командир. Счастливо вернуться!

Летим. Чувствую себя спокойно и уверенно. Раздается команда:

— Слева самолеты противника. Будьте внимательнее!

Вражеские бомбардировщики под прикрытием «мессершмиттов» прошли стороной. Когда выполняешь задание по сопровождению бомбардировщиков, то отвлекаться от задания не разрешается. Но пропустить противника, не вступив в бой, обидно.

Подлетаем к цели. Я ждал, что нас встретят вражеские истребители. Но в воздухе тихо. Под нами — ленточка Днепра. Мы на высоте четырех тысяч метров. Через Днепр две черточки — мосты: южный и северный. Наши бомбардировщики разбиваются

на две группы. Подлетаем ближе. Мосты видны отчетливо. Удивляюсь, почему еще не бьют вражеские зенитки. Мы предполагали, что мосты будут прикрыты сильным огнем зенитной артиллерии. Значит, истребители близко. Начал осматриваться, еще внимательнее стал наблюдать за воздухом. Но вражеских истребителей по-прежнему нет.

Бомбардировщики вытягиваются в цепочку. Бомбы брошены. Разрывы обозначились невдалеке от мостов. Ведущий второй девятки попал в северный мост. Дым расстилается тучей.

Берем курс домой. Только сейчас начали бить немецкие зенитки, но наши самолеты уже далеко. Кто-то из летчиков по радио передал:

— Проспали фрицы! Поздно!

Когда мы вернулись к себе на аэродром, меня ждало несколько писем. На одном из конвертов я увидел знакомый почерк отца. Буквы запрыгали перед глазами. Я крикнул Мухину:

— Вася, письмо от отца получил!

И побежал на свое любимое место — под крыло самолета.

Я читал, и слезы застилали глаза.

«Дорогой сынок Ваня!

Все мы вместе желаем вам, фронтовикам, удачи, победы над врагом, боевого и смелого духа. До чего же ты обрадовал меня своим письмом! Что тебе писать о нас? Где теперь Яков и Григорий — не знаю. Григория угнали в рабство немцы. Яша — с первых дней в боях. Саша тоже прислал письмо, беспокоится о тебе. Высылаю его адрес. Мотя с ребенком живы. Наше село немцы не успели сжечь. А вот родину твоей мамаши — Крупец — сожгли. Односельчан наших — тринадцать человек — немцы убили. Нашего соседа, старинного друга Сергея Андрусенко, немцы замучили в здании техникума, где ты учился. Еще замучили 800 человек.

Я знаю, что немцу все равно не быть хозяином на нашей земле, потому что наша Родина — великая сила.' Радуюсь, что ты бьешь немцев. Только, Ваня, не заносись и честно выполняй свой долг перед Родиной. Я, Ванюша, за эти тяжелые годины сильно состарился, но сейчас снова работаю, наш колхоз оказывает мне помощь. Жду от тебя письма, дорогой сынок. Передай от меня привет всем твоим друзьям.

Твой родной папаша Никита Кожедуб».

Внизу отец приписал две тронувшие меня стихотворные

строчки:

Вспоминай, Ваня, мамашу, Защищай ты страну нашу.

Трудно передать, что я перечувствовал и передумал, прочитав письмо отца. Лютая ненависть к фашистам, замучившим земляков, охватила меня. Вспомнилась дорога к Десне — по ней отец и Сергей Андрусенко ходили рыбачить; родник у береговой рощи, где они отдыхали. Перед глазами стояли родные лица, родные места.

Хорошее, теплое письмо прислали мне и из сельсовета. Я знал, что мой старый отец не одинок, что его поддерживают, о нем заботятся. И тут же, под крылом самолета, написал ответные письма и письмо брату Александру.

33. Над днепровскими переправами

Советские войска вышли к Днепру на протяжении нескольких сот километров. Левобережная Украина очищается от врага. 23 сентября 1943 года освобождена Полтава.

В конце сентября мы снимаемся с полтавского аэродрома и перелетаем на полевой аэродром, ближе к Днепру. Оттуда только что выбили немцев. Подлетая к аэродрому, заметил, что посадочную площадку пересекает широкая борозда, словно по ней прошлись плугом. По радио передали, что садиться можно — борозду заровняли.

Приземлился. Вижу — у окраины аэродрома стоит плуг. Немцы намеревались вспахать весь аэродром, но не успели — поспешили удрать.

Фашисты укрепили правый, крутой берег Днепра, который и без того являлся хорошим естественным рубежом. Но войска нашего фронта с ходу форсировали Днепр и уцепились за клочок земли на западном берегу. Его назвали «Малой землей».

Перед нами поставлена боевая задача: охранять переправы от вражеских налетов и прикрыть с воздуха «Малую землю», где находится много советских войск и техники.

В полете видишь, как колонны советских войск, танки и артиллерия двигаются к переправам.

Предстоят ожесточенные сражения. Немцы пытаются остановить наше наступление, столкнуть наши войска в Днепр. Фашистская авиация активизирует свои действия: сюда, к Днепру, немцы подтянули истребителей — «охотников», большое количество пикирующих бомбардировщиков.

Мы надежно прикрываем наши правобережные плацдармы и переправы.

Когда я патрулировал над днепровскими переправами, напряженно следя за воздухом, я часто думал о том, что в великую сечь за освобождение Украины от фашистского ига идут представители всех народов моей многонациональной Отчизны.

Для всех нас, русских, украинцев, грузин, белорусов, казахов, Великая Отечественная война — справедливая война с ненавистным врагом, посягнувшим на свободу и независимость нашей Родины.

Эти мысли и чувства, наступательный порыв, с которым советские войска шли на земле в битву за Днепр, воодушевляли меня.

Веду свою групп>ˆ на прикрытие наземных войск. В воздухе спокойно. На земле, под нами, — бой. Вдруг вижу: на нас сзади, сверху, заходит пара вражеских истребителей — «охотников».

«Охотниками» были отборные фашистские летчики, матерые воздушные волки.

Надо было действовать мгновенно.

Быстро развернулся навстречу им. Но они пронеслись мимо и начали уходить на запад. Что такое? Мои товарищи, не дожидаясь команды, ринулись вдогонку. Ничего не понимаю! Как могли они нарушить дисциплину? Кричу по радио:

— Вернитесь обратно!

Но ответа нет. Ушли.

Я не мог понять, почему мои испытанные ребята, нарушив боевой порядок, оставили войска без прикрытия.

Я уже знал коварную тактику врага. Немецкая пара была, по-видимому, выслана как приманка, чтобы отвлечь и увести в сторону от немецких бомбардировщиков наши самолеты. Мои летчики отлично знали об этой уловке врага. Но не всегда в такой момент сразу все учтешь, сложность и заключается в том, чтобы быстро принять решение. Я так стремительно развернулся на вражеских «охотников», что мои ребята не успели, очевидно, дать себе отчет в обстановке й под влиянием порыва, решив сбить немцев, ушли далеко за линию фронта. А здесь, внизу, наши войска ведут бой, и, быть может, от того, насколько надежно будет прикрытие с воздуха, зависит успех.

Остаюсь один прикрывать порученный моей группе участок. Минуты тянутся удивительно медленно.

Внимательно слежу за воздухом. Жду. Вот-вот появится группа вражеских бомбардировщиков. Удастся ли мне одному отогнать врага? Огненная пелена стелется над землей. Столбы дыма смерчами подымаются вверх.

Смотрю — выше меня, с запада, от горизонта отделяется несколько точек. Я наготове. Вглядываюсь внимательно. Нет, не то! Возвращаются мои товарищи. Я обрадовался — мы сила, когда вместе! Даже перестал сердиться на них. Знаю, как им будет стыдно за свою оплошность. Начал пристраиваться. Я — к ним, а они — от меня. Посмотрел на часы: время, отведенное на прикрытие, истекало, и потому мои летчики спешили на аэродром. Мой самолет они, наверно, приняли за самолет противника.

«Дайте срок, домой прилечу — всыплю вам, голубчики!»

В ту же секунду по радио раздалась команда с земли:

— Соколы, соколы! Юго-западнее Бородаевки противник бомбит войска!

Сколько вражеских бомбардировщиков, охраняют ли их истребители — не сообщалось.

«Эх, хлопцы, хлопцы, поспешили уйти! Как бы хорошо вместе нагрянуть на немцев!» — подумал я. И стало еще досаднее.

В воздухе ни одного нашего истребителя. Мне предстоял неравный бой. Решаю заблаговременно открыть фонарь кабины — аварийно он у меня на самолете не сбрасывался. Если меня подожгут или самолет совершенно потеряет управление, придется прыгать с парашютом к нашим. Но фонарь не открывался — заклинило. Меня охватило неприятное чувство неизвестности и нависшей опасности.

Опять команда с земли:

— Атакуйте!

Передаю по радио, что нахожусь в воздухе один. Получаю короткий и ясный ответ:

— Атакуйте!

Вот они. Подо мной, на высоте шестисот метров, около восемнадцати пикирующих бомбардировщиков противника. Стремительно работает мысль. С высоты трех тысяч пятисот метров вхожу в пике и на большой скорости врезаюсь в строй вражеских самолетов.

Чувство одиночества, охватившее меня минуту назад, исчезает. Я не один! Внизу мои боевые товарищи — пехотинцы, артиллеристы, танкисты. На расстоянии нескольких тысяч метров я как бы чувствую их «локоть». Знаю: они с надеждой смотрят на меня, летчика-истребителя.

Сознание воинского долга удесятеряет силы. Вихрем проношусь над врагом. Немецкие стрелки открыли огонь. В мою сторону летят огненные трассы. Волчком верчусь в воздухе. Появляюсь то тут, то там, то вверху, то внизу, и это, видимо, ошеломляет немцев. Маневрами, неожиданными для противника,

поворотливостью, точностью и быстротой движений мне удается вызвать у врага смятение. Фашистские летчики, очевидно, решили, что я не один. Вражеские стрелки ведут огонь, а я маячу то над ними, то под ними.

Так стремительно я, кажется, еще никогда не действовал. Мотор на все лады поет свою боевую песню. И я по одному звуку знаю, что самолет точно и послушно работает вместе со мной. «А ну еще, друг, а ну еще! Выжмем из себя все, что возможно!» — говорю я своей машине.

Самолеты противника построились в оборонительный круг. Надо его разбить. Прошло всего пять минут, но какими длинными показались они мне! Беспокоило, что кончается горючее. Вражеские истребители меня не атакуют. Но все же я начеку. Ищу глазами наши истребители, но тщетно: прикрытия нет. Надо действовать молниеносно и самостоятельно.

Откалываю один самолет противника. Открываю по нему огонь в упор. Самолет, охваченный пламенем, идет к земле. Остальные бомбардировщики пускаются наутек, беспорядочно отстреливаясь. Пучок трассирующих пуль несется мимо меня.

Горючее уже совсем иссякает. Я «отвернулся» от уходящих бомбардировщиков и на бреющем полете выскочил к себе на аэродром. Знаю, что меня уже не ждут. Возможно, оплакивают. Время, отведенное для патрулирования, давно истекло.

Вижу — внизу у землянки стоят летчики и смотрят вверх. Товарищи заметили мой самолет. Встречают. Окидываю взглядом стоянки самолетов моей эскадрильи — все ли машины на месте. Все здесь, дома. На душе становится легче. Нельзя терять ни секунды! Быстро иду на посадку. Приземляюсь. В конце пробега остановился мотор. Запас бензина кончился.

Такой полет у нас назывался полетом «впритирку». Я часто летал так, точно рассчитывая время и запас бензина. На этот раз мотор остановился раньше, чем обычно. Но остановись он несколько раньше — я бы, возможно, не дотянул до аэродрома, и посадка была бы гораздо сложнее, быть может, не удалось бы спасти самолет.

Вылезаю из кабины. Летчики моей эскадрильи стоят навытяжку и молчат. Лица у них растерянные, пристыженные.

Я снял шлем. Помолчал, сдерживая себя, и потом медленно и негромко сказал:

— Где же это видано, чтобы без приказа командира отрываться от группы? За сбитым погнались и войска оставили без прикрытия. Командира бросили. Позор!

Вперед шагнул мой заместитель Паша Брызгалов.

— Разрешите доложить, товарищ командир? — говорит он и

умоляюще смотрит на меня. — Вы знаете, что у Гопкало машина — копия вашей…

Смотрю на Гопкало — он уставился в землю и покраснел так, что даже уши у него горят.

— Гопкало увидел, что немецкие истребители уходят. Увлекся, вырвался из строя и погнался за ними, а мы спутали его самолет с вашим и пошли вслед. Когда возвращались, приняли вас за противника, спешили домой и проскочили мимо. Все, товарищ командир.

— А куда же ты, Мухин, смотрел?

— Да этот раз я тоже не уследил за вами, — отвечает Мухин виновато.

Подзываю Гопкало. Он краснеет еще сильнее, и мне становится его жалко. Но я сухо и резко говорю ему:

— Знаю вашу горячность и стремление сбить вражеский самолет, но действовать надо своевременно и разумно. Запомните: сначала взвесь, потом дерзай. Вздумаете еще путать строй — больше с собой никогда не возьму. Поняли?

— Понял, товарищ командир. Клянусь вам, больше этого не будет!

Мне жаль ребят — представляю, что они пережили, поняв ошибку. Хочется рассказать им о бое, но я бросаю официально:

— Можете быть свободными, товарищи лейтенанты.

Они переглядываются и расходятся, понурив головы. Иду на КП и думаю о том, что все предвидеть в воздухе невозможно, нужно учиться на каждой своей и чужой ошибке.

Несколько дней Гопкало ходил сам не свой, даже осунулся. Но урок пошел ему на пользу. Это чувствовалось по его поведению и на земле и в воздухе.

34. В ожесточенных схватках

Мы вылетаем по нескольку раз в день. Механики иногда даже не успевают подробно осмотреть машину между вылетами. Они работают круглосуточно.

Разгорается ожесточенное воздушное сражение. В бой вступают почти все истребители нашего фронта.

В воздухе знакомимся, не видя друг друга, и расстаемся, так и не узнав фамилии товарища, с которым крыло к крылу охранял наземные войска.

4 октября 1943 года, после короткого боя, я погнался за «юнкерсом» и сбил его на вражеской территории. Смотрю, выше меня кружит «Як», а к нему пристраивается «мессершмитт».

— «Як»! «Як»! Сзади «мессер»!

«Мессершмитт» вот-вот откроет огонь. Выжимаю последнее, что могу, из своего самолета и сзади, снизу, прошиваю «мессершмитт» длинной очередью. Он падает вниз. «Як» пристроился ко мне и качает крыльями, приветствуя: «Спасибо, товарищ, спас меня!»

Мы разлетаемся в разные стороны.

Почти каждый вылет завершается напряженным воздушным боем. Идет ожесточенная воздушная битва в районе переправ и плацдарма, занятого нашими войсками на западном берегу Днепра.

За десять дней боев я сбил одиннадцать вражеских самолетов, настолько велик был боевой подъем.

Немцы хотели во что бы то ни стало оттеснить наши войска с западного берега Днепра. На земле все их планы разбила советская пехота, танки, артиллерия, а в воздухе — сталинская авиация.

33. «Рама»

Погода начинает портиться. Метеорологическая обстановка не способствует действиям авиации. Много думаю об освоении полетов на любых высотах, вплоть до бреющего.

…Раннее пасмурное утро. Веду группу в составе шести самолетов на боевое задание. Облака прижимают нас к земле, и мы летим на низкой высоте. Нам прекрасно видны немцы, сидящие в окопах.

Мы над линией фронта. Осматриваюсь вокруг. Вражеские зенитки не стреляют. Но я по опыту знаю: когда они молчат, значит, немцы ждут подходящего момента, чтобы застать нас врасплох. Я предпочитал, чтобы они стреляли: можно было бы маневрировать.

Вижу, к линии фронта, под облаками, прямо на нас вдет самолет На фронтовом языке он назывался «рамой» — это немецкий разведчик и корректировщик артиллерийского огня. Его экипаж — три-четыре человека. По очертаниям он напоминает раму.

Зная подвижность «рамы», я решил атаковать ее в паре с Мухиным. Иначе можно ее упустить: пока будешь передавать летчикам группы — она уйдет в облака. Четверка самолетов моей группы зорко охраняет наземные войска, а я под прикрытием ведомого отхожу в сторонку, делаю вид, что не замечаю «раму», а потом, резко развернувшись, с ходу открываю огонь. «Рама»

начала быстро снижаться. Кричу ведомому:

— Вася, бей ее!

Мухин «насел» на вражескую машину и «клюет» ее. «Рама» перешла в пике. Ее стрелок продолжает отстреливаться. Это предсмертные судороги. Вражеский самолет врезался в землю на своих же позициях. Вот тогда-то заработали немецкие зенитки. Слева мимо меня проносятся снаряды. Резким движением бросаю самолет в сторону. К гулу мотора примешивается звук, похожий на звук лопнувшей туго натянутой струны. У меня в крыле пробоина.

В минуту опасности мысль работает быстро. Я рассчитал: только через пятнадцать минут истечет время, отведенное мне командованием для патрулирования. Надо продержаться. Кричу по радио Мухину:

— Вася, все в порядке!

Слежу за воздухом и за «дыханием» своего «Ла-5». В сотый раз с благодарностью думаю о создателях выносливой, надежной машины.

Четверть часа прошло. Мы выполнили свой долг. Нас сменяют другие товарищи. Противник не появляется. И мы всей шестеркой возвращаемся домой.

На аэродроме я решил детально разобрать бой своей пары. Полет на бреющем, на небольших высотах, в тяжелых метеорологических условиях тогда применялся еще не так часто, особенно группой. Объясняю летчикам, что в такой сложной обстановке надо действовать исключительно четко, спаянно и бдительно. В этих условиях внезапное появление противника более вероятно, чем когда-либо. Одновременно надо следить за тем, чтобы не «врезаться» в землю, и надо умело провести противозенитный маневр.

Этот вылет был для меня как бы началом широкого применения боя на низких высотах.

36. Учимся мастерству

Многое мне дают разборы полетов, которые проводит командир части. Я внимательно слушаю, как мои однополчане противопоставляют тактике врага свою боевую тактику, делаю выводы, заношу в блокнот схемы наиболее поучительных атак. Накопляется опыт, растет умение.

Мастерству учишься не только у испытанных летчиков, но и у молодежи. Было чему поучиться, например, у Паши Брызгалова. Он отлично пилотировал. Когда мы вылетали группами, Паша

почти всегда дрался с немецкими истребителями. Но по неопытности он порой бывал самоуверен и беспечен в воздухе.

Мастерски и отважно действовал в бою Кирилл Евстигнеев. Но мне еще ни разу не доводилось вылетать с ним вместе. Обычно бывало так, что наши группы сменяли друг друга. И вот в один из октябрьских дней 1943 года мы вылетели с ним восьмеркой: Кирилл с четверкой и я с четверкой. Перед нами поставили задачу: прикрыть с воздуха наземные войска в районе плацдарма на западном берегу Днепра. На линии фронта разгорелся бой — мы навязали его противнику — с двенадцатью «мессер-шмиттами». Враг быстро потерял преимущество в высоте. Через несколько минут один «мессершмитт» полетел вниз — я. его сбил, открыв по нему огонь в упор. Смотрю — Кирилл сбил другого.

Противник хочет удрать. Но мы его не пускаем, наседаем со всех сторон. Наши летчики, организованно, слаженно и умело взаимодействуя парами, атакуют врага.

Кричу по радио летчикам своей группы: — Бей, орлы!.. Так их!..

Я знаю по своему опыту, как эта краткая команда подбадривает.

Еще один немец сбит Брызгаловым. Бой продолжается тридцать минут. Гитлеровцы, потеряв три самолета и не выдержав напора, уходят на запад, не сбив ни одного самолета.

Наша восьмерка получила благодарность от командования.

37. На горящем самолете

Противник продолжал подтягивать силы к Днепру. Немцы надеялись задержать нас на этом естественном оборонительном рубеже. Но советские наземные войска расширяли плацдармы на западном берегу Днепра. Наши истребители прикрывали их и отважно атаковали воздушного врага, заставляя его уходить с поля боя. Наши штурмовики и бомбардировщики громили с воздуха живую силу и технику противника.

Напряжение боев нарастало. Особенно мне запомнился день 12 октября 1943 года. Со своей группой я уже сделал несколько вылетов. Провел два трудных воздушных боя и сбил в этот день два вражеских самолета. Только собрался отдохнуть, как снова получил приказ с группой подняться в воздух.

Мы полетели на прикрытие переправ через Днепр.

В наушниках шлемофонов то и дело звучит команда: «Преследуйте, бейте врага!» Вдали показалась группа

пикирующих бомбардировщиков. Врезаемся в их строй и нарушаем боевой порядок немцев.

Один фашистский пикирующий бомбардировщик снижается и, маскируясь на фоне местности, пытается улизнуть. Я — за ним. Быстро сокращается расстояние между нами. Иду прямо на стрелка.

Пулеметные трассы проносятся мимо меня. С близкой дистанции открываю огонь. Длинная очередь — и бомбардировщик вспыхивает. Но я чувствую — с моим самолетом что-то неладно. Взмываю и вижу: с правой стороны из бензобака выбивается огненная струя: бензобак пробит. Что делать? Быстро отстегнул ремни. Хотел было выпрыгнуть с парашютом, но вспомнил, что внизу — территория врага. Я нахожусь в двадцати километрах от своих. Прыгать к немцам? Попасть в плен? Нет!

Что же предпринять? В голове проносится множество мыслей, расчетов. Вспомнил Гастелло. Последую его примеру! Решение найдено. Но борьбы с пламенем не прекращаю. Переложил самолет в скольжение на крыло. Молниеносно, ничего не упуская, осмотрел землю. Надо найти объект. Подо мной несколько домишек — там немцы. В стороне — шапки разрывов: бьют вражеские зенитки. Медлить нельзя. Но цель все еще не выбрана. Осматриваю воздушное пространство и вижу: навстречу мне от линии фронта ползет «мессершмитт». Кто-то из наших крепко подбил его: снаряд, видимо, попал в бак. Дым тянется вслед за «мессершмит-том». Он прошел мимо. Ему не до меня, но и на крыле моего самолета пламя. Немецкие солдаты высыпали из домов. Снаряды зениток разрываются по-прежнему в стороне. Решение принято: направляю самолет на толпу фрицев. И вдруг произошло то, чего я меньше всего ожидал: у самой земли мощный поток воздуха сорвал пламя с крыла. В какую-то долю секунды принимаю новое решение и проношусь прямо над головами оторопевших немцев, чуть не задевая их винтом.

Немцы спохватились и открыли огонь. Прижимаюсь к земле — огненные трассы проносятся выше меня. Я ускользнул от них. И вдруг до моего сознания дошло: пламя сорвано, но если в бензобаке скопятся газы, то самолет взорвется. Еще несколько минут назад я спокойно шел навстречу смерти, но сейчас, после неожиданного спасения, не хотелось бессмысленно гибнуть. Продолжаю лететь на бреющем. Вот и родной Днепр. Мельком взглянул на его волны.

Здесь уже свои. Наконец внизу показался наш аэродром. Радостное чувство избавления переполнило меня. Но, строго придерживаясь правила — не рассеивать внимание до посадки, всеми силами стараюсь посадить самолет так, чтобы избежать

взрыва. Машина касается земли, и я заворачиваю на стоянку.

Открываю фонарь и быстро выскакиваю из кабины — хочется скорее посмотреть, что с бензобаком. Навстречу бегут Мухин, Брызгалов, Иванов. Товарищи окружили меня, дружески обнимают.

— Очень беспокоились за тебя… Да как ты не сгорел! Как сбил пламя?

И я, забыв об усталости, рассказываю.

Многому научил меня этот полет. На войне нельзя опускать руки. Даже идя навстречу смерти, ищи оружие для победы. Нельзя ни на секунду прекращать борьбу за нее! Большевики никогда не сдаются без боя, никогда не теряют надежды на победу. Такой вывод сделал я из этого боя.

38. Школа боев

Впереди нас ждали большие испытания. С каждым днем, приближавшим нас к победе, враг становился коварнее, шел на всевозможные ухищрения. Гитлеровцы прилагали все усилия, чтобы перехватить у наших летчиков инициативу и усилить свой воздушный флот. В частности, стали появляться новые, улучшенные типы «мессершмиттов» и «фок-ке-вульфов». В модернизованных истребителях немцы усилили броню, увеличили число пушек и их калибр. Изменились и летно-тактические качества новейших немецких истребителей: повысились их скорость, маневренность.

Но наши советские конструкторы Яковлев и Лавочкин опережали немецких конструкторов, давая фронту все более и более совершенные машины. Изменения в технике влияли на тактические приемы ведения воздушного боя. А это требовало от нас еще более внимательного, еще более вдумчивого и правильного их применения. Шаблон был недопустим, и мы упорно совершенствовались.

Каждый бой был для меня школой и в то же время проверкой наших летных качеств — моих и летчиков моей эскадрильи. Я внимательно следил за тактикой врага, стараясь не упустить ни одного нового тактического приема, использованного немецкими летчиками на нашем участке фронта.

…Войска нашего фронта снова переходят в наступление. Немцы несут большие потери. Советские воины 19 октября 1943 года освобождают Пятихатку.

Мы перебазируемся на один из полевых аэродромов в районе Пятихатки. Там враг оставил значительные трофеи.

Итак, наша авиационная часть уже на Правобережной Украине!

Здесь во время первого же боевого вылета я встретился с двумя истребителями противника. Они шли на меня в лоб с небольшим преимуществом в высоте. Идти прямо на них? Не успел я принять решение, как мимо меня пролетела трасса. Что-то треснуло, самолет качнуло: снаряд прошел сантиметра на два выше головы. Радио перестало работать, управление рулем поворота перебило.

«Удачно начал день, нечего сказать!» — подумал я с досадой. И сделал вывод: на лобовых нельзя упускать ни секунды. Нужно ловить врага как можно скорее в прицел и прицельный огонь непременно открывать первым.

Пришлось вернуться домой. Я был очень недоволен собою.

Мой самолет поставлен на ремонт. И в тот же день я вылетаю на другой машине. Веду на задание четверку. Внезапно со стороны солнца появились два самолета противника. Им удалось вывести из строя машины Мухина и Колесникова. Оба они передали мне по радио, что уходят домой. Молодой летчик Жигуленко, ведомый Колесникова, тоже попросил разрешения пойти с ними, но я приказал ему не уходить — предстоял жаркий бой. Немцы начали заворачивать на меня. В этот момент Жигуленко передал по радио, что у него не работают пушки. Я ответил:

— Все равно держись, не уходи.

Принимаю бой. Двадцать минут гоняются за мной немецкие самолеты. Я проделываю в небе замысловатые фигуры. Наконец взмываю, описываю в воздухе необычайно сложную фигуру и неожиданно для фашистов захожу в хвост их самолетов.

А Жигуленко вертится в стороне ниже меня — он отвлекает внимание врага.

Фашисты рванули вверх. Дистанция для стрельбы была слишком большой. Я со злостью погрозил им кулаком.

Горючее кончалось, и мы с Жигуленко пошли домой.

Объективно разобрав этот бой, я заключил, что, во-первых, неплохо овладел самолетом; во-вторых, что сипа и физическая подготовка — очень важные факторы в бою; в-третьих — и это главное, — я был бы, вероятно, сбит, если бы решил уклониться от боя. Моя тактика оказалась правильной.

39. Один из боевых дней

По-прежнему находимся на Малой земле. Немцы усилили

активность под Кривым Рогом, бросив туда большое количество танков и авиации, предприняли контратаки. На аэродроме закипела горячая, напряженная боевая работа. Но нам стала мешать осенняя погода: низкая облачность, туманы.

В пасмурное октябрьское утро мы втроем — Паша Брызгалов, Вася Мухин и я — пошли в столовую. Предполагалось, что вылетов не будет.

Мы сидели и ждали завтрака, рассуждая о вчерашних боях и сегодняшней скверной погоде.

Вдруг — ракета! Вылет!

Мы бросились к самолетам. Я получил приказ вылететь в паре с Мухиным. Взлетаем тотчас же.

Набираем высоту четыре тысячи пятьсот метров. Облачность исчезла. Надо мной — ясное синее небо. В воздухе тихо. А внизу, северо-западнее Кривого Рога, — горячий бой. Слышу, по радио передают с земли:

— Соколы, соколы! Севернее Кривого Рога на высоте пятисот метров противник бомбит наши войска…

Подав команду Мухину, стремительно веду самолет навстречу вражеским бомбардировщикам «Ю-87». Их около тридцати — целый рой. Вижу столбы дыма, взрывы на земле. В воздухе появились восемь немецких истребителей. Направляюсь к бомбардировщикам. Решаю применить тот же метод, который помог мне на Днепре, когда я остался один в воздухе. Но тогда не было вражеских истребителей сверху. Зато сейчас я не один, у меня надежный «щит» — испытанный ведомый. И я, подав команду «Атакуем!», врезаюсь в строй «юнкерсов». Неожиданность ошеломила немцев, и они даже стали строиться в оборонительный круг. Но, очевидно, получив команду с земли продолжать выполнять задание, так как нас, советских истребителей, мало, некоторые немецкие летчики начали готовиться к атаке наших наземных войск. Мгновенно оценив обстановку, принимаю решение атаковать один из «юнкерсов» и постараться сбить. Я по опыту знал, как это действует на психику фашистских летчиков: сбив одного, сбиваешь спесь со всех остальных.

Вражеские истребители заметались, но найти нас не могут — мы растворились в группе пикирующих бомбардировщиков.

«Наваливаюсь» на немецкий самолет, не успевший перейти в пикирование. Открываю огонь. «Юнкерс-87» вспыхивает и идет к земле. Мой расчет правилен: остальные со снижением ушли на запад. Мы за ними не погнались — на нас «насели» восемь истребителей. Вспоминаю случай под Рога-нью: тогда мы также остались вдвоем, а их было еще больше, чем сейчас. Кричу

Мухину:

— Вася, держись, будь внимательнее!

Отбивая атаки, переходим на бреющий полет. Немцы от нас «отвалили», и мы вскоре благополучно приземлились у себя на аэродроме. Несмотря на полную неожиданность вылета, мы выполнили задание и атаковали врага, во много раз превосходившего нас численностью. Выиграть этот бой нам помогли спаянность, умение повести внезапную, дерзкую атаку.

Часа через два погода улучшилась. Я опять получил задание: с группой в шесть самолетов прикрыть наземные войска в районе Кривого Рога.

Взлетели. Набрали высоту до трех тысяч пятисот метров. При подходе к объекту прикрытия наземная радиостанция навела нас на группу «хейнкелей». Их было двенадцать. Они летели без прикрытия истребителей и углубились на нашу территорию. Нам приказали атаковать их. «Хейнкели» шли сомкнутым боевым порядком в кильватере звеньев на высоте пяти тысяч метров. А мы набрали высоту пять тысяч пятьсот метров.

Зная мощное вооружение «Хейнкелей-111», я решил атаковать их с разных направлений — всей группой одновременно, чтобы расстроить боевой порядок вражеских самолетов. Подаю команду:

— Паре Брызгалова атаковать заднее звено. Я с четверкой атакую ведущее.

Летчики моей группы стремительно атакуют врага.

Немцы приняли еще более плотный боевой порядок. Я начал атаковывать ведущее звено сбоку, под большим углом. По моему самолету открыли огонь с других звеньев, шедших вслед за ведущим. Огонь заставил меня отвернуть. Нет, не допущу врага!.. И я тут же заворачиваю обратно.

Я не знал, куда собираются лететь «хейнкели», но по всему было видно, что гитлеровцы намерены бомбить какой-то объект, может быть, даже наш аэродром.

«Куда они идут, гады?»

И, словно отвечая на мой вопрос, ведущий вражеской группы поворачивает к населенному пункту, туда, где, по моим сведениям, находился штаб армии. Надо во что бы то ни стало сорвать налет врага! Стремительно захожу в хвост «Хейнкеля-111» и открываю огонь.

Одновременно Паша Брызгалов атакует заднее звено. С плоскости самолета ведущего, в которого я стрелял, начали отваливаться куски. Стрелок молчит. Подлетаю вплотную к «хейнкелю». Самолет врага заваливается на левое крыло, и с него в чистое поле сыплются бомбы. Он идет вниз.

Я оглянулся — и вовремя. Немцы пытаются расстрелять мой самолет. Быстро отворачиваю в сторону и командую:

— Орлы, бей их!

Брызгалов стремительно атакует «хейнкель», идущий сзади слева, и сбивает его.

Немцы, не выдержав напряжения, сбросили бомбы куда попало и стали в беспорядке уходить.

Мы без потерь вернулись домой.

На разборе полетов я отметил, что вся группа действовала точно и слаженно. Поэтому задание — «завалить голову», деморализовать врага — было выполнено.

Вечером из штаба наземного соединения сообщили, что экипажи вражеских самолетов, сбитых Брызгаловым и мною, взяты в плен. Немцев захватили колхозницы. Дело было так. Фашистские вояки спустились на нашу территорию на парашютах. Колхозницы, наблюдавшие за боем и за тем, как немцы прыгали, сбежались к месту их приземления. Они окружили фашистов, и те сразу сдались в плен. Наши женщины привели их в штаб.

Так закончили свою карьеру экипажи фашистских самолетов.

40. Встречаю Октябрь на фронте

Через несколько дней, в первых числах ноября 1943 года, наша часть была отправлена на Большую землю на отдых. Нам этот отдых казался совсем ненужным. Но таков был приказ. Предстояли горячие бои, и нужно было набраться сил.

Скрепя сердце мы расположились на недавно еще фронтовом, а теперь уже тыловом аэродроме на левом берегу Днепра.

Отдых был своеобразный. Мы не летали на боевые задания, зато много занимались. Надо было повышать и совершенствовать свое боевое мастерство: чем больше приобретали мы опыта, тем становились требовательнее к себе. В эти дни летчики много читали, слушали беседы агитаторов, выпускали стенные газеты.

Большую идейно-воспитательную работу среди летчиков нашей части вел парторг Беляев. Он чем-то напоминал мне моего первого комсомольского руководителя в техникуме — Мацуя. Парторг уделял особенно много внимания укреплению дружбы летчиков в бою и на земле, укреплению наших моральных качеств.

В перерывах между боевыми вылетами он часто выступал с лекциями и докладами. Был он хорошим оратором. Горячо, увлекательно говорил о нашей большевистской партии —

организаторе и вдохновителе борьбы и побед советского народа; рассказывал о героическом труде советских людей в тылу; на примере отличившихся советских воинов воспитывал в нас мужество и отвагу. Он умел связать будничные задачи нашего полка с обстановкой в стране и на всем фронте. Похвалив кого-нибудь, он спешил добавить:

— Но помните: главное — не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутом.

Беляев часто поручал кому-нибудь из нас выступить с докладом или провести беседу с молодыми летчиками и техниками. Беседы по обмену опытом с молодыми летчиками, которые рвутся в бой, но еще не имеют опыта, играли большую воспитательную роль и вводили молодежь в настоящую боевую работу. И я тщательно готовился к таким беседам. Советовался с Беляевым о том, какие вопросы, по его мнению, нужно осветить. Теперь, окрепнув в боях, я нередко вспоминал, как волновался, проводя впервые беседу о боевой дружбе и взаимопомощи в бою.

Политические беседы, которые я проводил в полку, дали мне очень много. Мой кругозор расширялся, я все больше и больше понимал, как велика сила идейной закалки, к чему обязывает сознание, что ты не просто летчик, а летчик-большевик

Летчики-коммунисты никогда не боялись выступить с резкой критикой товарища, с которым дружили, и это укрепляло нашу спайку. Вместе обсуждая поведение друг друга, получив указание товарищей, легче выправить допущенную ошибку.

Наши летчики высоко ставят чувство товарищества, и тем не менее они не боятся резко и остро критиковать нерадивого, недисциплинированного, зазнавшегося, всех тех, кто позорит нашу дружную фронтовую семью.

Наши партийные собрания проходили в суровой фронтовой обстановке, нередко на лицах летчиков еще сохранялся отпечаток пережитого в бою.

Партийные собрания были большой школой политического воспитания. Мы знали, что каждый летчик отвечает за свои действия. Но мы, члены партии, чувствовали себя ответственными за поведение каждого однополчанина и со всей строгостью относились к себе, зная, что нас равняются беспартийные товарищи.

Парторг часто беседовал с нами об этом, о ведущей роли коммунистов в бою.

Вся работа нашей партийной организации была подчинена одной цели — достижению победы над врагом.

6 ноября, в канун праздника, я собрал летчиков и техников эскадрильи в землянке на аэродроме. Партийная организация

поручила мне сделать доклад.

Наши походные лампы, мигая, освещали сосредоточенные лица моих боевых товарищей. Было тепло — топилась печь.

Я сделал доклад о двадцать шестой годовщине Великого Октября.

Вспомнил недавние бои над днепровскими переправами. Летчики слушали внимательно. Вдруг дверь отворилась, и в землянку вошли начальник политотдела, заместитель командира по политчасти, парторг и комсорг.

Я, как полагается, рапортовал полковнику, что делаю доклад. Он ответил: «Отлично, продолжайте!» — и, разрешив летчикам сесть, сам сел у печки.

Когда я кончил, он подошел ко мне, пожал руку и, улыбаясь, словно лично у него произошло что-то хорошее, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, ЦК ВЛКСМ награждает вас, воспитанника Ленинского комсомола, почетной грамотой за боевую деятельность и двадцать шесть лично сбитых самолетов врага.

И, поздравив меня, полковник прочел текст грамоты.

Комсорг, крепко пожимая мне руку, говорил о том, что завтра надо непременно организовать комсомольский вечер, чтобы я рассказал молодежи о своем боевом пути. Как я ни был взволнован, но невольно улыбнулся словам комсорга: рассказать молодежи о своем боевом пути! Словно я уже старик И мне вспомнилось, как в этот день, ровно год назад, я подъезжал к Москве и рвался на фронт, мечтая сбить хотя бы один вражеский самолет.

Почетная грамота ЦК ВЛКСМ определила новый этап в моей боевой жизни: получив грамоту, я дал обязательство еще более настойчиво совершенствовать свои боевые качества.

В день праздника мы узнали, что 6 ноября на рассвете нашими войсками освобожден Киев.

И русские Евстигнеев, Амелин, и белорус Мухин, и я, украинец, — все мы, члены одной боевой семьи, с огромной радостью узнали об освобождении столицы Советской Украины. Сила дружбы советских народов — могучая сила. И мы особенно ощутили это в день двадцать шестой годовщины Октября, читая слова доклада товарища Сталина: «Дружба народов выдержала все трудности и испытания войны и еще больше закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков».

Доклад и приказ вождя, как всегда, содержали глубокий анализ военных операций, проведенных Советской Армией, вдохновляли на героические подвиги во славу Родины.

В своем приказе товарищ Сталин предупреждал, что предстоит еще упорная борьба и что было бы опасно предаться благодушию, самоуспокоенности.

41. Гибель Подорожного. Новый командир

Через несколько дней мы перелетели ближе к правому флангу наших войск, к Днепру. Наши войска вели наступление в районе Кировограда.

На фронтах разворачивались большие события. Задача, поставленная Верховным Главнокомандующим перед Украинскими фронтами — очистить от врага Правобережную Украину, — успешно выполнялась. Наши войска продвигались к западным границам СССР. Мы с нетерпением ждали перелета на правый берег Днепра, на аэродром в районе Кременчуга. Но нас задерживала погода.

Наконец наш командир Подорожный и штурман части полетели в разведку погоды в районе нового аэродрома, на правый берег Днепра. Нам сообщили, что там стоит сильный туман, и мы с беспокойством ждали их возвращения.

Скоро на аэродроме приземлился самолет — это вернулся штурман. Мы окружили его, спрашивая с тревогой:

— А где же командир?

— Я его потерял в тумане, — мрачно ответил штурман.

Мы собрались на КП и долго ждали командира, хотя время уже давно истекло.

Нас известили, что Подорожный разбился, пролетая в тумане над поселком на правом берегу Днепра.

Мы сидели молча, подавленные гибелью командира. Первым, словно раздумывая вслух, заговорил Семенов:

— Подорожный принял неверное решение: в такой трудной метеорологической обстановке переоценил свой опыт. Это тяжелый урок для нас всех.

Было очень жаль нашего молодого, способного и храброго командира.

…Нашу часть должен был принять майор Ольховский. Он еще не прибыл в полк, но о нем уже все известно. Новый командир — образованный летчик, успешно окончил Военную академию. Он сбил несколько немецких самолетов.

Ольховский прилетел утром. Мы выстроились на аэродроме. Мне сразу понравилась его манера говорить — просто, спокойно и с достоинством. У него высокий и широкий лоб, волевое лицо. На вид ему лет за тридцать. Его первая речь, обращенная к нам,

была очень коротка:

— Нам предстоят большие и серьезные испытания. Отдыхать не придется. Боевая деятельность начнется с завтрашнего дня.

Перелетев на Правобережную Украину, на аэродром в районе Кременчуга, мы с почестями похоронили останки командира Подорожного.

Начались боевые будни. Мы сопровождали бомбардировщики, летавшие бомбить окруженные немецкие части в районе Кировограда. Я летал на задания в район Чигирина — место, знакомое мне по «Кобзарю»: там некогда дрались с иноземными захватчиками запорожские казаки.

Выпал снег. Было промозгло, холодно. Подолгу стояли туманы. И все же боевая деятельность не прекращалась.

42. Никитин вернулся

В канун нового, 1944 года, через несколько дней после нашего перелета, я только что возвратился с боевого задания — сопровождал бомбардировщики к Кировограду. Вылез из самолета и, увидев сияющее лицо Иванова, понял, что моему механику не терпится сообщить мне какую-то радостную весть. Он не успел сказать «Миша Никитин», как я заметил, что ко мне, по обыкновению размахивая руками, спешит мой «шалопут». Мы уже давно считали его пропавшим без вести.

Никитин подошел, доложил по всем правилам, а я, не дослушав, обнял его, и мы чуть не задушили друг друга.

— Ну хорошо, успокойся, Михаил, — сказал я. — Цел и невредим, да? Как твое здоровье, где был?.. Дай я на тебя посмотрю… Почти не изменился. Правда, похудел, но зато возмужал.

Нас обступили летчики. Никитина забросали вопросами.

Паша Брызгалов радовался больше всех — вернулся его закадычный друг!

Мы пошли в землянку. Усевшись вокруг топившейся печки, грели озябшие руки. Миша сел против меня и начал свой рассказ. Говорил он быстро, нервно жестикулируя, проглатывая слова от волнения.

— …Когда мы полетели с разведчиком, товарищ командир, я погорячился и допустил непростительную ошибку: увлекся, хотел увеличить счет сбитых самолетов и поплатился — не заметил, как сбили меня.

Очнулся я на земле. Открыл глаза — надо мной в стороне идет воздушный бой. Хотел встать — от боли упал. Только тут

сообразил, что нахожусь на вражеской территории. Не могу передать, как было тяжко!

Я лежал среди обломков самолета. Ощупал себя — оказалось, отделался одними ушибами. С трудом поднялся. Решил во что бы то ни стало прорваться к своим. Уничтожил документы. Пошел в лес. Идти было больно, приходилось ползти. Голова кружилась, мутило. Я потерял сознание и, когда очнулся, увидел немцев.

Казалось, что мне снится дурной сон. Я попал в Днепропетровск, в лагерь для военнопленных. Как издевались над нами проклятые фрицы! Один рыжий плюгавый немец особенно донимал меня. Голод был не так мучителен, как унижение. Нас били. Я с трудом сдерживал себя, чтобы не избить рыжего фашиста — его гнусная, злорадная физиономия доводила меня до бешенства. Я сдерживался, потому что знал: нужно сделать все, чтобы вернуться в свою боевую семью.

Нам заявили, что нас расстреляют. И не это меня мучило. Мучило, что не смогу отомстить. Я все время думал о всех вас, об отце, матери. Приходила мысль о самоубийстве. Но я решил вырваться из позорного плена.

Сговорился с товарищами о побеге, но первая попытка не удалась. Не удалась и вторая: охрана была усилена. Нас по-прежнему морили голодом.

Неожиданно нас куда-то повезли. Оказалось — в Проскуров. И вот по дороге наконец удалось устроить побег. Ночью на полном ходу мы спрыгнули с поезда. Сам не понимаю, откуда взялись силы!

Вдоль пути шел лес. Мы побежали туда. Нас остановили партизаны. Я плакал от счастья… мне в этом не стыдно сознаться. Несколько дней пролежал у партизан в землянке. За мной и товарищами по побегу ухаживали, подлечили нас. Я быстро окреп и стал участвовать в боях. Мои новые друзья были замечательные люди, горячие патриоты, но я всей душой стремился к вам, в родную часть, к летной деятельности. И однажды командир сказал мне: «Жаль нам отпускать тебя, но твое место там, среди летчиков-истребителей». Я не знал, как благодарить командира… Меня на самолете доставили на нашу территорию. И вот я дома…

Миша залпом выпил кружку воды. Несколько секунд мы молчали.

Раздался сигнал на вылет. Все вскочили. У Никитина загорелись глаза, он умоляюще посмотрел на меня. Я подошел к нему:

— Летать, Миша, не разучился? Сегодня отдыхай, а завтра полетишь.

И на следующий день моя дружная шестерка летит на боевое

задание. Полетел и Никитин. Он отважно навязывал бой врагу. Я любовался его действиями и иногда покрикивал:

— Миша, не горячись, спокойнее!..

43. Бои на бреющем полете

8 января войсками нашего 2-го Украинского фронта был освобожден Кировоград. Войска фронта продолжали наступление из района севернее Кировограда, а войска 1 — го Украинского фронта — из района южнее Белой Церкви. Наземные армии стремительно продвигались вперед. Нам обидно: мы, авиаторы, отстаем от пехоты. Непогода мешает действовать активно. Зима вступила в свои права: снегопады, пурга, туманы.

Линия фронта, когда на нее смотришь сверху, выделяется на снежном фоне черной полосой, словно ее вспахали артиллерийские снаряды и авиационные бомбы. Высота снежных облаков сто — сто пятьдесят метров. Такие облака не пробьешь. Раньше приходилось вступать в бой на высоте пятисот-шестисот метров. И то это было сложно. Но бой надо вести при любых неблагоприятных метеорологических условиях. Требовалось еще более напряженное внимание, чем во время боев на Днепре, которые я проводил на низкой высоте.

Еще в конце ноября я пришел к мысли вести бой на бреющем полете.

Самолет трудно пилотировать на небольшой высоте, трудно распределять внимание в воздухе: ориентироваться, вести бой и одновременно следить, как бы не врезаться в землю, — надо контролировать каждое свое действие и соразмерять движения. В то же время враг ведет бешеный зенитный огонь. Необходимо владеть безукоризненной техникой пилотирования, чтобы искать врага на бреющем, маскируясь на фоне местности.

Я сам учился и учил летчиков моей эскадрильи сложному пилотажу на такой высоте. Как только враг показывался из-под кромки облаков, мы неожиданно появлялись снизу, словно отделялись от земли, и наносили немецким самолетам стремительный, внезапный удар в «брюхо». Противник терялся. Мы летели так низко, что иной раз чуть не сшибали макушки деревьев. Этот тактический прием был для немцев неожиданностью.

Разборы полетов проводил Ольховский; на них присутствовали все летчики. После нескольких боев нашей группы на бреющем командир полка сказал:

— Совершенствуйте этот способ ведения боя, он дает

неплохие результаты.

Поощрение командира обрадовало нас. Вспомнились дни боев на Курской дуге, когда мы осваивали сложное построение пар по высоте, знаменитую кубанскую «этажерку» — прием, впервые широко использованный советскими летчиками во время воздушных боев на Кубани. Теперь для нас это уже пройденный этап. Мы научились действовать слаженно, четко, понимать друг друга с полуслова. Наше мастерство росло, но нет предела совершенствованию.

44. «Маскировка»

Метели опять пригвоздили нас к аэродрому. С утра нетерпеливо ждали, когда же наконец прояснится. Особенно обидно бездействовать, когда наземные части ведут напряженные бои.

В конце января войска нашего фронта пошли на соединение с войсками 1-го Украинского фронта и возобновили в районе Звенигородка — Шпола наступление.

30 января утром погода неожиданно прояснилась, и мне поручили вылететь с группой на прикрытие наземных войск в районе Шполы, куда уже подходили войска двух фронтов — 1-го и 2-го Украинских.

Подлетаем к линии фронта. С нетерпением жду появления противника. Осматриваю воздушное пространство, землю. На снегу чернеют воронки, темнеет еловый лес. Вдруг замечаю большую группу немецких пикирующих бомбардировщиков. Их прикрывают шесть истребителей. Удивляет раскраска вражеских самолетов: белые плоскости и фюзеляжи бомбардировщиков испещрены черными пятнами разной формы и величины. Догадываюсь, в чем дело: маскировка. Должно быть, немцы рассчитывали, что их самолеты будут незаметны на фоне местности. Истребители замаскированы под елки: по белому фону идут черные полосы.

Нет, не спасет вас эта маскировка! Передаю по радио свою обычную команду:

— Орлы! В атаку! Бей их!

Нацелился и, почти вплотную подойдя к одному из бомбардировщиков, сбил его. Мухин сбил с ходу второго. Брызгалов и Гопкало — еще по одному.

Истребители врага ушли в облака. Передаю по радио летчикам:

— Будьте внимательнее!

Мы наседаем сверху на бомбардировщики. Они в беспорядке сбрасывают бомбы и улетают на запад.

Размалеванные истребители больше не появлялись. Быстрота и внезапность нашей атаки, видимо, ошеломили их.

45. Я должен оправдать высокую награду

3 февраля 1944 года после внезапного мощного рассекающего удара обоих наших фронтов немецкая оборона была прорвана. Советские войска соединились в районе Звенигородка — Шпола. Десять немецких дивизий и одна бригада в районе Корсунь-Шевченковского были окружены, попали в «котел». Наше командование предложило окруженным сдаться. Они отказались. Немцы пытались бросить в помощь окруженным войскам транспортную авиацию. Восемь вражеских танковых дивизий стремились прорвать наш фронт, пробиться к окруженным фашистам. Но это им не удалось: они были разбиты и отброшены.

А мы по-прежнему сидели на том же аэродроме. Плохая погода пригвоздила нас к земле.

4 февраля, чуть забрезжил свет, мы, как всегда, были уже на аэродроме. Начинался хмурый, пасмурный день. Низкие снежные облака ползли над самой землей.

Иду на КП в надежде, что, может быть, все же удастся полететь и встретиться с транспортными самолетами, которые гитлеровское командование бросает на помощь окруженной группировке. Но «погоды» нет.

Выхожу в унылом состоянии, которое всегда охватывает нас, когда мы бываем прикованы к земле. Сталкиваюсь с Ольховским, Семеновым и начальником штаба Слышу, как начальник штаба говорит им:

— Теперь вы оба — Герои Советского Союза… Увидев меня, он не заканчивает фразы, быстро

подходит ко мне и пожимает руку:

— Сердечно поздравляю вас с присвоением вам высокого звания Героя Советского Союза!

Мне кажется, что я ослышался. Хочется переспросить.

Новость уже облетела весь аэродром. Брызгалов, Мухин, Никитин бегут ко мне. И вот я уже в воздухе: меня качают. Качают Ольховского и Семенова. С трудом вырываюсь:

— Да подождите, ребята, может быть, это ошибка! Летчики хохочут, и я снова лечу вверх. Приземляется самолет командира соединения.

Мы выстраиваемся, командир тепло поздравляет

Ольховского, Семенова и меня.

А мне все не верится: может быть, спутали что-нибудь…

Вспоминаю бои на Курской дуге, первые полеты, думаю о своих учителях, о том, что я, рядовой летчик, все эти пять месяцев боев старался выполнить свой долг перед Родиной. Но теперь надо подыматься на новую ступень, надо драться действительно по-геройски. Высокое звание ко многому обязывает.

Как назло, погода держит нас на аэродроме. Наступила распутица, все раскисло. Слякоть мешает взлететь. Только по утрам, когда бывают заморозки, изредка удается слетать на боевое задание.

Через несколько дней к нам на аэродром привезли газеты. Я был у самолета, когда ко мне подбежал, размахивая газетой, Никитин:

— Ну, смотри сам! Видишь Указ? Вот красным карандашом подчеркнуты ваши фамилии.

Да! Ольховскому, Семенову и мне Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

К нам на аэродром опять прилетел командир соединения и собрал весь личный состав. Он зачитал Указ, вручил нам ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» и сам прикрепил их к нашим гимнастеркам.

Вечером был устроен ужин — традиционные фронтовые «крестины» Звезды Героя.

Я сидел рядом с Семеновым за большим столом. Командир соединения еще раз поздравил нас и первую здравицу поднял за нашего великого половодца — Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Просто и задушевно говорил Ольховский. Он благодарил партию и правительство за высокую награду.

Выступил Семенов, затем я. Мне хотелось сказать очень многое, но от волнения я смог сказать только несколько слов. Генерал поднял стакан:

— Выпьем, товарищи, за наших именинников! Пожелаем им дальнейших успехов в борьбе с немецкими захватчиками!

Семенов тихонько толкает меня:

— Помнишь, каким ты был желторотым под Белгородом? Помнишь, как я тебя отчитал за первого сбитого? — И добавляет: — Смотри, как ликуют ребята из твоей эскадрильи, словно сами получили Звезду Героя. Давай-ка по-традиционному обмоем звездочку!

И мы чокаемся с моим старым комэском.

46. Распутица

17 февраля была ликвидирована корсунь-шев-ченковская группировка немцев. Гитлеровское командование опять просчиталось! Правобережная Украина полностью очищена от врага!

Наши наземные войска победоносно продвигаются вперед. Ничто не может остановить их — ни дожди, ни половодье, ни весенняя распутица.

А мы по-прежнему сидим на месте.

Там же мы встретили двадцать шестую годовщину Советской Армии в то время, когда наземные войска уже подходили к западным границам Родины.

Наконец нам удалось укатать проезжую дорогу возле аэродрома и в первых числах марта перелететь поближе к Шполе.

Войска фронта ушли уже очень далеко. Они стремительно продвигались к Днестру. Плохая погода по-прежнему держала нас на земле — над аэродромом низко шли весенние облака.

Мы с восхищением следили за продвижением наземных войск. Завидовали бомбардировщикам, радиус полета у которых был больше. В наших одноместных, сравнительно небольших истребителях запас бензина был ограничен. Мы могли принести эффективную пользу, лишь находясь вблизи наземных войск, максимально используя горючее на ведение воздушного боя.

Враг, отступая, старался уничтожить аэродромы, и грязь мешала советским инженерным войскам быстро привести в порядок летные поля. Поэтому наша часть почти лишилась промежуточных аэродромов.

Мы вынуждены были делать огромные прыжки, чтобы догнать наземные войска.

В эти дни я много раздумывал над тактикой воздушного боя на низкой высоте. Наблюдая за облаками, низко стелившимися над землей, вспоминал бои, проведенные мною на небольших высотах, и старался еще и еще раз проанализировать тактику действий истребителей на бреющем полете. Накопленный мною опыт позволял утверждать, что при известных условиях бреющий полет может занять видное место в арсенале тактических приемов советских истребителей.

14 марта 1944 года я сидел в землянке, обдумывая схему боя группы истребителей с бомбардировщиками на низкой высоте, когда вошел посыльный. Меня срочно вызвали на КП. Получаю приказ сейчас же вылететь на боевое задание со своей шестеркой на прикрытие переправ через Южный Буг.

Прилетели в район, отведенный нам для патрулирования на

переднем крае. Летаем минут пять на бреющем, прижимаясь к макушкам деревьев. Противника нет.

И вдруг показывается девятка немецких бомбардировщиков «Ю-87». Немцы летят спокойно, нагло, без сопровождения истребителей. Очевидно, они уверены, что наша истребительная авиация в такую погоду и на таком расстоянии здесь не покажется.

Предстоит трудный бой. Противник идет под кромкой облаков. Налет врага должен быть сорван.

Командую по радио своим летчикам: «Атакуем!» — и бросаюсь в атаку. Немцы пытаются построиться в оборонительный круг, но не успевают: мы врезаемся в их строй.

Прямо против меня, на встречном курсе, — «Ю-87». Я отвалил, быстро зашел в хвост вражеской машине и открыл огонь. Немец взвился к облакам. Я — за ним. Он не успел дойти до облаков, перевернулся и, охваченный пламенем, рухнул у опушки леса.

По моему самолету открыл огонь еще один «Ю-87». Я энергично развернулся, подлетел к нему под «брюхо» и дал очередь. «Юнкере» пошел на снижение.

Кричу Паше: «Добей его!» — но Паша уже пристроился к другому «Ю-87». Подбитый мною самолет сбил Никитин.

Передаю команду:

— Собраться кулачком!

Атакуя немцев, мы залетели на бреющем в их расположение. Вражеские зенитки не успели открыть огонь: в воздухе все смешалось.

Мы атакуем, затем сразу снижаемся, прижимаясь к самой земле, снова взмываем и опять наносим удар.

«Юнкерсы» стали удирать — кто в облака, кто на бреющем. Но в это время появилась свежая девятка «Ю-87». Использую тот же маневр: опять собираю своих летчиков в «кулак». Мы с бреющего врезаемся в группу «юнкерсов», навязываем им бой, нарушаем их боевой порядок. Резко бросаю свой самолет вниз и «вырываю» его у самой земли. Рядом со мной мой побратим — Вася Мухин. Мы идем с ним в атаку. Нельзя терять ни секунды, надо бить врага тому из нас, кому «сподручнее». Оцениваю обстановку: сейчас всего удобнее нанести удар по немецкому самолету моему ведомому, если, конечно, я не оставлю его без прикрытия. И я кричу Василию:

— Бей, прикрою!

Мухин сбивает вражеский самолет.

Немцы бросают бомбы на свою территорию и уходят, потеряв четыре самолета.

Мы возвращаемся домой усталые, но довольные результатами боя.

Этот бой на бреющем над территорией врага был очень сложным, тем более что он проходил в крайне неблагоприятных условиях: большой радиус полета — несколько десятков километров от аэродрома — и низкая облачность.

47. Лекарша

В районе Шполы наша часть пробыла несколько дней. Распутица в разгаре. И только 22 марта мы наконец получаем приказ перебазироваться в район северо-западнее Умани.

Когда мы перелетали, я увидел с самолета в районе юго-западнее Звенигородка — Шпола много немецких автомашин. Даже подумал: не заблудились ли мы, не летим ли над территорией, занятой врагом? Проверил курс — нет, летим правильно. Внизу — вражеские автомашины, брошенные немцами при отступлении.

Когда мы приземлились, я вдруг почувствовал, что у меня отчаянно стреляет в ухе. Стало досадно — выйду из строя, а медицинской помощи надо ждать несколько дней, так как обслуживающие нас части отстали из-за распутицы, да и болеть я не привык.

Вечером мы отправились в поселок, где нас расквартировали.

Мухин, Брызгалов, Никитин провожают меня. Входим в отведенную мне хату. Небольшая аккуратно прибранная комната. Нас радушно встречает хозяйка — живая, бодрая старушка. Здороваюсь с ней и сажусь на лавку, сжав голову руками. Меня знобит, боль все усиливается.

— Что же с тобой делать? — озабоченно говорит Мухин. — Рано утром нам надо на аэродром.

— Сяду в самолет — пройдет.

— Силой не пустим, — заявляет Брызгалов. — К Ольховскому пойду, если будешь настаивать.

В разговор вмешивается хозяйка:

— Вы, сынки, идите по домам, а я попробую его своим способом вылечить.

Я даже вскакиваю с лавки:

— Делайте, мамаша, что хотите, лишь бы прошло.

Старуха стелет постель.

— Идите, сынки, с легкой душой, наутро он поправится.

— Вот что, хлопцы, — говорю я, — если на задание без меня полетите, не гонитесь за сбитым… Михаил, это к тебе относится в

первую очередь: не горячись.

— Не волнуйтесь, товарищ командир, все будет в порядке.

Ребята уходят. Старушка возится у печки и успокаивает меня:

— Пройдет, сынок, потерпи.

Я прилег — голова закружилась от боли и усталости. Перед глазами встает картина боя. Ясно вижу: Никитин оторвался от группы, гонится за «мессером». Кричу: «Мишка, назад!..» Очнулся. Около меня стоит хозяйка и смотрит заботливо, как мать.

— Ноги у тебя, сынок, в постели, а думки в небе. Иди-ка, садись к столу.

Покорно сажусь за стол. Старушка ставит большой чугун. Он полон горячей разварившейся картошки.

— Ну, сынок, лечиться будем. Наклонись-ка больным ухом к пару.

И старушка укрывает мне голову теплым платком. Сижу так минут пять. Пот градом льет с меня, задыхаюсь.

— Над вашим чугуном, мамаша, свариться можно.

— Ничего, терпи — скорее поправишься. И в самом деле мне стало легче.

А старушка сидит рядом и неторопливо рассказывает:

— Мой сынок тоже воюет. Жду письмеца от него. Как вошли вы — я и подумала, нет ли и его с вами.

Старушка тяжело вздыхает, плотнее укутывает мою голову платком и продолжает:

— Многих немцы-злодеи у нас замучили. В плен, рабство угнали, повесили… Нас за людей не признавали. Житье горше собачьего было. Хуже, чем со скотиной, обращались, проклятые!.. Входит ко мне фашист поганый и кричит: «Давай курку, яйко!» Я знаю: если не дам — убьет. А уже всё взяли… Немец косо посмотрел на меня, обшарил хату — видит, нет ничего, ушел. А как наши соколики подходить стали, немцы залегли за стогами у околицы. Земля гудит, стрельба… Немцы-то ждут наших с одной стороны, а наши-то освободители подходят к ним сзади, с другой. Немец бежать, да поздно: всех в плен взяли. Вот радость была! Уж я хату мыла-мыла, чтоб и духу вражеского не осталось!

С минуту помолчав, старушка сказала:

— Ну, сынок, теперь в постель ложись.

Наутро я проснулся почти совсем здоровым. Меня пришли навестить ребята и очень обрадовались, увидев, что я поправился. Они благодарили хозяйку, и это ей, видимо, было приятно — ее доброе морщинистое лицо улыбалось.

48. Над Днестром

На КП меня встретил Ольховский. Спросив о здоровье — я, конечно, сказал, что все в порядке, — он сообщил:

— Наши войска расширяют плацдарм на правом берегу Днестра. — И добавил: — Ваша задача: прикрыть с группой переправы на Днестре в районе Ямполь — Сороки.

Я был так счастлив, услышав о новой победе наших войск, что почувствовал себя совершенно здоровым. Подъем перед боевым вылетом, как всегда, удваивал силы.

В штабе ознакомился по карте с линией фронта и, получив нужные указания, проинструктировал летчиков.

И вот я уже в самолете.

Под нами — однообразная местность. Снег совсем стаял. Всюду — полосы чернозема, кое-где речушки. Отчетливо выделяется железнодорожная линия, по ней хорошо ориентироваться.

Долетаем до переправ.

Местами Днестр покрыт дымовой завесой.

Встречи с врагом ждали недолго. Две группы «юнкерсов» — всего их было около восемнадцати — выскочили из-за облаков на небольшом расстоянии от нас. Надо было ошеломить врага: быстро развернулся и повел группу в атаку.

Пристраиваюсь к одному самолету и в упор открываю огонь. Вражеский бомбардировщик загорелся. Кто-то из ребят крикнул по радио: «Готов!» Остальные «юнкерсы» пикированием уходят на запад. Мы остаемся. Я вижу, что вдали от нас, над расположением своих войск, группа немецких бомбардировщиков принимает боевой порядок, — очевидно, фашистские летчики по радио получили приказ вернуться и выполнять задание. Мне очень хотелось их атаковать, но оставлять переправы без прикрытия нельзя. И, словно в ответ на эту мысль, я услышал свой позывной. Узнаю голос командира:

— Ястреб тридцать первый! Отогнать противника подальше!

Командую своей группе: «В атаку!» — и мы стремительно на бреющем летим навстречу «юнкер-сам». Немцы постарались поскорее скрыться. Мы их только «попутали» и затем спокойно вернулись к переправам. Это была большая моральная победа над врагом, превышавшим нас численностью.

Вечером моя хозяйка заботливо спросила:

— Ну как, сынок, тебе здоровилось? Я ее обнял:

— Прекрасно! Еще одним фашистским самолетом стало меньше! Спасибо вам за помощь, за материнскую заботу…

В моей летной книжке появилась тридцать вторая личная победа.

49. У нашей государственной границы

Радостные вести: войска нашего фронта, развивая наступление, форсировали реку Прут и бои идут на территории Румынии, севернее Ясс. Весь полк с воодушевлением готовится к перебазированию. Нам известно, что в воздухе разгорелись сильные воздушные бои.

Хозяйка, провожая нас, сказала:

— Куда же вы, сынки, так скоро? Отдохнули бы.

— Отдыхать нам, мамаша, некогда!

Она обняла меня и стала, пригорюнившись, у ворот, глядя вслед машине, увозившей нас на аэродром.

Мы перелетели за Днестр, в Советскую Молдавию.

Наш новый аэродром находился неподалеку от крупного железнодорожного узла.

Немцам хотелось нанести удар по этому важному объекту, но сделать это им не удалось: хозяевами неба были советские летчики. Авиация противника была вынуждена отказаться от дневных полетов, решаясь на них только под вечер и ночью. Враг стремился вывести из строя наш аэродром.

Дня через три-четыре после перелета Ольховский, как обычно, проводил разбор воздушных боев. Смеркалось, день простоял жаркий, и только сейчас наступила прохлада. Мы отдыхали после трудных полетов, внимательно слушая командира. Вдруг кто-то пронзительно крикнул:

— «Хейнкеля»!

На аэродром заходили две группы «хейнкелей», по девять самолетов каждая. Вылетать было поздно. Пришлось, по приказу командира, разбежаться по щелям.

Слышу — упала одна, другая бомба. Началась лютая бомбежка. Она заставила нас убежать в поле.

Мне казалось, время тянется невероятно медленно. Мерзавцы, летное поле испортят!

Фашисты отбомбили и улетели. Страшно было идти на аэродром. Целы ли самолеты? Не верю своим глазам — все машины целы! Только две бомбы упали на посадочную полосу, остальные угодили в заболоченное место за окраиной аэродрома. Враг бомбил «с недолетом».

Видя, что ночные налеты неэффективны, немцы стали бросать против нашего аэродрома «охотников».

Однажды немецкие «охотники» внезапно выскочили из-за холма. Крайней на аэродроме стояла машина Евстигнеева. Вражеские «охотники» подожгли ее и улетели.

Евстигнеев, сжав кулаки, смотрел на свой горящий самолет.

Кирилл редко терял самообладание, но сейчас он застонал, словно от боли, и глухо сказал:

— Какой же самолет был хороший!.. Ну, гады, попадитесь мне только!..

Действия немецких «охотников» были быстро парированы нашими истребителями. Фашисты больше не появлялись.

Летаем на разведку вражеских войск. Под крыльями самолета проплывает чужая земля. Здесь народ еще томится под игом фашизма. Быть может, в эту минуту румынский крестьянин с надеждой поглядывает на небо, видя наши самолеты. Мы чувствуем себя посланцами великой армии-освободительницы.

50. Как дерется истребитель

В середине апреля 1944 года немцы хотели ударом севернее Ясс отрезать наши войска, находившиеся между Прутом и Серетом. В воздух поднялось большое количество наших самолетов. Немцы, в свою очередь, подтянули авиацию. Завязались крупные воздушные бои. В первый день боев севернее Ясс я полетел со своей эскадрильей на прикрытие наземных войск

К линии фронта направлялись восемнадцать «Хейнкелей-111». Самолеты были новые, недавно выкрашенные в светло-зеленую краску — видимо, они были подброшены сюда на подкрепление.

Мы атаковали их со стороны солнца. Немцы не ждали атаки. Я решил сбить крайнего в пятерке. Пристроился к левому бомбардировщику и открыл огонь, словно присосался к вражескому самолету.

Немец завалил вправо и пошел к земле. Вражеская группа завернула на юг, к Яссам.

Анализируя последние воздушные бои, я еще раз убедился, какое огромное значение для летчика имеет физическая выносливость. Резкие снижения с большой высоты на малую, минутные перегрузки, от которых порой темнеет в глазах, — все это легко переносит физически закаленный человек.

Иногда в бою, выполняя каскад фигур, на мгновение теряешь сознание. Придешь в себя, сейчас же включаешься в боевую обстановку и снова действуешь на любой высоте, при любой скорости, в любом положении. Это умение выработалось у меня благодаря спортивной тренировке. Даже во фронтовой обстановке я старался найти время, чтобы сделать зарядку.

В бою стискиваешь зубы, задыхаешься от ярости, словно вступаешь в физическую борьбу. Нельзя давать волю гневу, надо

держать себя в руках, иначе в горячке можешь допустить ошибку.

Конечно, одной физической силы для победы мало: воздушный бой — это проверка всех моральных и физических качеств советского летчика. Нужно обладать отличной техникой пилотирования, мастерством, а главное, теми моральными качествами, которые свойственны советскому воину. В минуту, когда, казалось, я теряю последние силы, меня поддерживала одна лишь мысль: «Я выполняю приказ Родины, воюю за правое дело Ленина —

Сталина!» В бою советский истребитель дерется до того мгновения, пока бьется его сердце, пока не иссякло горючее в баках, пока не израсходован весь боекомплект, пока самолет держится в воздухе. Владеет им и чувство боевого братства. Иногда после предельного напряжения в бою кажется, что ты не в состоянии драться, но взглянешь на това-. рищей, ведущих бой, и держишься: уходить с поля боя, когда друзья еще дерутся, немыслимо.

Большой моральной поддержкой для меня был голос с земли. Когда, чувствуя крайнее нервное напряжение, я слышал по радио знакомый голос: «Держись!» — то сразу ощущал прилив новых сил.

51. Слово с земли

Слово с земли поддерживало нас не только морально, оно нередко играло решающую роль в выполнении боевого задания.

В дни ожесточенных боев севернее Ясс на радиостанциях наведения переднего края часто бывал заместитель командира авиасоединения подполковник Боровой, опытный боевой летчик. Он прекрасно знал «по полету» всех летчиков соединения, которые летали на прикрытие наземных войск, следил за нашими действиями в воздухе. Его команды, своевременно поданные по радио, случалось, решали исход боя. Они мне очень помогали во время прикрытия войск.

Патрулирую над линией фронта. Напряженно слежу за воздухом. Внизу идет бой. Воздушный враг не появляется. Улетать без боя не хочется, а срок патрулирования уже истекает. Беру курс домой. Возбуждение, какое быва'ет перед боем, проходит, и только теперь ощущаю усталость: это уже третий вылет. Бесплодное ожидание противника иногда утомляет больше, чем бой.

Вдруг слышу знакомый голос с земли. Это говорит Боровой:

— Сокол тринадцать! Сокол тринадцать! Фашисты

прилетели. Бей их, бей!

Боровой говорит спокойно, но быстро.

Молниеносно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Усталости как не бывало.

Вижу, к линии фронта приближаются девять «хейншелей» и четыре истребителя.

«Хейншель» — двухмоторный самолет. Мы его называли пародией на штурмовик: стрелка на нем не было. Летчик видел только то, что делалось впереди, и не мог следить за хвостом своей машины. «Хейншель» можно было легко сбить сзади. Поэтому его всегда сопровождали истребители.

Я взглянул на бензомер — горючее на пределе. Можно дать короткий бой и дотянуть до аэродрома.

«Хейншели» начали выстраиваться в круг, готовясь штурмовать наши войска. Один уже заходил на штурмовку.

Командую Брызгалову, чтобы он с парой связал боем истребителей, а я с четверкой сверху, сзади, стремительно бросаюсь на врага. Прицеливаюсь. Дистанция подходящая. Открываю огонь. Самолет врага загорается и падает на территорию противника. Отхожу в сторону. Раздается спокойный голос Борового:

— Внимание! Второй «хейншель» заходит на штурмовку. Бей! Не теряй ни секунды!

Разворачиваюсь. Точно так же по шаблону заходит на штурмовку и второй «хейншель». Мне кажется, что передо мной первый «хейншель». Нет, это уже второй! Он упрямо намеревается тем же методом штурмовать наши войска.

Оглядываюсь — все мои летчики на месте. Брызгалов парой мастерски связал боем истребителей врага.

И точно так же, как и в первом случае, стремительно захожу сверху, сзади, в хвост «хейншелю» и даю очередь с той же дистанции. Второй «хейнкель» вспыхивает и падает неподалеку от первого.

— Молодец, так их! Давай еще! — кричит подполковник Боровой.

Вижу, Брызгалов отогнал истребителей противника. Мухин держится рядом со мной.

Разворачиваюсь. Бить некого. «Хейншели» на бреющем удрали восвояси. Мы возвращаемся на свой аэродром. Это был решительный, скоротечный бой. В этом бою большую роль сыграло своевременное слово с земли.

52. Первое Мая за рубежом

Вот уже несколько дней, как в воздухе с рассвета до темна стоит непрерывный гул авиационных моторов. Самолеты противника перешли к тактике массированных налетов. Враг стал еще расчетливее и хитрее.

Появились вражеские самолеты (говорили, что они принадлежат лучшим асам фашистской Германии), на бортах которых намалеваны черепа, кости и прочие эмблемы в этом же роде: фашисты всеми способами старались воздействовать на психику противника. На нас эта ерунда — назвать иначе подобные ухищрения было нельзя, — понятно, не производила никакого впечатления, служила лишь поводом для насмешек.

— Черепа и кости они, видимо, для себя заранее заготовили, — посмеивались летчики.

Мы делаем по нескольку вылетов в день. Напряженная обстановка в воздухе изнуряет. Зато радуют успехи каждого боя: мы деремся яростно, с неиссякаемой энергией.

Попытка немцев перейти в контрнаступление была сорвана при тесном и четком взаимодействии наземных войск и авиации.

1 мая перелетаем в Румынию. Река Прут сверху кажется желтовато-бурой дорогой.

Мы — за рубежом.

Садимся на аэродром севернее Ясс. Ясный, безоблачный день. Жарко. Вокруг аэродрома — сады. Все в цвету. Красиво. Но я многое бы дал, чтобы только взглянуть на заросшее осокой болотце у родной Ивотки…

Вечером, после напряженного летного дня, собираемся на командном пункте. Заместитель командира по политической части читает нам первомайский приказ Верховного Главнокомандующего.

Здесь, за пределами Родины, мы, советские воины, испытывали какое-то особенно глубокое и радостное волнение, слушая слова сталинского приказа:

«…Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией и продолжает теперь громить вражеские войска на территории Румынии».

И мы, советские летчики, горды тем, что есть и наша доля в этой очередной победе наших войск

53. Самолет колхозника Конева

2 мая рано утром Ольховский вызвал меня на КП:

— Полетите на тыловой аэродром. Получите там подарок от колхозника из Сталинградской области. Полетите с Брызгаловым

на «По-2».

Я не стал расспрашивать командира. Взял парашют и отправился с Брызгаловым к «По-2».

В последний раз я летал на нем, когда сдавал испытания в аэроклубе. Много воды утекло с той поры!

Я летел, прижимаясь к складкам местности; следовало быть начеку, чтобы не подкрались «охотники» противника. Прилетев на аэродром, я еще издали заметил на стоянке в стороне от других новенький, поблескивавший на солнце самолет.

Меня и Брызгалова окружили корреспонденты.

Оказалось, что машина, которую командование поручило мне, была построена на личные сбережения колхозника Конева. Летчик, пригнавший ее, сказал, что самолет хороший, облегченного типа. Я быстро зашагал к самолету, продолжая расспрашивать летчика.

На хвосте самолета стоял № 14. На левом борту красными буквами было начертано: «Имени Героя Советского Союза подполковника Конева Н.», а на правом борту — «От колхозника Конева Василия Викторовича».

Ко мне подошел представитель штаба нашего авиасоединения, пожал руку и сказал:

— Вы уже, вероятно, прочли надписи на бортах машины. У нее замечательная история. Шестидесятилетний колхозник-пчеловод Василий Викторович Конев из колхоза «Большевик», Сталинградской области, внес свои трудовые сбережения в фонд Советской Армии и попросил товарища Сталина о том, чтобы на них был построен самолет имени Героя Советского Союза Конева. Просьба славного советского патриота выполнена. Василий Викторович Конев — односельчанин подполковника Конева, павшего смертью храбрых в неравном бою в начале войны. Вот послушайте, что пишет колхозник Конев…

Представитель штаба соединения вынул из планшета письмо Конева и прочитал его.

Колхозник Конев просил летчика, которому будет вручен самолет имени Героя Советского Союза Конева, беспощадно мстить фашистам за смерть героя Конева, бить врага до нашей окончательной победы.

— Машина прислана в распоряжение командования нашего авиасоединения, — продолжал представитель штаба, — и оно решило дар сталинградского колхозника передать вам, капитан Кожедуб… Поздравляю вас, искренне желаю успехов!

Подошел один из корреспондентов и сказал, что он знавал подполковника Конева, что герой-летчик летал на самолете за № 33 и что про него есть стихотворение, сложенное авиаторами.

И он прочел эти незатейливые, но написанные от души фронтовые стихи:

Конев отважно дерется с врагом За Родину, Сталина, отчий дом. Если над краем передним летал,

Каждый боец его узнавал: Ну-ка, товарищ, зорче смотри! Кажется, мчится вдали «33»…

Хотелось подробнее расспросить о подполковнике Коневе, но время было горячее, и я не мог задерживаться ни на секунду.

Наспех попрощался со всеми и позвал Брызгалова:

— Пора домой, Паша. Полетишь на «По-2», только смотри в оба за «мессершмиттами».

И мы отправились в путь на своих машинах.

В этот вечер мне долго не спалось. Я раздумывал о новом самолете, готовился к его боевому крещению. Перед сном написал письмо колхознику Коневу:

> «Дорогой Василий Викторович!
> С радостью сообщаю вам, что ваш самолет мне вручили сегодня, 2 мая 1944 года, на прифронтовом аэродроме. Это новый, прекрасный наш отечественный самолет «Лавочкин» с надписями, которые вы просили сделать.
> Позвольте заверить вас, Василий Викторович, что я буду бить врага на вашем самолете так, как приказывает великий Сталин. Сейчас у меня на счету тридцать семь сбитых немецких самолетов. Но это только начало мести врагу за убитых и замученных советских людей, за разрушенные врагом села и города. О каждой своей победе над врагом буду вам сообщать. Вас же прошу — пишите о своем житье-бытье. Хочется знать об успехах в вашем колхозе «Большевик», о том, кто из ваших родных и близких находится на фронтах Отечественной войны.
> Желаю вам здоровья и успехов.
> С боевым приветом
> Герой Советского Союза Иван Кожедуб».

54. Паша Брызгалов

На следующее утро, 3 мая, наспех позавтракав, я на рассвете был уже у своего самолета. Погода стояла ясная, но по небу шли небольшие разорванные облака. Иванов хлопотал около моей машины. Я стал тщательно осматривать ее.

Я всегда бережно и заботливо относился к самолету, к

каждому прибору, винтику, а сейчас почувствовал особенную ответственность за эту машину. Представил я себе далекий колхоз «Большевик», где колхозник-патриот будет ждать от меня писем с рассказами об успешных боях, проведенных на его машине. Представил себе завод, где рабочие и конструкторы будут следить за боевой работой машины, сделанной ими по заказу старика-пчеловода.

Передо мной поставлена задача: с группой в восемь самолетов прикрыть наши наземные войска в районе Тыргу-Фрумос. На этом участке немцы предприняли контрудар. Они бросили сюда много танков, большие группы «Фокке-Вульфов-190», намереваясь восполнить ими потерю своих «Юнкерсов-87».

Уже после первых боев с «Фокке-Вульфами-190» я обратил внимание на один излюбленный прием немцев. Фашисты предприняли такой тактический маневр: вперед выпускали «фоккеров»; те, сбросив бомбы, связывали боем наших истребителей, а вслед за «фокке-вульфами» шли пикирующие бомбардировщики «Ю-87».

Машина осмотрена.

— Все в порядке, мотор работает отлично, товарищ командир, — докладывает Иванов, поглаживая крыло самолета. — Каждый винтик ощупал. — И добавляет с довольной улыбкой: — Хороший аппарат, товарищ командир!..

Подлетев к линии фронта, мы встретили около тридцати «фокке-вульфов». Часть их направилась к нам, чтобы связать нашу группу боем. Предвидя, что вслед за «Фокке-Вульфами-190» появятся пикирующие бомбардировщики, я приказал по радио своим летчикам занять соответствующий боевой порядок. И в самом деле, не прошло и нескольких секунд, как подошла большая группа «Ю-87». Но их маневр уже был разгадан. Они не застигли нас врасплох. Быстро оценив обстановку, я сзади, сверху, во главе своей группы врезался в строй «юнкерсов» и сбил один самолет.

Итак, счет моего нового самолета открыт…

Завязался бой. Немцы — в замешательстве. Они неприцельно сбрасывают бомбы. Вижу, на нас «наваливаются» «фокке-вульфы». По моим расчетам, горючее у них должно быть уже на исходе. И действительно, вражеские самолеты стали уходить. По радио приказываю группе собраться. Одного самолета нет — Паши Брызгалова. Где же он? Еще раз даю команду собраться.

Осматриваю воздушное пространство — вон он где, в стороне, выше меня! Я в недоумении: почему он оторвался от группы? И вдруг замечаю, что к его самолету приближается

«Мессершмитт-109». Сомнений быть не может — это немецкий «охотник». Я нажал кнопку радио и крикнул Брызгалову:

— Паша, «мессер» сзади, снизу!

Но не успел я предупредить товарища об опасности, как немец уже открыл огонь. Самолет Брызгалова загорелся, и Паша выбросился с парашютом. Ветер нес его на нашу территорию.

Когда мы вернулись домой, я сразу же собрал летчиков. Лица хмурые, у всех одна дума: «Неужели Паша погиб?» И меня сейчас больше всего волнует этот вопрос. Но как командир я не имею права поддаваться охватившему меня настроению. Я должен разобрать поведение Брызгалова, еще раз напомнить всем о значении летной дисциплины, о том, как важно быть осмотрительным и соблюдать боевой порядок.

Больше всех за Брызгалова тревожился Никитин. Он был очень непосредствен и не умел скрывать своих чувств. Он ждал Пашу, волновался, то и дело подбегал ко мне:

— Как вы думаете, товарищ командир, Паша вернется?

Я его успокаивал тем, что Паша приземлился в расположении наших войск

Брызгалов вернулся на следующий день: прилетел на «По-2». Голова у него забинтована. Гимнастерка забрызгана кровью. Глаза грустные, вид унылый.

Мы бросились к нему, окружили его.

— Да ты ранен, Паша!

Брызгалов мрачно ответил, морщась от боли:

— Пуля прошла под подбородком. Кости не задела, только мягкую ткань пробила…

И он стал рассказывать:

— Когда мы подлетали к линии фронта, я увидел пару вражеских самолетов. Определил, что это «охотники». Но в облаках я их сразу потерял из виду. Когда кончился бой, решил их подкараулить. Лечу, посматриваю — не появятся ли «мессершмит-ты». Вдруг услышал глухие взрывы. Ясно — стреляют по моему самолету. Что-то обожгло мне подбородок. А когда я опомнился, то мой самолет уже был охвачен пламенем. Пришлось прыгать…

У Паши сорвался голос, и он замолчал. Я понял, что Паша осознал свою ошибку. Брызгалов отказался от ужина. А когда мы легли, мрачно сказал:

— Стыдно мне… машину загубил. Теперь буду бдительнее.

55. Тяжелая потеря

По данным разведки было известно, что немцы стягивают на свои прифронтовые аэродромы большое количество самолетов. Наше командование решило ослабить авиацию противника мощным ударом по его аэродромам. Летчики нашей части, в том числе моя группа, получили задание сопровождать штурмовики к вражескому аэродромному узлу.

Несмотря на шквальный огонь вражеских зениток, несмотря на атаки истребителей противника, мы выполнили задание и вернулись домой без потерь.

Когда я подлетал к аэродрому, у меня сильно застреляло в ухе. Я не обратил на это внимания. Приземлился и не стал выходить из кабины, пока самолет заправляли горючим для второго вылета. Побывал и в третьем боевом задании. В полете боль затихала. Но когда вылез из кабины, от боли потемнело в глазах. Надо было принимать решительные меры: воспользоваться передышкой и подлечиться до того, как разгорятся бои.

Собрал летчиков и сказал им, что лягу в санчасть.

Мне хорошо известны достоинства и недостатки каждого летчика моей эскадрильи. Когда мы летим вместе, то все их действия находятся, под моим наблюдением. И я беспокоился, что мои дисциплинированные, но горячие ребята, летая без меня, могут под влиянием порыва забыть об осмотрительности. Поэтому я строго сказал им:

— Без меня летать осмотрительно. Особенно это относится к тебе, Никитин. Держи себя в руках, шалопут, не горячись!

Ребята обещали вести себя рассудительно.

Со мной вместе решил лечь в санчасть и Паша Брызгалов — рана на его подбородке еще не зажила. Пока шли бои, Паша ни за что не хотел заняться лечением.

Когда я доложил Ольховскому, что заболел, он сказал:

— Не волнуйтесь, сейчас затишье, летать не будут. Только поправляйтесь скорее.

В санчасти, расположенной в маленьком городке неподалеку от аэродрома, я пролежал неделю. Чувствовал себя прекрасно, но главный врач все еще не разрешал выписаться. Ребята меня часто навещали, и я был спокоен: в воздухе по-прежнему было тихо.

Как-то вечером, когда мы с Брызгаловым играли в шахматы, в палате неожиданно появился Мухин. У него было такое странное выражение лица, что я сразу почуял недоброе.

— Мухин, что случилось?

— Беда, товарищ командир!

Я вскочил. Шахматы посыпались со стола.

— Ну, что вы молчите!.. С кем?

— С Никитиным, Филипповым и Гопкало…

У меня подкосились ноги, и я сел на кровать.

Вот что произошло. Мухин и Гопкало получили задание вылететь в разведку.

Задание они выполнили, но на обратном пути, на линии фронта, Гопкало был сбит вражескими зенитками, когда летел на бреющем.

Никитин был подавлен гибелью товарища. Он рвался в бой, чтобы отомстить за него. Командир не хотел его отпускать, но он все же добился своего.

Никитин и Филиппов, хороший молодой летчик, полетели в группе Мухина на разведку в тыл противника. В районе вражеского аэродрома завязался бой.

Никитин увлекся, оторвался от группы. Филиппов пошел за ним. Оба они не вернулись на аэродром.

Несмотря на тяжесть утраты — мне были дороги все трое, особенно Миша Никитин, — в эти минуты я по-профессиональному осуждал Мишу и его напарника. Я ловил себя на неприятной мысли: «Вот расплата за нарушение боевой дисциплины, за спешку! Сколько раз предупреждал вас!» На душе было очень тяжело. Печальный урок! Вот к чему приводят самонадеянность, переоценка своих сил, неуменье сочетать трезвый, хладнокровный расчет и стремительность действий…

В этот день я, кажется, впервые нарушил дисциплину: самовольно уехал из госпиталя на аэродром.

56. Впечатления одного дня

В конце мая 1944 года на нашем участке фронта снова разгорелись бои — и на земле и в воздухе. Немцы попытались нанести контрудар в районе севернее Ясс.

— Битому не спится, — говорили летчики, узнав об этом.

Моему «Лавочкину» предстояли серьезные испытания.

Немцы действовали большими группами, эшело-нированно по высоте. Ходить небольшими группами они боялись. Господство в воздухе было в наших руках.

В эти дни мы узнали, что на наш участок фронта прилетело соединение Покрышкина. Оно расположилось севернее нашего аэродрома.

Однажды группа самолетов под командованием Покрышкина, выполнив боевое задание, на обратном пути приземлилась у нас на аэродроме переждать грозу. К месту их приземления побежали наши летчики.

Я издали увидел Покрышкина. Мне понравилась его сильная фигура, быстрые, уверенные движения. Вспомнилось, как весной 1943 года, готовясь к своим первым боям, я внимательно следил

за боевой деятельностью Покрышкина и его друзей — братьев Глинка, Речкалова, Гулаева.

Очень хотелось поговорить с замечательным летчиком, и я направился к его группе, вспоминая, как в Борисоглебске не решался подойти к Герою Советского Союза Макарову. Чувство неловкости удерживало меня и сейчас.

Пока я медлил, Покрышкин подал команду, его летчики быстро разошлись по самолетам и улетели.

В тот день на имя командира части пришло письмо от колхозника Конева. Оно растрогало меня.

> «Товарищ командир! Очень прошу вас отпустить ко мне капитана Ивана Никитича Кожедуба хотя бы на один день, конечно если позволит военная обстановка, в любой день на ваше усмотрение. Я обниму Ивана Никитича, как родного сына.
> Район приготовил центнер меду для летчиков вашей части. Урожай в нынешнем году ожидается хороший.
> Рад сообщить вам, что мои сыновья на фронте, и до меня доходят вести, что воюют они неплохо.
> Жду вашего ответа, жду Ивана Никитича в гости, желаю всем его друзьям боевых успехов и чтобы они с победой вернулись домой.
> В. В. Конев».

Предстояли серьезные бои, и выполнить просьбу Конева командование не смогло.

57. Настоящее боевое крещение самолета колхозника Конева

На следующий день я повел группу самолетов на прикрытие войск. Над линией фронта мы встретили восемь истребителей противника. Они не приняли боя и ушли к Яссам.

Раздалась команда с земли:

— Ястребы, ястребы, будьте внимательны: сюда приближается большая группа бомбардировщиков противника!

Больше тридцати вражеских самолетов направлялись к линии фронта. К ним присоединились и восемь истребителей, уклонившихся от боя.

Я подал команду:

— Орлы, атакуем!

Мы сзади, сверху, всей группой врезались в строй бомбардировщиков Амелин зажег один «юнкере». Вражеские

летчики в замешательстве начали бросать бомбы на свои же войска.

Нам мешали «мессершмитты». Пришлось вступить с ними в бой. Не выдержав нашего натиска, немцы повернули обратно.

К линии фронта приближалась вторая группа вражеских бомбардировщиков и истребителей. Я принял такое решение: частью наших сил связать боем истребители противника, а остальным — атаковать бомбардировщики.

Началась воздушная «карусель». Нам удалось расстроить боевой порядок «юнкерсов». Часть наших самолетов получила повреждения и вынуждена была уйти на свой аэродром. Противник, очевидно, по радио вызвал подмогу — истребителей. Смотрю и глазам не верю: кругом мелькают одни лишь кресты, а своих самолетов не вижу!

Невдалеке — маленькое облачко. Направляюсь к нему. Не успел как следует осмотреться — снова раздалась команда с земли:

— Ястребы, ястребы, приближается третья группа бомбардировщиков противника! Сбейте ведущего!

Высота три тысячи пятьсот метров. Еще раз внимательно всматриваюсь. Не так-то просто сбить ведущего!

Да, это настоящее крещение моего нового самолета. Приказ всегда выполняется немедленно, а сейчас тем более нельзя медлить. Передаю по радио:

— Понял вас. Иду в атаку.

Маскируясь маленьким облачком, иду навстречу противнику. Отчетливо вижу ведущего. Немцы, видимо, принимают меня за своего. Но не успел я открыть огонь, как мимо меня полетели десятки трасс. Бью ведущего в упор. Он нырнул под мой самолет и пошел вниз. Очевидно, сбил его. Меня окружили вражеские самолеты.

Обстановка напряженная, нет времени осмотреться. Знаю: если отверну, меня немедленно расстреляют с бомбардировщиков. Поэтому решил идти на встречных курсах. Нацелился, проскочил сквозь строй «юнкерсов» и развернулся на свою территорию. И тут на меня «навалились» три вражеских истребителя. Гибель почти неминуема. На какую-то долю секунды я растерялся. Стало тихо. Только рокот мотора подбадривал меня. «Нет, не дамся, вырвусь!» — приказываю себе и начинаю стремительно перекидывать свой послушный самолет из стороны в сторону.

Ведущий вражеской тройки яростно обстреливает меня, а двое сверху прикрывают его действия.

Теперь все зависит от моей силы и выносливости. Кто

окажется выносливее — враг или я? Очевидно, силы немца были на исходе. Мне тоже приходилось нелегко. Но я еще мог продержаться.

Огненные трассы уже не долетают до меня. Выжимаю из самолета все, что он может дать. Вряд ли немцу удастся теперь сбить меня. Но неприятно, когда на «хвосте» у тебя «висит» враг.

Начинаю еще стремительнее бросать самолет из стороны в сторону. И вдруг немцы поворачивают назад. Они, видимо, растратили все боеприпасы. Наконец-то я один в воздухе!

Кричу по радио:

— Орлы, соберитесь! Нахожусь в районе сбора!

Не узнаю своего голоса — в горле так пересохло, что я уже не кричу, а хриплю. Волнуюсь за ребят. Горючего у меня в обрез, и я «впритирку» иду на посадку. Домой вернулись и все мои товарищи.

Этот бой был проверкой моей выносливости, физической закалки. Без них меня, вероятно, не спасли бы ни опыт, ни даже замечательные качества моей машины. И опять мне вспомнился первый боевой вылет, когда у меня болели все мускулы и особенно шея — так я вертел головой и столько делал лишних движений. Сейчас у меня ничего не болело. Чувствовалась лишь усталость. Вот что значит тренировка!

58. Как на аэродроме встречают летчиков

Когда самолет приземлился, я еще не знал, удалось ли мне выполнить приказ — сбить ведущего. Это меня сильно беспокоило.

Я быстро пошел на КП и еще издали увидел большой плакат: на нем крупными красными буквами была написана фамилия Евстигнеева, а пониже — моя. Прошел мимо, спеша доложить командиру о выполнении задания.

Кирилл Евстигнеев заканчивал свой доклад о результатах боя, проведенного под его руководством группой в восемь самолетов. Они вели бой с тридцатью восемью «Юнкерсами-87», предпринявшими налет на боевые порядки наших войск. Группа Евстигнеева рассеяла бомбардировщиков противника. Немцы вынуждены были сбросить бомбы на свои же войска.

В этом мастерски проведенном воздушном бою наши летчики сбили четыре немецких самолета. Лично Кирилл сбил два.

Внимательно слушаю доклад Евстигнеева. Он, как всегда, сдержанно и скромно рассказывает о своей замечательной победе.

Кирилл закончил доклад и устало улыбнулся. Командир

поздравил его. Я на ходу пожал руку старому другу и начал докладывать Ольховскому о выполнении боевого задания. Когда я сказал ему о том, что не уверен, сбит ли ведущий, Ольховский заметил:

— Успокойтесь, ведущий сбит. Он упал невдалеке от наблюдательного пункта и разбился.

У меня даже усталость прошла…

Евстигнеев ждал меня. Мы вышли вместе, делясь впечатлениями о сегодняшних боях. Остановились у плаката. Пока мы были на командном пункте, еще несколько летчиков нашей части одержали очередные победы, и на плакате появились их фамилии.

Вечером партийная организация устроила митинг, посвященный боям, успешно проведенным однополчанами в этот день.

И так бывало часто. Приземлишься, идешь докладывать на КП о результатах боя и вдруг видишь плакат об успешном выполнении группой задания. О сбитых немецких самолетах, о результатах боя ведущий обычно кратко сообщал по радио на командный пункт, еще находясь в воздухе. Быстро, оперативно отмечали политработники победы летчиков в воздушных боях: за несколько минут они успевали оформить и повесить у входа на командный пункт, в столовой, в общежитии, землянках яркие плакаты, сообщавшие об очередной победе летчиков.

59. Снова в Москву

За семь дней горячих боев на самолете имени Героя Советского Союза Конева мне удалось сбить восемь вражеских самолетов. Тогда я написал рапорт колхознику Коневу:

> «Дорогой Василий Викторович! Спешу сообщить, что на вашем самолете я сбил восемь самолетов врага, из них пять хваленых «Фокке-Вульфов-190». Теперь на моем счету сорок пять лично сбитых немецких самолетов.
> Позвольте закончить это письмо уверением, что мой боевой счет будет все время расти.
> С горячим приветом капитан Кожедуб».

Немцы придавали большое значение нашему участку фронта. Он прикрывал пути к центральной Румынии и на Балканы. Поэтому-то фашисты и стягивали сюда крупные силы.

Но, несмотря на все ухищрения немцев: они массировали

свою авиацию на главных направлениях, активизировали действия истребителей-«охотников», — им все же не удалось добиться господства в воздухе. Их тактика разбилась о возросшее мастерство летчиков сталинской авиации. Им противостояла наши более совершенные тактика и стратегия, умение искусно осуществлять строгое взаимодействие воздушных сил.

Наступило временное затишье. Шла подготовка наших войск к наступлению. Больших воздушных боев уже не было, и мы летали главным образом в разведку.

Войска сосредотачивались на направлениях предстоящих решительных боев.

В период затишья мы изучали карту района предстоящих боевых действий. Изучали способы самолетовождения в горах, метеорологические особенности района. Мы готовили себя к боям и одновременно вводили в строй молодых, недавно прибывших к нам летчиков. И Евстигнеев, и Амелин, и я много занимались с ними на земле и в воздухе. Для молодежи это была такая же школа, какую год назад, перед боями на Курской дуге, проходили мы сами.

Как-то вечером, в конце июня, меня вызвали к командиру. Я заметил, что Ольховский чем-то взволнован.

— Товарищ капитан, сейчас пришел приказ о вашем немедленном вылете в Москву. В чем дело — не знаю. Мне кажется, что вы получите новое назначение… Завтра утром полетите в Бельцы. Вас проводит Брызгалов на «По-2»… Не могу вам передать, как я огорчен! Не хочется отпускать вас. Но надеюсь, вы скоро вернетесь.

Никогда я не думал о том, что меня могут отозвать из родного полка. И сейчас, еще не зная, зачем меня вызывают в Москву, беспокоился только об одном: чтобы меня там долго не задержали и скорее отпустили в полк

…Однополчане устраивают мне проводы. Смотрю на лица боевых товарищей, и меня охватывает тоскливое чувство, которое всегда испытываешь перед разлукой с близкими.

Утром все собрались около КП. Меня обступили старые друзья — Евстигнеев, Амелин, Семенов, Мухин, Брызгалов. У Васи Мухина лицо растерянное. Он держит меня за руку:

— Как же так… неужели надолго от нас улетишь? Беляев говорит мне тихо:

— Скажите несколько прощальных слов, ребята ждут.

Собравшись с мыслями, я говорю о том, как тяжело мне покидать родную часть. За один год и четыре месяца я прошел с ней трудный путь от первого боевого вылета до сорок пятого сбитого вражеского самолета.

Со многими товарищами я учился бить врага. Мы вместе вели воздушные бои над Украиной, освобождая ее от фашистов. Мы вместе преследуем врага за пределами нашей любимой Родины, внося свою долю в выполнение гениального стратегического плана Верховного Главнокомандующего.

Мы жили дружной семьей. Гордились победами друг друга. Росли вместе.

В полку, на фронте, я, как и многие мои однополчане, стал большевиком, членом партии Ленина — Сталина, которая воспитала из нас бесстрашных советских патриотов, помогла нам, рядовым летчикам, вырасти до командиров эскадрилий.

И Евстигнеев, и Амелин, и я — все мы пришли в полк в один и тот же день. Сейчас у комэска Евстигнеева на счету сорок восемь сбитых вражеских самолетов. У моего ведомого Мухина, прибывшего к нам лишь год назад, — пятнадцать сбитых.

Мне не верилось, что улетаю надолго, но все же я закончил так:

— Друзья! Если случится, что я не вернусь в родной полк, мы все равно никогда не забудем друг друга. Где бы я ни находился, буду всегда вспоминать вас. Мне всегда будет казаться, что крыло к крылу с вами бью врагов в воздухе. До скорой встречи!

Однополчане были взволнованы не меньше меня. Гурьбой пошли к моему самолету.

— Ну, верный товарищ, — говорю я, обнимая Иванова, — следи за моей машиной, пока не вернусь!

— Постараюсь, товарищ командир! А вы уж старайтесь поскорее вернуться, — отвечает Иванов.

«По-2» готов к полету. Влезаю в кабину. Как несколько недель назад, когда мы летели с Брызгаловым за самолетом Конева, сажусь за управление.

— Полетим еще разок, Паша.

Взлетаем. Над боевым аэродромом круг делать нельзя, но я все же делаю полкруга. Ребята машут мне руками, и я, внимательно осматривая воздушное пространство, беру курс на ближайший тыловой аэродром. Линия фронта осталась далеко позади.

Часть пятая НА СВОБОДНОЙ ВОЗДУШНОЙ «ОХОТЕ»

1. Учебный аэродром

Генерал, к которому меня направили в Москву, совсем еще молодой человек, встретил меня тепло, словно мы уже давно были знакомы. Он начал расспрашивать о положении дел на нашем участке фронта.

Я все время думал: зачем же он вызвал меня? Но, отвечая на его вопросы, увлекся, стал рассказывать о товарищах, о боевых делах и забыл обо всем. Когда я закончил рассказ о самолете Конева, генерал неожиданно сказал:

— Товарищ капитан, вы назначены заместителем командира части на Первый Белорусский фронт. Ваши будущие однополчане, испытанные боевые летчики, живут дружно. В этой части найдете много интересного для себя.

Но до моего сознания дошло лишь одно: придется расстаться с родной частью. А там мой фронтовой учитель Семенов, мой ведомый Мухин… Там все мои друзья… мой самолет, к которому я так привык…

Я попытался убедить генерала, по виду такого мягкого и уступчивого, в том, что до дня окончательной победы мое место в полку, где я рос, закалялся, что я обязан туда вернуться. Но генерал был неумолим, он разбивал все мои доводы.

Он отпустил меня со словами:

— Подумайте до завтра. Я уверен, вы согласитесь со мной.

Всю ночь раздумывал я о том, как убедить генерала, чтобы он разрешил мне вернуться в свою часть, но ничего придумать не мог. Утром явился к генералу, и он, улыбаясь, протянул мне пакет:

— Вручаю вам новое назначение, товарищ капитан. С новыми товарищами вы подружитесь, слетаетесь. Вы там нужны больше. А пока направляйтесь на учебный аэродром, в тыл. Освоите новый самолет и полетите на нем в полк

Генерал дружески простился со мной и пожелал успехов.

Я был направлен на тот самый учебный аэродром, в тыл, где полтора года назад готовился к боевой работе.

Когда я сошел с поезда, на меня нахлынули воспоминания. Перед глазами встали Солдатенко, Габуния… Евстигнеев, Амелин в сержантской форме… «Ла-5» с надписью на борту «Имени

Валерия Чкалова»…

Я прошелся по платформе маленькой знакомой станции. Сюда мы часто ходили гулять под вечер. Приятно было смотреть на тихие улицы.

Послушал радио: в моей старой части и на всем 2-м Украинском фронте затишье.

В штабе меня радушно встретил командир учебного полка:

— Рад видеть и поздравить с успехами, товарищ капитан! Ведь вы у нас уже бывали!

Я удивился его памяти.

— Знать и помнить каждого — моя командирская обязанность, — заметил подполковник. — Вам, верно, не терпится посмотреть на машины. У меня есть предписание разрешить вам выбрать самолет по вкусу. Посоветуйтесь с летчиками-инструкторами, выбирайте самолет и начинайте облетывать.

На аэродроме все было по-старому. На прежних местах, по дороге в столовую, стояли трофейные машины, к которым я так приглядывался полтора года назад. На месте была и наша землянка.

В линейку стояли замечательные отечественные истребители нового типа. Надо было выбрать проверенную машину. Подробно расспросил летчиков-инструкторов, механиков об особенностях новых самолетов. Вместе осмотрели несколько машин. Особенно одобрительно летчики отзывались о самолете за № 27. Я остановился на нем. Это и был тот самый самолет — мой верный боевой друг, который бессменно служил мне до последнего дня войны.

Сразу меня в воздух не выпустили.

Когда механик подготовил самолет, я сел в кабину и тщательно стал ее изучать. Проходил наземную подготовку, определял свое положение в самолете, как когда-то делал это в «По-2» на аэроклу-бовском аэродроме.

Через несколько дней вылетел с инструктором. Только после нескольких провозных полетов стал тренироваться самостоятельно.

В эти дни радио принесло радостные вести: наши войска наступали. На всех фронтах шли жаркие бои.

3 июля утром войска 3-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Белорусского фронта заняли Минск. Представляю себе, какой это праздник для моего друга — ведомого Василия Мухина!

Войска 1-го Белорусского фронта освободили Барановичи и двигались в направлении к Бресту. Советская Армия всюду

выходила на государственную границу СССР.

27 июля наши войска освободили Львов, а 28-го — Брест. Советская Армия наносила фашистам удар за ударом.

С волнением я следил за действиями войск 2-го Украинского фронта. По-прежнему тянуло в родную часть. Войска 2-го Украинского фронта готовились к решительным боям по ликвидации яссо-кишиневского плацдарма немцев.

…С нетерпением жду из Москвы разрешения на вылет. Тренируюсь. Делюсь опытом с молодыми летчиками. Когда говорю с ними и вижу йх любопытные, горящие нетерпением глаза, вспоминаю, в каком радостном возбуждении находился и я перед вылетом на фронт. Стараюсь найти нужные слова и мысли, чтобы помочь новичкам в подготовке к боевой работе. Занят с утра до вечера, но задерживаться в тылу не хочется.

2. День сталинской авиации

В День воздушного флота я по обыкновению рано утром отправился в штаб узнать, нет ли разрешения на вылет Оказалось, оно только что пришло. Я был несказанно рад. Наконец-то после вынужденной передышки вернусь на фронт!

В эту минуту по радио передавали сводку: войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление. У моих старых однополчан горячие дни!

Хотелось вылететь к месту назначения сейчас же. Но надо было «уточнить» погоду. Пока я выяснял, можно ли сегодня вылететь, в штабе появился командир:

— Вас-то я и ищу, товарищ капитан. От души поздравляю с награждением второй «Золотой Звездой»! — Он обнял меня и, широко улыбаясь, добавил, не дав мне вымолвить ни слова: — А наша учебная часть награждена орденом Красного Знамени за успехи в подготовке авиаторов… Я вас сегодня не отпущу. Да и погоды пока нет. Вы должны провести с нами вечер. Ведь вы, товарищ капитан, у нас начали готовиться к боевой деятельности. А завтра утром вас проводим. Решено?

Я был рад и за себя, и за учебную часть. Сколько ее питомцев воюют уже не один год на фронтах Отечественной войны!

Трудно выразить словами все, что я перечувствовал в тот день. Я думал о том, что буду драться с врагом, не щадя своей жизни, стоять насмерть за советскую Родину, что постараюсь отблагодарить партию, великого Сталина, что отныне обязан еще упорнее совершенствовать свою боевую выучку, бить врага храбро и умело; думал о том, как мало еще мною сделано и как много

нужно сделать, чтобы оправдать высокую награду.

В семнадцать часов по приказу Верховного Главнокомандующего Москва от имени Родины салютовала советской авиации.

После салюта командир устроил праздничный вечер, а на следующий день рано утром я вылетел на 1-й Белорусский фронт.

Быть одному в воздухе — непривычно и томительно. Маршрут длинный — несколько сот километров.

Лечу над Белоруссией. Тяжело смотреть на развалины и пепелища. Останавливаюсь в родном городе Мухина — Гомеле. Он так разрушен, что трудно представить, каким он был раньше. Вспоминаются слова Василия: «У меня большие счеты с фашистами». Кончится война, и мы отстроим этот город и тысячи других советских городов. А пока надо сделать все, чтобы скорее уничтожить врага…

Позади уже Барановичи, Брест. Я лечу в прифронтовой полосе.

3. Новые друзья

Часть, куда я был направлен, находилась на аэродроме, расположенном у Вислы. Фронт — в двадцати километрах.

Приземляюсь. Знакомая обстановка фронтового аэродрома. Самолеты в капонирах. Командный пункт тщательно замаскирован.

Смотрю на часы —* 9.00. А на аэродроме полно летчиков. Все машины на местах. «Затишье», — думаю я.

В каждой части свои традиции, свой уклад, как в любой семье. Но, несмотря на это, чувство у меня такое, словно я попал домой. Вероятно, меня уже ждут и летчикам, как это водится в авиационных частях, уже все известно обо мне. Невольно волнуюсь: как встретят?

К моей машине подбежали несколько летчиков. Мы представились друг другу и все вместе пошли на командный пункт

— Давно тебя ждем! — кричит кто-то и трясет мне руку.

Это летчик Васько. Он одновременно со мной учился в школе истребителей. Я встречался с ним в 1942 году на учебном аэродроме. Он уже тогда был боевым летчиком, поэтому и Петро и я завидовали ему.

А вот еще один знакомый — летчик Александ-рюк. Он позже меня закончил училище. На его плечах погоны старшего лейтенанта. Узнаю, что он в паре с ведомым Васько летает с 1943

года.

Летчики рассказывают, что в районе Праги (предместье Варшавы) идут бои, но наша часть в них не принимает активного участия. Сейчас полк готовится, и вылетов бывает мало.

Из командного пункта выходит полковник, Герой Советского Союза. Он быстро направляется к нам.

— Это командир части Павел Федорович Чупи-ков, — говорит кто-то.

Подойдя к командиру, рапортую:

— Товарищ полковник! Капитан Кожедуб прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы.

Командир жмет мне руку и говорит, внимательно глядя на меня:

— Давно вас жду, товарищ капитан… Как летели?.. Теперь будем воевать вместе. Очень ждали вас, когда были горячие дни.

Герой Советского Союза полковник Чупиков подтянут, невысок. Судя по внешности, он человек большой силы воли. Взгляд его серых глаз зорок и внимателен. Он еще молод — ему лет тридцать. Но у глаз уже веером расходятся морщинки, как у всех летчиков, которые много летают и, прищурившись, глядят на солнце. Лицо загорелое, обветренное — значит, он с утра до вечера на аэродроме или в полете. В нем с первого взгляда чувствуется требовательный и вместе с тем заботливый командир.

Позже, поближе познакомившись с командиром, я узнал, что он прекрасный организатор. На фронте он с самого начала войны, имеет большой боевой опыт. Наш командир, испытанный летчик, обладающий прекрасной техникой пилотирования, скромен и трудолюбив.

Полковник очень дорожил честью полка и этого же требовал от летчиков. В полку его любили и уважали. Этот мужественный человек, беззаветно преданный делу партии, готовый на любой подвиг во имя победы над врагами Родины, храбрый воин, не страшившийся смерти, души не чаял в своей семье и в часы отдыха любил говорить о сынишке.

— …Да, у нас сейчас тихо. Стоим на ответственном участке. Готовимся к будущему наступлению, — говорил мне командир, когда мы сели друг против друга на КП и закурили.

И, обращаясь к офицеру штаба, Чупиков отдал приказ:

— Построить личный состав на аэродроме… Я представляю всему полку каждого вновь прибывшего. А то бывает так: появляется в полку человек, занимает определенную должность, а знают о нем только те, кто его непосредственно окружает. А надо, чтобы все знали каждого и каждый знал всех. Потом я вас более

подробно введу в курс дела… А вот и начальник нашего штаба товарищ Топтыгин… Знакомьтесь, Яков Петрович. Наконец-то прибыл мой заместитель!

В первые же дни я увидел, что наш начальник штаба умеет не только поставить задачу, но и разъяснить ее летному составу — ясно, кратко и интересно. Он хорошо говорит, хорошо владеет пером — умеет Яков Петрович с бумагой обращаться, как говорит Чупиков.

Почти вся история полка прошла на глазах начальника штаба. Он тщательно записывает все события. Записи бережет; и если случится налет вражеской авиации, начальник штаба очень волнуется — не пропали бы его материалы: они представляют большую ценность, на них должно учиться молодое поколение летчиков.

…Чупиков представил меня однополчанам, собравшимся у командного пункта. Я вкратце рассказал им о себе. Затем командир повел меня осматривать аэродром:

— Покажу вам наше хозяйство.

По дороге мы встречаем летчиков, и Чупиков каждому дает короткую меткую характеристику.

Знакомлюсь с майором Шебеко. У него резкие, уверенные движения. Он широкоплеч и довольно грузен. Майор энергично трясет мне руку:

— Будем знакомы, товарищ капитан! Надеюсь, скоро в воздухе ближе познакомимся.

Знакомлюсь с Героем Советского Союза майором Азаровым — его зовут в полку «озорным». Сразу видно, что он бывалый истребитель. Лицо у него смелое, открытое. Его ведомый Громов — отважный и искусный «охотник». Оба, как у нас говорилось, «немолодые» летчики. Они дополняли друг друга — это была замечательная боевая пара.

Майору Титоренко, которого представляет мне командир, около тридцати лет, но выглядит он старше. Он служит здесь, в части, с первых дней ее организации, и его прозвали «стариком». Когда часть охраняла небо Ленинграда в начале войны, он в трудном воздушном бою сбил «юнкере», не допустив его бомбить город; не раз Титоренко приходилось прыгать с горящего самолета.

Мои новые товарищи — испытанные в боях летчики. Они производят на меня прекрасное впечатление. Видно, что живут здесь дружно. Во всем чувствуются крепкая дисциплина, спаянность, взаимное уважение, И все же я невольно вспоминаю старых однополчан, своего верного ведомого «Муху».

Навстречу нам шагает подросток лет пятнадцати в

комбинезоне.

— А это кто, товарищ командир?

— Сын нашего полка, — отвечает Чупиков. — Давид, подойди представься моему новому заместителю.

Мальчик подходит, вытягивается в струнку и рапортует:

— Товарищ командир, моторист комсомолец Давид Хайт!

Командир улыбается, ласково похлопывает Хаита по плечу. Затем отпускает его и говорит мне:

— Вот вам и ординарец, товарищ капитан. Давиду много пришлось пережить. У нас все его очень любят, и он горячо предан нашему полку. Хайт — способный, смелый, любознательный паренек. Он работает мотористом самолета лейтенанта Васько, и Васько им очень доволен. Вы, как инструктор, человек, имеющий педагогический опыт, будете следить за его развитием, а уж он о вас как следует позаботится. Думаю, будете им довольны.

Паренек мне понравился — люблю я таких живых, деятельных, общительных и вместе с тем дисциплинированных ребят. Понравилось мне и его решительное, по-мальчишечьи упрямое и подвижное лицо.

4. Баловень летчиков

Мы подходим к самолетам. Нас окружают летчики. Вдруг Чупиков окликает кого-то:

— Зорька, Зорька, иди знакомиться! Оглядываюсь — к нам подбегает косматый круглый медвежонок. Глазки у него весело блестят. Он переваливается и посапывает Я от удивления останавливаюсь. Летчики хохочут.

— Это наш любимец, баловень, — говорит Чупиков, поглаживая медвежонка по широкому лбу.

Медвежонок словно понял, что разговор идет о нем, завертелся и встал на задние лапы. Он был по пояс командиру.

— Ну, ну, потом будем бороться, сейчас некогда… Зорька у нас озорница, но бывает и послушной. Смотрите, просит у вас угощения…

Зорька подкатилась ко мне и тычется влажным носом в руку.

— Товарищ капитан, угостите ее, — говорит Титоренко, вынув из кармана кусок сахара. — Для нее все в карманах таскают угощение.

Зорька осторожно слизывает сахар с моей ладони и ложится на траву.

— У нее «налет» большой, — говорит Чупиков. — Она

перелетает с нами на пассажирском самолете «Ли-2» с аэродрома на аэродром. Прекрасно знает наш распорядок дня, ходит с нами в столовую и ведет себя там примерно. Подобрали ее в карельских лесах совсем маленькой. У нас есть еще зверушки. Кто-то принес раненого зайца, вылечили его, и теперь он у нас совсем ручной. Один из летчиков где-то подобрал ворону с подбитым крылом. Хочет научить ее разговаривать. Она кричит «кар, кар», а он радуется: «Слышите, ребята, как говорит!» Вот и Кнопка явилась. Сейчас будет спектакль…

Черная собачонка, поджав хвост, стоит поодаль от Зорьки. Медвежонок разлегся, косо поглядывает на нее и сосет лапу.

— Хитрит Зорька! — смеется Чупиков. Кнопка, постояв в нерешительности, тявкает,

срывается с места и, семеня, пробегает перед носом Зорьки. И тут Зорька хватает ее. Кнопка пронзительно визжит.

— Медвежонок ее придушит! — говорю я. — Надо вызволить!

— Нет, смотрите, как осторожно держит. А визжит Кнопка от страха. Зовет на помощь. А потом опять лезет в «бой».

К Зорьке подбегает майор Титоренко и вытаскивает из ее пасти Кнопку. Собачонка лижет ему руки и дрожит с перепугу, а Зорька ворчит.

— Ну, чего лезешь, глупая! Ступай на место… А ты чего разворчалась, драчунья!

Летчик спускает Кнопку на землю. Она жмется к его ногам и вдруг, задорно тявкнув, кидается на медвежонка. Тот шлепает ее лапой, и Кнопка отлетает в сторону.

Все хохочут.

— Вот дерзкая собачонка! Очнуться не успела и уже атакует.

5. Первый вечер в новой части

Осмотрев аэродром и все «хозяйство», мы возвращаемся на КП. В тот день вылетов было очень мало. Чупиков, заместитель командира по политчасти майор Асеев, начальник штаба Топтыгин и я долго беседуем. Меня вводят в курс моих обязанностей.

Вечером состоялась политинформация. Ее проводил Асеев. Я особенно внимательно слушаю сообщения о 2-м Украинском фронте: войска фронта прорвали оборону противника, штурмом овладели мощными опорными пунктами — городами Яссы, Тыргу-Фрумос — и успешно продвигались по территории Румынии. Думаю о своих старых друзьях — однополчанах. Они с утра до вечера в боях, а я сижу здесь, вдали от них, и

бездействую…

После политинформации мы поехали в поселок, где были размещены летчики. Зорька с нами.

Устраиваюсь в комнате вместе с Титоренко и Шебеко. Мне все больше нравится Титоренко: у него веселый, спокойный характер. Приглядываюсь к нему внимательно, потому что командир сказал, что чаще всего я буду, очевидно, летать в паре с ним.

В комнату входит полковой врач Капанидзе:

— Ну, как дела? Все здоровы?

— Все в порядке! Спасибо, здоровы! Капанидзе, внимательно, по-хозяйски оглядев

комнату, уходит. Титоренко говорит улыбаясь:

— Наш врач за нами буквально по пятам ходит и в лицо заглядывает. Не успеешь на новое место прилететь — идет сам осматривать помещение, отведенное нам под жилье, столовую, кухню. Сам все белье проверит, по нескольку раз в день заставит дневальных убирать: «Чтобы ни пылинки не было!» А в карманах всегда носит порошки от простуды, головной боли. Заботливый человек!

Титоренко смотрит на часы:

— Надо поторапливаться: в столовой нужно быть ровно в двадцать один час.

— А разве сегодня у вас какое-нибудь торжество?

— Нет, у нас каждый ужин обставляется торжественно. Мы должны являться в срок, без опоздания. Это было заведено еще прежним командиром полка и вошло в традицию.

Приводим себя в порядок и в 20.45 подходим к столовой. Зорька уже трусит впереди и сама открывает дверь.

На столиках, покрытых белоснежными скатертями, стоят приборы. Ко мне подходит дневальный:

— Товарищ капитан, ваше место вот здесь, рядом с командиром полка.

Садимся. Переговариваемся вполголоса. Титоренко говорит, что ужин начнется после краткого разбора боевого дня. Между столиками прохаживается медвежонок. Зорьку подзывают то к одному, то к другому столику. Какой-то летчик шутя кричит:

— Пошел прочь!

И медвежонок, поворчав, отходит.

— Больше к нему не подойдет. У него память хорошая, — смеется Титоренко.

Кто-то подает команду:

— Товарищи офицеры!

Все встают. Входит командир части.

— Пожалуйста, садитесь, товарищи офицеры. — Он оглядывает столики и продолжает: — Я вам уже представил сегодня прибывшего к нам моего заместителя — капитана Кожедуба. Пусть по нашей традиции вновь прибывший коротко расскажет нам о нескольких боях, о том, где воевал, поделится с нами опытом. Вы с ним ближе познакомитесь в процессе работы.

Для меня это своего рода экзамен. Испытанные летчики — слушатели взыскательные. Нового товарища они узнают и по рассказам о проведенных им боях, и по первому полету.

Я встаю и рассказываю о восемнадцати месяцах своей боевой жизни, о том, как много пришлось и приходится работать над собой, о своих боевых товарищах и учителях. Однополчане слушают внимательно.

Командир встает:

— Есть вопросы к товарищу Кожедубу? Вопросов ко мне нет.

— Пожалуйста, садитесь, товарищ Кожедуб, — говорит Чупиков и тихо добавляет: — Вы летчикам понравились. Я очень рад за вас… Теперь, товарищи офицеры, — продолжает он громко, — приступим к разбору летного дня.

Командир методично и сжато разбирает все вылеты и останавливается на особенно удачном вылете пары Александрюка и его ведомого Васько. Летчики, о которых говорит командир, встают.

— Я предлагаю, — заканчивает ort, — тост за прибывшего к нам товарища и за летчиков Александрюка и Васько, отлично выполнивших сегодня боевое задание.

Все стоя пьют за наше здоровье.

— Садитесь, товарищи офицеры. Время ужинать, — говорит командир.

Хорошее впечатление производит на меня несколько необычная, приподнятая обстановка.

Разносят ужин. Зорька, до того спокойно сидевшая в уголке, бегает от столика к столику. В столовой становится шумно: летчики смеются над проделками Зорьки.

Командир мне рассказывает

— Время, затрачиваемое на краткий разбор боевого дня, зависит от количества вылетов. Днем разборы проводятся по группам, а перед ужином, когда все офицеры налицо, я разбираю итоги дня. Порицание или поощрение в присутствии всех офицеров части — очень хорошее средство воспитания. Среди сержантского и рядового состава разборы летного дня проводит мой заместитель по политчасти.

«Крепкий, спаянный полк, с хорошими традициями», — думаю я, и мне хочется скорее вступить в бой крыло к крылу с

новыми однополчанами.

После ужина заиграл баян. Зорька с невинным видом загребает со стола булочку и торопливо ее уплетает. Медвежонка окликнули. Он бежит, переваливаясь и постукивая когтями по полу. Дружный хохот заглушил звуки баяна — Зорька выкинула какой-то номер.

— Товарищи офицеры, можно покурить. Завтра рано вылетов не ожидается, можно и вечер самодеятельности устроить.

Командир протягивает мне портсигар. Закуриваем.

— Я заметил, что до вашего разрешения никто не курил, — сказал я.

— Такой порядок ввел бывший командир полка подполковник Шестаков, погибший в боях в Белоруссии. Замечательный был летчик! Я принял полк после его гибели. Без разрешения командира летчики не курят, не выходят из столовой — он установил такой порядок Выдержку надо вырабатывать в себе даже в мелочах… Ну, теперь, Фомин, запевайте.

Сильным, приятным голосом Фомин запел. Летчики подхватили.

— Хорошо поет Фомин, — заговорил Чупиков. — Это адъютант эскадрильи. У него отличный слух: послушает по радио новую песню и к вечеру ее исполняет, а через несколько дней ее весь полк поет…

Последние слова песни замолкли, и командир неожиданно для меня предложил:

— Попросим товарища Кожедуба спеть нам что-нибудь.

Со всех сторон закричали:

— Спойте, спойте, товарищ капитан! Я даже растерялся:

— Голоса у меня нет, петь не умею.

— Это у нас не принимается во внимание. Поют и танцуют все. Пока не споете — не уйдете.

— Я лучше спляшу гопак. Согласны?

Иду вприсядку в стремительном темпе. Вдруг со всех сторон закричали: «Зорька, Зорька!» Кто-то крепко толкнул меня в бок. Раздался оглушительный хохот: ко мне неслышно подкатился медвежонок. Увертываюсь от Зорьки и вприсядку обхожу комнату — медвежонок за мной.

Я вскочил и повалил его на обе лопатки. Летчики смеялись, хлопали, кричали «бис». И я почему-то сразу почувствовал себя в кругу родных людей. Неуловимая натянутость, которая всегда бывает, когда попадаешь в незнакомую обстановку, исчезла.

Время шло незаметно. Чупиков, посмотрев на часы, объявил:

— Товарищи офицеры, наш вечер закончен. Пора отдыхать. Спокойной ночи!

…Титоренко, Шебеко и я пришли в свою комнату, зажгли свет. На одной из постелей кто-то лежит, накрывшись с головой одеялом. Посмотрели — да это Зорька! Положила голову на подушку и мирно спит.

Мы так хохотали, что прибежали летчики из других комнат. Стали будить медвежонка. Он ворчит, лапами отмахивается и ни с места. Осторожно стащили его и положили под койку. Зорька поворчала-поворчала, видит — делать нечего, и снова заснула.

6. Вхожу в жизнь аэродрома

Рано утром меня разбудил толчок. У моего изголовья сидит медвежонок и, посапывая, старательно вылизывает лапу. Пока мы умывались, делали зарядку, медвежонок, не дождавшись нас, помчался в столовую.

Едем на аэродром. Медвежонок сидит на крыше кабины — он тяжелый, его не сдует Вид у него важный, словно он понимает, что едем по делу. Аэродрома еще не видно, но Зорька уже почуяла запах бензина, масла, краски, особый, волнующий запах летного поля. Воздух, набегая, щекочет ей нос. Она ворочает головой, ворчит, возится.

Подъехали. Медвежонок бросился к КП, обежал его несколько раз и тогда только успокоился.

Так каждое утро Зорька приветствует аэродром.

После обеда на аэродроме проводится конференция.

Мы расположились на траве под елками у окраины летного поля. Собрались и бывалые летчики и молодежь, только начинающая боевой путь.

Конференцию ведет командир полка. Летчики делятся боевым опытом, обсуждают вопросы теории и тактики, разбирают боевые вылеты.

Иногда я задаю вопросы молодым пилотам — мне хочется познакомиться с ними еще на земле.

Интересно и поучительно выступление Азарова. Его излюбленный метод — огонь с короткой дистанции. Он рассказывает о своем методе ведения боя и о том, как его применяет. Его слетанность с ведомым Громовым напоминает мне наши действия в воздухе с Мухиным.

Один молодой летчик спрашивает меня:

— Чем объяснить, что вы, сбив сорок пять самолетов врага, сами не были ни разу сбиты?

Вопрос был несколько неожиданным. Я на минуту задумался и ответил так:

— Ничего нового и особенного я вам не скажу, хотя по этому вопросу можно было бы сделать целый доклад. В процессе работы мы часто будем беседовать с вами о том, какие качества должен развивать в себе каждый из нас для достижения победы. Сейчас отвечу вам вкратце, как говорится, по существу. Я сбил сорок пять самолетов врага, следовательно, не меньше сорока пяти раз хотели сбить и меня. Конечно, на войне все бывает, но чаще погибает тот, кто боится. Такова логика боя. Надо морально воздействовать на врага, навязывать ему свою волю. Здесь и должны проявляться моральные качества советского человека, его воля к победе, сила его идейной убежденности. Надо воздействовать на врага и мастерством, внезапностью — в ней ошеломляющая сила. Используя все летно-тактические качества машины и технику пилотирования, нужно бить врага с короткой дистанции. В воздушном бою я действую расчетливо, все взвесив, и в то же время молниеносно. Здесь счет идет на секунды. На войне я научился сдерживать ярость, которая овладевает тобою в бою, не горячиться, не терять самообладания.

Летчики просят рассказать о моей тактике боя, о том, как думаю работать с группой. Делюсь с ними опытом.

Говорю о том, как важен расчет при полете на большой скорости, как, например, важно рассчитать, с какой дистанции следует открывать огонь. Высказываю ряд мыслей, формулировок, выводов, которые дал мне опыт боев на Курской дуге, на Днепре, под Яссами. В буднях своей боевой работы я и сам не заметил, какой у меня накопился большой опыт. И сейчас, в беседах с молодежью, пытаюсь осмыслить его, критически оценить. Потом мы заговорили о работе пар, слетанности ведомого и ведущего. Каждый рассказывает о своем опыте, и я внимательно прислушиваюсь — порой на земле можно узнать, как будет вести себя летчик в воздушном бою.

Конференция закончилась, но мы еще долго не расходимся, продолжаем оживленно беседовать. Вдруг со стороны КП раздается грохот. Все вскакивают. Оглядываюсь: упала маскировочная ветвистая ель.

— Это Зорька свалила маскировку! — кричат летчики. — Только бы медвежонок не разбился!.. Товарищ командир, разрешите посмотреть?

Чупиков разрешает. Я иду тоже: забавный, ласковый, озорной медвежонок стал и моей слабостью. Часовой — молодой боец — смущенно рапортует Чупикову:

— Товарищ командир! Я и не заметил, как медвежонок на дерево залез. Слышу — ветки трещат. Подбежал, а елка в сторону от меня качнулась и упала.

Летчики собрались вокруг КП. Из-под длинных косматых веток как ни в чем не бывало вылезла Зорька; она отряхивается и весело поглядывает на нас.

7. Воздушные «охотники»

Вечером сижу на КП с командиром полка и его заместителем по политчасти майором Асеевым. Они знакомят меня с личными качествами однополчан.

— У нас за каждым летчиком закреплен самолет и у каждого летчика постоянный напарник, — рассказывает Асеев. — В парах большое единство. За время подготовки прекрасно слетались летчики, прибывшие к нам сравнительно недавно.

Герой Советского Союза Азаров и его ведомый летчик Громов летают вместе с сорок третьего года. Их работа построена на взаимном доверии. Азаров — дерзкий летчик, обладающий прекрасной техникой пилотирования. У него недостаточно острое зрение, поэтому ему не раз предлагали перевод в тыл, но он ни за что не соглашается покидать фронт. Поступают они так. Громов издали замечает противника и сообщает об этом Азарову: «Азарыч, я, Громов, вижу противника». Азаров спрашивает: «Где?» Громов его наводит. Тогда Азаров подает команду: «Вижу, иду в атаку». После этого Громов оттягивается назад, прикрывает хвост самолета Азарова, тот атакует противника и, как правило, сбивает с короткой дистанции.

Раз был такой случай: Азаров расстрелял фашистский самолет, но и сам столкнулся с ним. Пришлось Азарову выброситься с парашютом. Его стали преследовать четыре вражеских истребителя. Громов не ушел, прикрывая приземление Азарова. Внезапностью своих атак он нагнал такой страх на фашистов, что они перешли к обороне. Громов сбил один самолет. Энергично бросая свою машину из стороны в сторону, он один связал боем трех фашистов. Азаров тем временем благополучно приземлился на нейтральной полосе и, несмотря на огонь вражеских автоматчиков, добрался до расположения наших войск. Воины наземных частей с волнением следили за самолетом Громова и приземлением Азарова. Они встретили летчика ликованием. «Мессеры» покружились и улетели на запад. А Громов, прилетев додоой почти без бензина, с полчаса не мог произнести ни слова. Первое, что он сказал: «Азарыч жив! Такие всегда побеждают».

Мы заговорили о храбрости, о значении внезапной атаки, о выдержке летчика в бою. Вспоминали разные случаи из боевой

практики. Чупиков верно подметил то, что хорошо знакомо мне самому: в первый вылет летчику кажется, что вокруг него много разрывов зенитных снарядов, кажется, что все вражеские зенитки стреляют именно в него. Но постепенно он привыкает к этому. Зенитных снарядов не меньше, но опыт растет, и никакой опасности они уже не представляют, потому что летчик искусно и спокойно делает противозенитный маневр.

Командир летает с 1941 года. Его не сбивали ни разу.

— Меня не сбивают, потому что я сам ищу врага, — говорит он. — Кто боится, тот наверняка погибнет. Я расскажу вам об одном очень характерном случае. Это было в 1943 году. Мы втроем летали вдоль линии фронта, прикрывая наземные войска. Я заметил четырнадцать «фоккеров». Сообщил ведомым. Один из них отвечает «У меня бензин на исходе». — «Не уходи! — кричу ему. — Надо дать бой врагу». А он мне свое: «Бензин на исходе, время вышло, ухожу». Я был возмущен, когда увидел, что он отвернул от нас и стал уходить. Но не успел он отойти, как «фокке-вульф» открыл огонь по хвосту его самолета и он свечой пошел к земле. Мы остались вдвоем. Бензин действительно был на исходе и время истекло, но я знал, что противник тоже долго не продержится. Значит, все зависит от того, кто дольше выдержит, кто расчетливее. Враг, очевидно, думает, что мы выполняем роль своеобразной приманки, и не атакует нас, кружит в стороне, выбирает момент Так проходит еще несколько минут. Вдруг немцы стали уходить: или бензин у них кончался, или на уловку пустились — не знаю. Кричу товарищу: «Атакуем!» Завязался бой. Машину кидаю так, что не вижу, где небо, где земля, и с ходу сбиваю самолет противника над его же территорией. Мой ведомый стал уходить, но, как только вышел на прямую, его сбили. Он потом восемь месяцев пролежал в госпитале, а я благополучно вернулся домой. Правда, обессиленный, взмокший, охрипший, но с победой! «Фоккеры» улетели восвояси, не сбросив ни одной бомбы на наши войска…

И еще об одном примере боевой выдержки рассказал нам командир полка:

— Летчик Шебеко повел однажды группу на боевое задание. Истребители пролетали над окруженной вражеской группировкой. У летчика Геращенко как раз в эту минуту отказал мотор. Он вынужден был произвести посадку. Сообщает об этом по радио Шебеко. Тот развернул машину и вместе с группой стал прикрывать посадку Геращенко до самой земли — отгонять немцев, пока Геращенко не добежал до окопов и не скрылся в них. Тогда только наша группа улетела. Геращенко нам потом рассказывал: «В окопах лежал плотный наст льда. Я заметил

довольно большую трещину, заглянул — вижу, на дне вода, а между нею и ледяным настом свободное пространство. Я спрыгнул в воду и скрылся под ледяную крышу. Слышу, идут немцы. Они меня ищут, шагают прямо над моей головой, кричат, ругаются. Долго искали, но так я не нашли: им и в голову не пришло, что я сижу в ледяной воде». Так он просидел до темноты, а ночью вылез, дошел до деревни. Какая-то старушка дала ему одежду. Он несколько недель скрывался, наконец перешел линию фронта и вернулся в часть…

Да, крепкие летчики были в этом полку, испытанные и закаленные в боях.

8. О свободной «охоте»

Передо мной поставлена задача: вылетать на свободную «охоту». Внимательно присматриваюсь к товарищам, которые уже имели опыт в этой новой для меня области боевой деятельности. Когда я выполнял задания по прикрытию наземных войск, мне не приходилось долго искать врага, он сам направлялся к полю боя, применяя различные уловки, и мы своей группой должны были его уничтожать, охранять от него наши наземные войска, переправы. «Охотникам» же отводился район «охоты», где производился свободный поиск воздушного противника. «Охотник» должен был знать не только воздушную обстановку, но и действия наземных войск. Тогда он легче и быстрее находил врага, как бы определяя замысел врага в зависимости от обстановки на земле. «Охотники» вели поиск не только воздушного противника — они уходили далеко в тыл врага, за десятки километров от линии фронта, и «охотились» за вражескими автомашинами, эшелонами, уничтожали живую силу и технику противника.

Искусство свободной воздушной «охоты» трудно и увлекательно. Искать врага нелегко. Но если будешь искать — найдешь. Умение искать врага у меня выработалось, когда я охранял наземные войска. Тогда, чувствуя свою огромную ответственность за них, я всматривался в даль, чтобы заранее разглядеть вражеские самолеты, выиграть время, отыскать врага до его подхода к советским наземным войскам и нанести наибольшее поражение противнику.

«Охота» потому и называется свободной, что летчик свободен выбрать цель и время атаки. Воздушный «охотник» должен бить наверняка. Когда я прикрывал наземные войска, то первым атаковал немцев, в каких бы условиях ни находился. Так надо

было: в любых условиях* вступать в бой, любой ценой отогнать врага от наших наземных войск. Воздушный «охотник» не должен атаковать, если положение для него невыгодно, — он внезапно наносит удар и внезапно выходит из боя. Все основано на воле, опыте, расчете. Когда летишь на «охоту», то стараешься пересечь линию фронта в самом «тихом» месте, смотришь вперед, используя метеорологическую обстановку, фон земли. Прощупывая в воздухе все «этажи», наконец находишь цель — вражеские истребители; они или прикрывают важные объекты противника, или возвращаются с задания. Потом снижаешься на поиск немецких бомбардировщиков и транспортных самолетов. Если воздушного противника нет, то атакуешь наземные цели. «Охотник» должен построить правильный маневр, атаку производить внезапно и своей внезапностью ошеломить врага, а главное — поразить его, уничтожить. В этом цель воздушной «охоты».

9. Затишье

В те дни, когда в моем старом полку шла напряженная боевая работа, когда войска 2-го Украинского фронта вели бои на подступах к Бухаресту, на нашем участке продолжалось затишье. Мы готовились к предстоящим большим, напряженным боям.

В воздушном бою многое зависит от личных качеств летчика, от его готовности к риску и самопожертвованию, от его воли к победе. «…Но смелость и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона — не менее важная — это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями». Эти слова, сказанные товарищем Сталиным на приеме летчиков-героев Чкалова, Байдукова и Белякова после их перелета через Северный полюс, призывали нас настойчиво учиться и готовиться к грядущим боям. Рассчитывать только на свою смелость, бесстрашие и даже на старый опыт мы не могли. Надо было искать новые тактические приемы, вдумчиво изучать поведение противника.

Мне хочется поскорее начать боевую деятельность в новом полку, дать боевое крещение моему новому самолету. Но пока я веду теоретические занятия с молодыми летчиками, слежу за тренировкой пар, тренируюсь сам, веду разборы полетов.

Молодые летчики прислушивались к каждому слову опытных пилотов. Это заставило меня еще старательнее готовиться к занятиям, анализировать собственный опыт, решать, что из этого

опыта в первую очередь следует передать молодежи. Я следовал своему старому правилу: учил и учился сам.

Хорошо занимались растущие, способные летчики Стеценко, Громаковский, Орлов, Кромаренко. С Громаковским, храбрым, скромным и знающим летчиком, у нас быстро установилась дружба. Мне нравилось, что он много работал над собой. Стеценко на занятиях был внимателен, а на отдыхе весел. Он очень любил летать. Бывало «обивает» порог командного пункта и просит «Товарищ командир, разрешите полететь». Кромаренко за несколько дней до моего прибытия вернулся из госпиталя. И он и Орлов были отважными, грамотными летчиками. Все они упорно совершенствовали технику пилотирования.

Командир, человек вдумчивый и наблюдательный, сказал мне как-то:

— Вы замечали, что если коллектив хороший, то те, кто похуже, подтягиваются? Мне иногда встречались летчики, которые говорили: «Он хорошо сделал, а я бы сделал еще лучше». В боях — а в них проверяются все качества летчика — выяснялось, что это пустые слова. Такие летчики сторонятся опыта других и не делятся своим. Они сами не растут и не помогают расти другим. Таких и надо подтягивать.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами, изучая каждого.

По душе мне пришелся юный ординарец Давид Хайт. Он был очень заботлив: никогда не приходилось ни о чем просить его — Давид сам все замечал и все помнил, и я чувствовал, что он привязался ко мне.

Не знаю, когда он успевал незаметно для меня пришить мне воротничок, почистить обмундирование, то есть позаботиться о всех тех мелочах, на которые, казалось, ему некогда обращать внимание, потому что нагрузок у него было немало. Он был посыльным на КП, и ему часто давали поручения. Исполнял он их быстро и четко. Целый день бывало носится по аэродрому или возится у самолета лейтенанта Васько. Давид был активным комсомольцем и принимал деятельное участие во всех мероприятиях, проводимых комсомольской организацией нашей части. Он очень любил технику, все схватывал на лету.

Как-то вечером после напряженной боевой подготовки, когда и Хаиту как посыльному на КП пришлось немало побегать, я мимоходом сказал ему:

— Тебе надо изучить шоферское дело, Давид. Уверен, что ты его освоишь быстро.

— Я, товарищ командир, на мотоцикле хотел бы ездить. Тогда бы одним духом все поручения выполнял.

С этого дня я часто видел, как Давид возится у мотоцикла. Однажды я шел на КП. Меня обогнал мотоциклист — это был мой ординарец Давид. Он заметил меня, оставил управление и, заложив руки в бока, лихо завернул к КП. Соскочил, подошел ко мне и, встав по стойке «смирно», доложил:

— Товарищ командир! Ординарец Хайт. Задание выполнено, мотоцикл освоен.

— Да ты просто молодец! Когда ты успел так натренироваться?

Он весело рассмеялся, а потом серьезно сказал:

— Товарищ командир, ведь вы сами мне говорите, что комсомолец должен уметь добиваться цели.

10. Гвардейское знамя

В первых числах сентября 1944 года полку, в котором я стал служить, было присвоено звание гвардейского.

Мы поздравляли друг друга, настроение было праздничное.

Вечером Асеев сделал доклад о воспитании личных качеств советского офицера, о том, к чему обязывает нас гвардейское знамя.

После доклада было много выступлений. Вспоминали прошедшие бои, говорили о будущих.

С нетерпением мы ждали гвардейского знамени.

Через несколько дней нам вручили гвардейские значки. Из штаба авиасоединения сообщили, что скоро знамя нам будет вручать заместитель командира авиасоединения. Весь полк радостно готовился к этому большому празднику.

Генерал-майор приехал днем. Весь личный состав части выстроился в стороне от КП. Мы не сводили глаз со знамени, стоявшего в открытой машине и завернутого в чехол защитного цвета.

Была назначена знаменосная группа во главе с начальником штаба. Титоренко и Азаров — ассистенты. Я — знаменосец. Мы заняли свои места на правом фланге строя.

Командир полка подошел к генералу и отрапортовал. Генерал-майор поздравил нас. Со знамени сняли чехол, алое полотнище развернулось.

Ликующее, мощное «ура» понеслось по аэродрому.

Знамя было вручено командиру полка.

Опустившись на одно колено, он торжественно поцеловал знамя. Мы тоже преклонили колени.

Командир полка начал громко, прочувствованно произносить

слова клятвы гвардейца. Мы повторяли ее. Слитно, мощно звучала наша клятва, клятва воинов, готовившихся к последним, решающим боям.

Я принял знамя из рук командира, и наша знаменосная группа прошла перед всем строем. Каждый ряд встречал знамя громким, радостным «ура». То были прекрасные, незабываемые минуты.

11. Стажер

Через несколько дней к нам на стажировку прибыл майор Яков Филиппов, способный летчик. У него еще не было боевого опыта, и мне поручили брать его ведомым на задания. Но вылетов было мало, поэтому Филиппов ходил сумрачный: он с нетерпением ждал приказа на вылет.

Наконец получаю задание в паре с Филипповым вылететь на «охоту». Получаем последние данные о наземной и воздушной обстановке в полосе, отведенной для «охоты». Делаю заметки на карте: здесь расположены вражеские аэродромы, зенитки, тут шоссе и железная дорога. Учитываю район действия наших штурмовиков и бомбардировщиков. Если в воздухе встретятся «илы» или «Петляковы», то почти наверное встретятся и вражеские истребители: они обычно стараются увязаться за нашими штурмовиками и бомбардировщиками.

Вылетаем рано утром. В воздухе спокойно. Вражеских самолетов не видно. Даже зенитки не стреляют. Углубились километров на шестьдесят в тыл немцев. Решаю атаковать наземную цель. Скорость у нас хорошая. Внезапно выскакиваем на железнодорожную станцию. Там на пути стоит до двенадцати эшелонов, несколько паровозов под парами. Сейчас зенитки откроют огонь. Не задумываясь передаю Филиппову по радио: «Делаем противозенитный маневр». Бросаем самолеты из стороны в сторону, и зенитки действительно открывают огонь, снаряды разрываются в хвосте машины. Надо идти на хитрость — подождать, пока состав не выйдет на перегон.

Отлетели в сторону. Наблюдаем. Зенитки прекратили огонь, но ни один эшелон не трогается с места. А время, отведенное на «охоту», подходит к концу.

Смотрю — на разъезде стоит еще один состав. Командую ведомому: «Прикрой, иду в атаку». Атаковать пришлось с бреющего полета. Открыл огонь — вижу, снаряды попадают в вагоны. Когда я проскочил над ними, меня качнуло — несколько вагонов взорвалось. Значит, эшелон был с боеприпасами.

Филиппов — новичок, поэтому, когда мы вернулись, он без конца, рассказывал о нашей «охоте», о том, как мы попали под обстрел, и уверял, что все зенитки били именно по моему самолету.

— Видали, гады, что вы ведущий!.. А почему вы не атаковали эшелоны на станции?

— Нельзя увлекаться. Цель, конечно, была заманчивой, но нас в этот момент сбили бы. Для «охотника» очень важны предусмотрительность и выдержка.

12. Командировка

Прошло несколько дней. Как-то утром после политинформации меня вызвали к командиру. Получаю приказ: срочно вылететь во главе группы в десять самолетов на 3-й Прибалтийский фронт.

В Прибалтике фашисты упорно сопротивляются. Но наши войска, несмотря на трудные условия — болота, леса, озера, — опрокидывают немцев. Враг отступает. На один из участков 3-го Прибалтийского фронта немцы перебросили опытных «охотников». Моя группа должна очистить воздух от вражеских самолетов, обеспечить свободу действий нашей авиации.

— Наконец-то дождался! — говорю я Чупико-ву. — Без настоящего дела надоело сидеть.

Он смотрит на меня и понимающе улыбается:

— Вылет назначен в десять ноль-ноль. Времени на сборы достаточно. С вами пойдет пассажирский самолет «Ли-2» с техниками. Можете взять с собой Зорьку.

— Очень хорошо, ребята будут довольны — всем «домом» полетим!

Получаю указания о воздушной обстановке на трассе. Пока техники готовят самолеты, собираю летчиков. Мы подробно рассматриваем карту, наносим маршрут, изучаем трассу перелета и район предстоящих действий.

Командир говорит напутственное слово, и мы идем к машинам, чтобы в последний раз проверить их

Ко мне подходит Хайт:

— Разрешите обратиться, товарищ командир? Я не лечу с вами… Вы будете над моими родными местами, над Ригой… — У него от волнения сорвался голос, он побледнел. — Бейте фашистов, товарищ командир! Вспомните меня, а я все время буду думать о вас.

Увожу Хаита под крыло самолета, успокаиваю его. Я слышал, что у него больное сердце.

— Тебе худо, Давид?

Он старается улыбнуться:

— Да, сердце пошаливает, надо клапаны заменить.

Вглядываюсь в умное, печальное лицо этого храброго паренька. Я знал, что до войны он жил в Риге с родителями. Его отец — краснодеревец. Мать занималась домашним хозяйством, растила сына. Когда немцы вторглись в Латвию, Хаиту было лет тринадцать. Он решил уйти в Советскую Армию и сказал об этом отцу. Тот одобрил его желание. Мать, рыдая, умоляла мальчика не уходить. Отец ее убедил. Давид, сговорившись с товарищем, вечером ушел из дому. У моста, занятого немцами, фашисты открыли по мальчикам огонь. Товарищ Давида был убит, а ему удалось убежать. Он добрался до маленького отряда рижан и с ними вышел в район расположения советских войск. Так Давид попал в нашу часть, стал «сыном полка». Здесь он вступил в комсомол. В полку Хайт чувствовал себя как в родной семье. Давид знал, что в Риге фашисты уничтожали еврейское население, и беспокоился о своих родных. Поэтому он так взволновался, когда узнал, что я лечу во главе группы летчиков на борьбу с фашистскими «охотниками», что буду участвовать в боях за освобождение его родного города…

Через час мы были готовы к полету.

Нас провожали летчики. Раздалась команда: «По самолетам!» Я пожал руки остающимся на аэродроме товарищам, обнял Давида и сел в кабину. Давид что-то взволнованно кричал мне. Мы взлетели и взяли курс на север…

Садимся на полевой аэродром на границе Латвийской и Эстонской ССР. Здесь район ожесточенных боев. Идет наступление наших войск на Ригу.

Самолетов на аэродроме немного — почти все ушли на боевое задание.

— Кстати прилетели, очень кстати! — говорили нам товарищи, находившиеся на аэродроме.

В это время приземлился «Ли-2», зарулил на стоянку, и до меня донесся дружный смех: вокруг «Ли-2» кубарем катался, приветствуя землю, наш взъерошенный, ошалевший от перелета медвежонок.

В штабе авиасоединения мне сказали:

— Вам предстоит серьезная задача. Фашисты бросили сюда матерых воздушных волков. Они нам крепко мешают. Ознакомьтесь с боевой обстановкой и завтра с утра начинайте действовать.

13. Бой с немецкими «охотниками»

В первый день мы тщательно, подробно знакомились с районом полетов, а на следующий начали искать противника. Мой первый вылет был неудачен. В паре с Титоренко пересекли линию фронта. Зашли «на солнце». Местами слой облаков тонок. Пробиваем его. Ищем фашистские самолеты. Ходим на разных высотах, курсах, залетаем в район вражеского аэродрома и, оставаясь незамеченными, подкарауливаем врага, чтобы сбить на взлете. Мы пробыли над территорией врага почти час и вернулись домой ни с чем. Было очень обидно, и у нас обоих от этого вылета остался неприятный осадок.

22 сентября вылетаю с молодым летчиком Шараповым — он прекрасно держался в паре.

Мы над территорией противника. Восемь вражеских самолетов направляются к линии фронта. Осматриваюсь кругом и захожу к ним в хвост. Немцы, не замечая нас, спокойно продолжают полет. Но нас заметили с земли вражеские зенитчики.

Поздно! Я вплотную пристраиваюсь к крайнему самолету, открываю огонь. Немец перевернулся через крыло и рухнул вниз, прямо в лес. Летчик выбросился с парашютом. Остальные бросились удирать.

Набираю высоту. Смотрю — нет моего ведомого. Сзади меня в воздухе разрывы зенитных снарядов. На душе тревожно: вероятно, Шарапов сбит вражескими зенитками. Я должен отомстить за товарища, не уйду без боя! В это время в воздухе появились шесть «фокке-вульфов». Они направлялись к линии фронта. Я один, без прикрытия. «Сбить ведущего!» — даю себе команду. Захожу сзади, со стороны вражеской территории. Ведущий замечает меня. Пытается набрать высоту, но я его настигаю, открываю огонь, и фашистский самолет падает вниз. Летчик прыгает с парашютом. Пятерка остальных «фоккеров» пустилась наутек. Они, видимо, предполагали, что я не один. Но вот появляются еще четыре «ФВ-190». Это, очевидно, вражеские «охотники», вызванные по радио.

Вступаю в бой со свежей четверкой. «Фокке-вульфы» пытаются выйти выше меня, но им это не удается. Один вражеский «охотник» особенно напористо старается набрать высоту, чтобы ударить сверху. Пока я был отвлечен тремя остальными самолетами, он отошел чуть в сторону и начал набирать высоту. Трассы прорезали воздух. Я заметил уловку немца, ринулся на него и заставил, правда недобитым, уйти на запад. Вражеская тройка заметалась. Немцы приняли оборонительный круг и начали оттягивать меня еще глубже на свою территорию.

Время, отведенное мне на «охоту», подходило к концу. Я резко и неожиданно для врага взмыл вверх. И немцы, словно от погони, стали уходить на запад. Направляюсь домой, с тревогой думая о ведомом. Он не вернулся.

В этот день все летчики доложили мне об успешном выполнении задания. Наша группа сбила несколько самолетов.

Я запомнил место боя с «фокке-вульфами», и через несколько дней, когда наши войска освободили район от немцев, мы нашли очевидцев воздушного боя. Старик-крестьянин рассказал:

— В этом лесу было много немцев. И когда появилось восемь самолетов, а к ним сзади подошли еще два, то сильно начали бить зенитки. Я не мог разобрать, какие самолеты наши, какие — немецкие. Вижу — снаряд попал в задний самолет. Летчик начал спускаться на парашюте. А фрицы хохочут, орут: «Рус, рус!», злорадствуют. Советский летчик приземлился и побежал в лес. Что было с ним дальше — не знаем. Смотрим, появляется еще парашютист. Сердце у меня даже заныло: думаю, еще одного советского летчика подбили. Женщины заплакали. А немцы довольны, галдят, пальцами на парашютиста показывают И вдруг видим — на землю опускается фриц. Как же мы обрадовались! А когда перед носом немцев появился третий парашютист, тоже немец, они завопили: «Капут, капут!»

Вот все, что удалось нам узнать о товарище.

14. В горячих боях

Я стал выбирать нового ведомого. Остановился на летчике Иване Щербакове. Он был старым, опытным работником авиационной школы и подготовил не один десяток боевых летчиков. Сам он попал на фронт недавно. У Ивана Щербакова слух был неважный, но в воздухе благодаря шлемофонам слышал превосходно.

Пилотировал он хорошо, но мне хотелось проверить его боевые качества. Говорили, что он очень горячится в бою, чуть завидит противника — бросается на него очертя голову. Это обстоятельство следовало учесть.

Вылетели мы с ним парой. Над территорией врага я заметил впереди, ниже нас, два вражеских самолета. Щербаков был чуть ближе к ним. Не успел я оценить обстановку, как услышал голос Ива-, на. Нарушая дисциплину, он крикнул мне:

— Прикрой, я атакую! — и бросился на немцев. Один вражеский самолет упал. Но в этот миг на

Щербакова бросилась вторая пара — она заходила сбоку, в

хвост его самолета.

Передаю ему: «Щерба, сзади фрицы!» — и захожу в хвост одного из самолетов. С первой очереди сбиваю его. В это время на меня сверху «навалилась» еще одна пара. Я завязал с ней бой. Туго пришлось нам — мой ведомый своим тактически неправильным, необдуманным ходом нарушил весь порядок

На аэродроме после посадки я подозвал Щербакова и долго говорил с ним. Тщательно, до мелочей, разобрали мы наш бой.

— Запомните раз и навсегда, — сказал я, — нельзя нарушать боевой порядок пары.

Хорошо дралась пара Александрюка и Васько, и я поставил в пример другим спаянность и согласованность их действий.

Так, оттачивая свое мастерство, мы били врага.

…Мы целый день в воздухе. На большой высоте перелетаем через линию фронта. Внизу дымка в ярких разрывах — на земле идет жаркий бой. Видны пожары: немцы, отступая, жгут дома, станции, склады. Зарево полыхает днем и ночью. Летая над

Ригой, часто вспоминаю своего ординарца. Ищу воздушного противника…

Прибалтийские фронты — 1-й, 2-й, 3-й — наносят врагу удар за ударом.

Наша группа за несколько дней очистила от немецких «охотников» порученный нам участок фронта. Мы сбили двенадцать вражеских самолетов. У фашистских «охотников» пропало желание залетать на нашу территорию. Они стали уклоняться от боя и, по всему чувствовалось, были сильно деморализованы.

15. «Домой»

После изнурительного летного дня мы едем на отдых в поселок. У нас во дворе живет рыжий песик. Зовут его Джек. Сначала он побаивался Зорьки, скулил, когда она появлялась, забивался в угол. Но когда медвежонок решил расправиться с ним, как с Кнопкой, Джек зарычал и вцепился Зорьке в ухо — нашел уязвимое место. Медвежонок взвыл и бросился наутек. Несколько дней они выжидающе поглядывали друг на друга. А как-то утром я увидел умилительную картину: медвежонок спит, а рядом, положив голову ему на лапу, дремлет Джек

Мы стали брать Джека с собой на аэродром. Он первый выскакивал из машины и вместе с Зорькой носился вокруг самолетов. Пес был сообразительный, аккуратно брал свою порцию, съедал ее в сторонке, быстро научился служить. Забавная

была парочка — Зорька и Джек! Неуклюжий медвежонок и юркий песик спешат по аэродрому в столовую. Зорька сопит, переваливается, а Джек семенит, хвост у него кренделем. Джек подскочит, шаловливо куснет за ухо медвежонка, тот замахнется лапой, и начинается борьба. Потом, видимо, спохватятся и мчатся наперегонки в столовую.

Хозяйка, старая и болезненная женщина, исстрадавшаяся за время немецкой оккупации, рассказывала, что, когда здесь были немцы, фашистский офицер раз чуть не убил собаку: он изо всех сил ударил Джека сапогом. Долго Джек пролежал на месте, а потом исчез. Явился худой, отощавший, когда немцы уже были изгнаны из этих мест.

…Прошло еще несколько дней. Бои шли на ближайших подступах к Риге. Задание командования выполнено, получаю приказ вернуться с группой в свою часть.

Чуть свет мы были уже на аэродроме. Собираясь в обратный путь, прихватили с собой и Джека — хозяйка нам его подарила. Мы погрузили все свое «хозяйство» в «Ли-2», тепло попрощались с летчиками и полетели «домой».

16. Письмо от отца

Наша часть находилась на старом месте. По-прежнему было затишье. Нас ждали с нетерпением. Весь полк, выстроившись на аэродроме, встречал мою группу.

Я поздоровался с летчиками и кратко отрапортовал командиру о результатах командировки.

Чупиков похвалил нашу группу и, крепко пожимая мне руку, сказал:

— О тактике и методах боя с немецкими «охотниками» доложите завтра на конференции.

Там, где приземлился «Ли-2», собралась целая толпа. Джек виновато вилял хвостом: у него в воздухе был приступ «морской болезни». Зорька же была в неистовом восторге: она узнала «дом» и бросалась от одного летчика к. другому. Кто-то притащил Кнопку. И когда медвежонок по обыкновению схватил ее и она завизжала, Джек в два прыжка очутился около Зорьки. Он стал, рыча, теребить медвежонка за ухо. Зорька рявкнула и выпустила Кнопку, но на Джека не напала: они мирно уселись рядом.

Радостно встретил меня Хайт. Он притащил целую пачку писем.

Сначала я прочел письмо отца. Меня потрясло его сообщение: старший брат Яков погиб в 1942 году в боях под Сталинградом.

Отец писал также о том, что вернулось несколько человек, угнанных немцами в рабство вместе с моим братом Григорием. Они рассказывали, что Григорий попал в группу советских людей, отправленных фашистами в концлагерь под Люблином, очевидно в Майданек. Этим все было сказано. Они говорили, что Григорий был настолько слаб, так исхудал от всех истязаний и мук, что, вероятно, и не доехал до Майданека.

О Якове и Григории отец сообщал кратко и скупо. Видно, ему было тяжело писать. Каждый поймет, что я пережил, узнав о гибели братьев, особенно о том, как погиб Григорий.

Отец заканчивал письмо так: «Из-за тебя, сынок, и меня уважают. Но, делая свое дело, помни, что не для себя лично ты воюешь, не для своей славы, а ради всего нашего советского отечества».

Пришло письмо и от старых однополчан. Василий Мухин, как всегда тепло, писал, что товарищи меня вспоминают, что воюют они неплохо, особенно отличается Евстигнеев. Наспех, перед боевым вылетом, Василий сделал приписку: «Очень горюю, что не могу перевестись к тебе. Без тебя мне скучно и на земле и в воздухе. Где бы нам назначить друг другу встречу — в Ображеевке, Гомеле или Берлине?»

Не забывал меня и старый колхозник Конев: приглашал в гости, сообщал о том, как работает для фронта колхоз.

Весь вечер летчики моей группы делились с товарищами впечатлениями о боях на 3-м Прибалтийском фронте. Хайт не отходил от нас и слушал с горящими глазами мои рассказы о боях на подступах к Риге.

На следующий день в полку проводился разбор полетов моей группы. Наши доклады на конференции подробно обсуждались.

14 октября 1944 года мы узнали, что накануне советские войска освободили Ригу. Радостно возбужденный, прибежал ко мне поделиться новостью Давид. Приятно сознавать, что и наша группа летчиков участвовала в освобождении столицы Советской Латвии.

17. Исторические дни

Фашистские войска полностью изгнаны за пределы нашей Родины. На освобожденной советской земле уже начались восстановительные работы.

Парторганизация и командование нашей части устраивают торжественный вечер, посвященный этому историческому событию. С докладом о разгроме немецких армий выступает

майор Асеев. После него речи держат летчики. Каждому хочется сказать свое слово, и летчики говорят задушевно, с подъемом. Их выступления звучат клятвой: до конца разгромить врага!

Мы посвятили Родине не только «души высокие порывы» — мы посвятили ей всю свою жизнь, все свое умение. И во славу Отчизны летчики готовы на любые испытания и жертвы.

На нашем маленьком участке грандиозной битвы мы будем неуклонно выполнять гениальный стратегический план, который разработал великий полководец Сталин, — план уничтожения гитлеровцев на их территории.

…18 октября 1944 года Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, преодолевшим Карпатский хребет и освободившим Закарпатскую Украину. Наши войска пришли на помощь народной освободительной армии Югославии и 20 октября освободили Белград. Через три дня, 23 октября, войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление, прорвали долговременную оборону немцев на границе Восточной Пруссии и вступили на территорию Германии.

18. Горестная весть

В последних числах октября я получил письмо от Мухина. Он сообщал, что, выполняя боевое задание, погиб заместитель командира части, бывший комэск Семенов.

Мухин писал, что теперь заместителем Ольховского стал Кирилл Евстигнеев, а Паша Брызгалов — командиром эскадрильи. Я подумал о том, с каким чувством Кирилл принимал назначение, как твердо и безукоризненно будет он выполнять свои новые обязанности.

Я сидел один в землянке. Перед глазами стоял Семенов.

Да, на фронте все случается! Такой опытный, бесстрашный и хладнокровный летчик, воевавший с первого дня войны, и погиб! Мне трудно свыкнуться с мыслью, что Семенова больше нет в живых. Многим я был обязан своему учителю и другу.

Шум заведенного мотора вывел меня из оцепенения. Истекали последние минуты отдыха перед дежурством на рации. Я вышел на аэродром, чтобы поделиться с друзьями горем.

В этот день пришло извещение, что родители Хаита уничтожены фашистами в гетто.

Мы долго не решались сообщить Давиду об этом, зная, как трудно будет ему пережить утрату. И действительно, когда Хайт узнал о случившемся, его нельзя было утешить, и мы старались не оставлять его одного.

19. Подготовка

Наступила двадцать седьмая годовщина Октября. Мы выстраиваемся у командного пункта. Командир полка поздравляет нас с великим праздником.

Днем я получил поздравительные письма от отца, брата Сашко и друзей из старого полка. К празднику пришло много писем от незнакомых, но близких нам людей: от рабочих фронтовых бригад, колхозниц, учащихся, учителей.

Заместитель командира по политической части зачитал нам доклад и приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Советская Армия, выполняя план Верховного Главнокомандующего, наносила врагу удар за ударом, один сокрушительнее другого. Советская государственная граница восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря. Война перенесена на территорию гитлеровской Германии.

Теперь советские войска должны решить последнюю, заключительную задачу — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы.

Нас охватил необычайный подъем, когда мы услышали слова вождя: «Есть основание рассчитывать, что эта задача будет выполнена Красной Армией в недалеком будущем».

На нашем участке к этому времени были захвачены войсками фронта два плацдарма на западном берегу Вислы.

Немцы безуспешно пытались отбросить советские войска за Вислу. Все атаки гитлеровцев были отбиты. Противник нес большие потери.

Висла для немецкого командования была решающим рубежом. На ее западном берегу начиналась глубокоэшелонированная долговременная система обороны немцев.

Фашисты надеялись, что Советская Армия, штурмуя эти укрепления, обескровит себя и выдохнется.

Немцы, надеясь на затяжную войну, рассчитывали на Висле нанести нам контрудар.

Вся полоса между Вислой и Одером была подготовлена к длительной и упорной обороне. Здесь было семь рубежей, не считая промежуточных. Первый рубеж, на который так рассчитывало немецкое командование, как раз проходил по западному берегу Вислы; последний — по западному берегу Одера.

Севернее Варшавы стала активно действовать вражеская авиация. Немцы вели усиленную разведку, несмотря на то что

советские летчики перехватывали вражеских разведчиков. Мы стали чаще вылетать, но мешала скверная погода.

По-прежнему живем размеренной и сравнительно спокойной жизнью. Утром, после завтрака, политинформация, затем занятия на земле, тренировочные полеты, разборы, перед ужином политзанятия. Тренируемся в технике пилотирования. Опытные летчики много занимаются с молодыми пилотами.

Я почти все время нахожусь на рации: слежу с земли за тренировкой и по радио поправляю ошибки молодых летчиков в воздухе, подаю им краткие команды. А вечером провожу подробные разборы полетов.

Работы много. Весь день с рассвета до темноты загружен.

Иногда к нам приезжают бригады художественной самодеятельности из соседних частей. Больше всех мне нравится бригада кавалеристов — они превосходно джигитуют, поют, пляшут. Изредка, когда перепадет свободное время, ходим на охоту. Моросит дождь. Пахнет сырым деревом, палым листом. Лес напоминает родные места: в детстве я любил ходить с ребятами в лес, собирать ягоду-жу-равину, грибы.

Всех нас до крайности тяготит бездействие.

В последних числах декабря 1944 года я нес дежурство на рации. Внимательно осмотрел небо: белая полоса тает в ясном воздухе — это след от вражеского разведчика. Но самолета не видно — он летит на большой высоте. В воздухе пилотируют Александрюк и Васько. Передаю им:

— В направлении аэродрома идет разведчик противника.

Навожу их на его след. Ведущий Александрюк отвечает, что заметил противника. Передаю по радио приказ:

— Сбить врага!

Фашист оказался матерым разведчиком. Он начал маневрировать, пытаясь уйти от наших.

С земли я внимательно слежу за воздухом, за боем товарищей, отчетливо представляю создавшуюся обстановку. Волнуюсь за исход боя. Невольно начинаю жестикулировать и приговаривать: «Вот так, Васько! Молодец! Не подкачай!.. Бей, бей!.. Александрюк, не упускай ни секунды!»

Наконец Александрюк докладывает:

— Самолет противника сбит!

Фашист, как он ни ловчил, живым не ушел.

Вскоре от нас улетел Шебеко — он получил назначение в другую часть. На его место прибыл Герой Советского Союза майор Александр Куманичкин. Его биография мало чем отличалась от биографии каждого из нас. До войны он был рабочим на обувной фабрике «Буревестник», в Москве. Окончил аэроклуб, потом

летное училище. Куманичкин много работает, все время совершенствует свои летные качества. На его счету не один десяток сбитых вражеских самолетов.

Мне он очень понравился. Еще раньше я слышал много хорошего и лестного о нем от командира полка, который уже воевал вместе с ним.

Люди по-настоящему проявляются в бою; чем больше с товарищем летаешь, тем больше его узнаешь.

Когда Куманичкин прибыл к нам в полк, командир сказал мне:

— Теперь я буду летать в паре с Куманичкиным, а ты с Титоренко.

Я был доволен: наконец-то у меня будет постоянный напарник!

Куманичкин приступил к обязанностям штурмана полка. Аккуратно, по порядку разложил все карты, штурманские записи. Чувствовалось, что у него хорошая штурманская подготовка. Он поселился вместе со мной и Титоренко, и мы крепко подружились.

20. Боевая выучка

В эти дни мы чувствовали приближение генерального, решительного сражения, которое принесет нам окончательную победу над врагом, и мысль как-то невольно обращалась к прошлому. Как и мои однополчане, одновременно со мной прибывшие на фронт, я прошел несколько этапов боевой выучки. У меня их было шесть.

До фронта — первый этап. Я мечтал тогда о сбитом вражеском самолете. Это была моя главная цель. Боевая тактика была для меня лишь теорией.

Второй этап длился до начала битвы на Курской дуге. Как и мои товарищи, молодые летчики, я горячился в воздухе, не умел еще контролировать себя, с напряжением распределял внимание.

В боях на Курской дуге — третий этап — я уже стал действовать расчетливее. Многим я обязан Семенову — у него отвага прекрасно сочеталась с расчетом. Этому он учил и нас, молодых. Но у меня еще не было уверенности в себе. Противник часто навязывал мне бой. Это были мои первые шаги на боевом поприще, хотя я уже сбил несколько вражеских самолетов. Мне все казалось, что я чего-то не знаю, чего-то не сделал. Трудно было технику пилотирования сочетать с ведением огня. Иногда испытывал нерешительность, неуверенность в себе.

Четвертый этап связан с боями над Днепром. Я стал действовать смелее, хладнокровнее, инициативнее, появилось чувство ответственности не только за свои действия, но и за действия группы.

В начале своего боевого пути я ясно представлял себе картину боев только на том узком участке, где находилась моя эскадрилья. Кругозор у меня был неширок. Я усвоил два основных правила: храбро драться с врагом и все время держаться группы, не отрываться от нее, пристально следить за действиями командира. Но когда сам начал водить группы, у меня появилось чувство ответственности за всех, кто дерется сейчас под моим командованием. Надо было учить молодых летчиков, и на земле и в воздухе показывать им пример.

Так начался пятый этап.

Севернее Ясс, в Румынии, я выполнял с группой задания по прикрытию наземных войск, отражению эшелонированных налетов вражеской авиации. Это воспитывало во мне командирские способности.

В то время уже оттачивались тактические приемы: я научился навязывать противнику свою волю, начинал бой с тех позиций, которые считал наиболее выгодными для себя, научился молниеносно атаковать врага, предугадывать его уловки. Это подготовило меня к воздушной «охоте» — к шестому этапу моего боевого роста.

Летая на «охоту», я продолжал испытывать чувство боевого братства с наземными войсками. Это чувство выработалось во мне за многие месяцы боевой деятельности на Днепре и севернее Ясс, где я нес воздушную вахту над нашими наземными войсками.

Мысль, что любой ценой надо отбить налет вражеских самолетов на наши войска, руководила мною и теперь.

21. Фотокинопулемет

Как-то вечером командир сказал: — Знаете новость? Будем летать с фотокинопулеметами.

Это всех нас порадовало. Лучшим способом контроля, не только подтверждавшим результат боя, но и фиксировавшим действия летчика в бою, был фотокинопулемет.

По снимку, сделанному фотокинопулеметом, можно было увидеть свои ошибки и получить наглядное представление о бое. Это отличное пособие при разборах полетов.

И вот в нашей части появились фотокинопуле-меты. С

огромным интересом мы стали их изучать, быстро освоили и получили замечательные результаты.

Фотоконтроль еще больше подтянул летчиков. Бывало так: летчик прилетит и докладывает, что вел огонь с короткой дистанции. Но вот в руках командира проявленная пленка фотокинопулемета. И оказывается, что дистанция была не такой уж близкой.

Летчики с нетерпением ждали проявления пленки. Иногда после напряженного боя трудно бывает вспомнить и установить последовательность своих действий. Пленка фиксировала их с абсолютной точностью, и летчик благодаря фотоконтролю мог совершенно беспристрастно анализировать все свои действия.

Снимки, сделанные фотокинопулеметом, явились хорошим наглядным пособием при изучении появившихся в это время на фронте немецких реактивных самолетов.

Однажды командир части, вылетев на самолете, оборудованном фотокинопулеметом, увидел два «мессершмитта» особой конструкции: под их фюзеляжем находилось дополнительное устройство. Сначала Чупикову показалось, что это бомбы. Самолеты летели с нормальной скоростью. Чупиков догнал их и открыл огонь. Немецкие самолеты боя не приняли и начали уходить, развив большую скорость.

Это были самолеты с реактивным двигателем.

У нас собралась полковая конференция для обсуждения методов боя с вражескими самолетами, оборудованными реактивными двигателями. К этому времени, кроме Чупикова, никто из летчиков нашей части еще не встречал немецких реактивных самолетов. И теперь мы увидели их на снимке, сделанном фотокинопулеметом командира.

Встречу командира с реактивным самолетом летчики оживленно обсуждали не только на конференции, мы говорили о ней между полетами и на отдыхе. Немцы пытались воздействовать на нашу психику. Ставка их была бита и на этот раз. Мы знали, что преимущество нашей советской авиационной техники в приближающихся решительных сражениях проявится во всей своей мощи, что господство в воздухе останется за нами до конца. Мы еще упорнее готовили себя к этим дням и обсуждали способы ведения боя с реактивным самолетом.

22. В напряженном ожидании

В первых числах января 1945 года мы перелетели на новый аэродром на западном берегу Вислы в районе плацдарма,

занятого советскими войсками.

Утром 13 января командир собрал весь личный состав части. Нам зачитали специальный приказ Военного совета фронта..

Военный совет предупреждал, что враг будет сопротивляться с ожесточением смертника и каждый из нас должен проявить мужество, решительность, отвагу, не давать противнику передышки. Мы должны действовать так, как нас учит товарищ Сталин: умело организовать преследование врага. Приказ заканчивался вдохновенными словами:

«За нашу советскую Родину, за наш героический народ, за нашего любимого Сталина вперед, боевые товарищи!»

Мы с нетерпением ждали начала боевых действий войск фронта. Но нас беспокоила нелетная погода.

Вечером мы узнали, что войска 1 — го Украинского фронта уже перешли в наступление. Настали дни великого похода Советской Армии на фашистскую Германию.

Утром 14 января я проснулся по привычке очень рано. Раздавались звуки артиллерийской стрельбы — наши войска начали артиллерийскую подготовку.

Вскочил и бросился к окошку: идет густой мокрый снег. Посмотрел на Куманичкина, он — на меня.

— Наконец началось, Ваня! Но погода не даст нам сегодня летать. Неужели войска пойдут в наступление без авиации?

Куманичкин, Титоренко и я помчались на аэродром, на КП. Там мы узнали, что главная ударная группа войск нашего фронта с плацдармов на западном берегу Вислы начала наступление без авиации. Войска нашего фронта наносят немцам рассекающий удар. Как важно сейчас помочь наземным частям ударами с воздуха! Но метеорологи «погоды не дают».

Сидим в своих самолетах в полной боевой готовности, но приказа о вылете нет. Просидели в машинах до вечера. Напряжение было так велико, что не ощущали ни холода, ни усталости.

Советская Армия почти одновременно перешла в наступление на огромном участке фронта. Кроме 1- го Украинского и 1-го Белорусского, наступают

2- й и 3-й Белорусские фронты и 4-й Украинский фронт — в районе Карпат.

Утром 15 января мы узнаем, что главная полоса вражеской обороны прорвана и войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на двенадцать-во-семнадцать километров в глубь территории врага.

Днем вылетаем в сложных метеорологических условиях на боевое задание. Отчетливо вижу, что происходит на земле.

Могучей лавиной движутся советские танки, пехота, мощно бьет артиллерия… Как часто в последние дни мы пролетали над этим участком, и никто из нас не заметил сосредоточения такого огромного количества войск! Наша техника только сейчас, как говорят, обнаружила себя, появившись словно из-под земли. Боевая подготовка к наступательным операциям была проведена так блестяще, что даже мы, люди, наблюдающие за землей с воздуха, до последнего дня не подозревали, какое огромное количество советских войск и техники переправилось и сосредоточилось на плацдармах, не представляли себе размаха операции, которая будет осуществлена в эти дни…

Мы не встретили в воздухе ни единого вражеского самолета. К концу дня сопротивление немцев на нашем участке подавлено. Мы, летчики, восторгаемся мастерством наших танкистов, артиллеристов, пехотинцев. Какой сокрушающий удар нанесли они за два дня наступательных боев даже без поддержки авиации!

Советская Армия наступала одновременно на всем протяжении советско-германского фронта, лишив врага возможности перебрасывать резервы с одного участка фронта на другой.

23. Начинаем действовать

Обидно было нам, летчикам, в эти дни сидеть на земле. И всего обиднее, кажется, было нашему гостю — стажеру майору Якову Филиппову. Его стажировка подходила к концу, а он еще не побывал в настоящем бою. Он не мог усидеть на месте, поминутно бегал звонить на метеорологическую станцию и возвращался мрачный:

— Нет, мне не повезло! Черт бы побрал эту гнилую погоду!

16 января немного прояснилось, и мы вылетели с ним в паре на свободную «охоту». Пересекли линию фронта. Я решил пойти к вражескому аэродрому. Покружили над ним. Как назло, ни один немецкий самолет не вылетал. Аэродром словно вымер — над ним, видимо, утром хорошо поработали наши бомбардировщики.

Подождал несколько минут. Время, отведенное на «охоту», подходит к концу. Направляемся домой. Подлетаем к линии фронта. Смотрю — внизу кружат восемь истребителей противника. Вот они где, оказывается! Наконец-то мой стажер увидит противника в воздухе!

Предупреждаю Филиппова по радио:

— Яша, прикрой, иду в атаку!

Наметил один вражеский самолет, спикировал, с ходу

врезался в строй противника, открыл огонь, и горящая фашистская машина рухнула вниз. Немцы даже не успели ответить нам огнем — мы застигли их врасплох. Стал набирать высоту, чтобы повторить маневр, но фашистские самолеты ушли восвояси. Я не ожидал, что все так быстро кончится и враг не примет боя.

Филипповым я был доволен: он держался хорошо. Наше время истекало. Мы не погнались за противником и вернулись на свой аэродром.

Филиппов подбежал ко мне:

— Как это вы так быстро умудрились сбить, не понимаю! Я не успел даже опомниться — вдруг трасса, и немецкий самолет загорелся и упал!

— В бою так и бывает: прозевал секунду — отправляйся в «царство небесное», — заметил один из летчиков.

Мы подробно разобрали с Филипповым наш вылет, и он говорил, что наглядный урок многое дал ему для понимания характера воздушного боя.

В этот день начала действовать наша штурмовая авиация. Она громила деморализованные отходящие части врага, как бы дополняя удар артиллерии.

24. Над вражеской землей

16 и 17 января советская авиация активно взаимодействовала с наземными частями и наносила противнику массированные удары. Наступление развивалось с неслыханной стремительностью. Уже 17 января нашими войсками была освобождена столица Польши — Варшава.

К 25 января советские войска подошли к государственной границе Германии.

Следуя за войсками нашего фронта, перелетаем в Сокачев, в Иноврацлав, а затем в район Познани.

В познанской цитадели отсиживалась окруженная немецкая группировка. Мы получили задание при перелете проштурмовать цитадель и сесть на аэродроме южнее города.

Взлетели с укатанной полосы. Техники, а с ними и все наше «хозяйство» — Зорька, Джек и Кнопка — остались в Иноврацлаве. На новом аэродроме нас должны были обслуживать техники из передовой группы.

Подлетая к Познани, я увидел на аэродроме, расположенном восточнее города, множество немецких самолетов. Мелькнула мысль: там враг. Оказалось, что немцы так поспешно бросили

аэродром, что ни один самолет не успел улететь.

На бреющем полете, чуть не задевая крыши, мы пролетели над цитаделью и обстреляли из пушек окруженную немецкую группировку.

Наш аэродром находился невдалеке от бывшего имения Фокке-Вульфа, фашиста-авиаконструктора. Нас разместили в его усадьбе.

Мы долго смотрели на громадный завод, стоявший невдалеке от имения и еще недавно выпускавший самолеты. Он был выведен из строя.

— Вот где «фоккеры» пеклись! — говорили летчики.

В глазах встало недавнее прошлое: группа «фок-ке-вульфов», тяжело покачиваясь, летит бомбить наши мирные города и села… Вспомнился новый, светло-зеленый «фокке-вульф», который я сбил южнее Харькова…

…Вылетая на «охоту» из района Познани, мы заходили далеко вглубь «на пределе» горючего. Погода стояла ненастная. Низко шли облака. Я летал на бреющем. С воздуха были отчетливо видны остроконечные крыши, готические соборы — остатки мрачного Средневековья. Вспоминались Украина, Белоруссия, Смоленщина — пепелища, уничтоженные немцами дома, сожженные села, изуродованные города. В сердце нарастает ненависть, жажда мести. Скорее бы открыть счет именно здесь, над вражеской землей!

Чем ближе был конец, тем ожесточеннее сопротивлялся враг. Все лучшее, что у него осталось, он стягивал к Одеру, к Берлину. Немецкое командование, не останавливаясь перед тем, чтобы открыть дорогу англо-американским войскам, спешно перебрасывало дивизии, воздушные эскадры с западного фронта. Свои большие потери в воздухе немцы старались восполнить выпуском модернизованных «фокке-вульфов», «юнкерсов», самолетов с реактивными двигателями. О них мы были уже подробно информированы.

Командование прислало нам соответствующую литературу, и мы тщательно ее изучали.

Близилась весна, и аэродромы раскисли. Нашему полку переместиться вперед некуда. Летать на задание для одноместных «Лавочкиных» слишком далеко. А летчики из соседней части на «яках» уже побывали в разведке в районе Берлина.

Летчики, летавшие на «Яковлевых», рассказывали о воздушной обстановке в районе Берлина, о том, что немцы под Берлином организовали мощную противовоздушную оборону. Никогда еще за время войны нашим летчикам не приходилось

встречаться с такой насыщенностью зенитной артиллерии. Воздушные немецкие патрули состояли из отборных асов, на берлинском аэроузле сконцентрированы эскадры лучших фашистских истребителей.

Облачность была до земли, и наш полк несколько дней не мог действовать активно. Промежуточных аэродромов до Одера не было.

Войска нашего фронта форсировали Одер севернее и южнее Кюстрина и взяли эту крепость с ходу. По западному берегу Одера проходил седьмой, последний оборонительный рубеж перед Берлином. Весь правый берег Одера в полосе наступления фронта был очищен от вражеских войск.

Наши войска прочно удерживали плацдарм на западном берегу Одера, несмотря на неоднократные контратаки немецкой пехоты и танков и массированные удары немецких самолетов. В боях наши войска закреплялись на плацдарме и расширяли его.

Шла подготовка к решительному удару на Берлин. Весна задерживала наш перелет к Одеру. Никогда еще я не испытывал такого нетерпения.

Однажды на аэродроме неожиданно приземлился наш «Ли-2». Дверь самолета открылась, и на землю соскочил Фомин, за ним Хайт с Джеком на руках. Зорьки не было.

Нашего медвежонка случайно убили. Он скучал без нас, с техниками не мог сдружиться, ходил как потерянный, почти не ел. Мимо аэродрома двигались наземные части. Зорька вышла к дороге. Автоматчики подумали, что это дикий зверь, и пристрелили ее. Когда подошли ближе и увидели на Зорьке ошейник, немецкие кресты и медали, поняли, что медведь ручной. Прибежали к техникам извиняться, да дела уже не поправишь.

Жаль было медвежонка — сколько было связано с ним веселых, бездумных минут в нашей тревожной жизни!

Неожиданно мы получили приказ: вылетать на прифронтовой аэродром, к Одеру.

25. Близ Одера

Вырулить на бетонную полосу трудно — колеса застревают в грязи. Вылетаю первым; командир полка остается на старом аэродроме, пока не поднимется в воздух последняя машина. Снижаюсь на зеленый круглый аэродром среди леса; его недавно оставили немцы. Берлин — в семидесяти километрах, линия фронта — в шести.

К нам еще не успели прибыть зенитки. Даю летчикам приказ садиться на летном поле с бреющего, так как в воздухе «фоккеры». Они шли бомбить переправы через Одер. По радио передаю командиру полка, что вблизи аэродрома пролетела группа вражеских машин. Закатываем самолеты в лес, тщательно их маскируем. На аэродроме не остается ни одной машины.

На ночь располагаемся в нескольких километрах от аэродрома, в имении какого-то немца.

Рано утром — еще было темно — мы поехали на аэродром. Дежурные летчики сидят в самолетах, чтобы вылететь по первому сигналу.

Чупиков, Куманичкин и я пошли на КП. Давид — связной — был уже там. Небо над лесом чуть посветлело. Стояла предрассветная тишина. Воздух был спокоен.

Командир держит в руках ракетницу — вот-вот даст сигнал на вылет дежурного звена. Всматриваюсь в небо и вижу: к аэродрому направляется до тридцати «фокке-вульфов».

— Туча, товарищ командир, «фоккеры»!

Но взлетать уже поздно: самолеты врага перешли в пикирование. Засвистели бомбы.

— Прыгайте в щель, товарищ командир! — кричу я и прыгаю сам в ямку — одноместное бомбоубежище; оно уберегает от пулеметно-пушечного огня и от осколков, здесь опасно бывает только прямое попадание.

Летят, свистят, разрываются вражеские бомбы. Несколько бомб пролетело с шипением — значит, они упали совсем рядом; другие летят со свистом — значит, упали дальше. Успел ли Хайт добежать до ямки? Хорошо, что замаскировали самолеты… Прислушиваюсь к звуку падающих бомб, к реву вражеских самолетов. Начался пулеметно-пушеч-ный обстрел. Значит, все бомбы уже сброшены. Второй заход. Вдруг раздался страшный грохот: в воздухе столкнулись два «фоккера», развалились и упали где-то на окраине аэродрома. Теперь с «фок-керов» бьют под углом в девяносто градусов. Смотрю на часы: прошло пятнадцать минут. Немцы, вероятно, решили блокировать аэродром. Сейчас прилетят бомбардировщики…

Вблизи линии фронта таких аэродромов, как наш, три. Врагу это, конечно, не по вкусу. Прошло двадцать долгих минут, а немцы все не уходят Как это мы не успели их отогнать! В следующий раз будем умнее, на войне учат и учатся!

Наконец все стихло. Вылезаю из ямки. Со всех сторон сбегаются летчики. Все в порядке, машины целы и невредимы. Лес спас самолеты.

Подхожу к Чупикову. Он мрачен.

— Ничего, товарищ командир, злее будем… Геройски вел себя во время налета Давид Хайт.

Он увидел, что техник, побежавший к щели, упал — его ранило осколком. Хайт бросился к нему на помощь, сорвал с себя рубашку, разодрал ее, перевязал техника и вынес в лес. В хрупком подростке проявилась огромная сила.

Вечером командир полка собрал нас на аэродроме. Объявил комсомольцу Хаиту благодарность. Давид награжден медалью «За боевые заслуги».

С этого же дня мы начали активные действия. Вылетали «позрячему», увидев противника с аэродрома. Результаты сказывались: немцы опасались залетать к нашим переправам на Одере.

Противник отказался от использования «Ю-87» на этом участке фронта. Он предпочитал действовать большими группами «фоккеров»: сбросив бомбы, они становились истребителями, выполняя, таким образом, роль и штурмовиков и истребителей.

Шло расширение и укрепление плацдарма, захваченного советскими войсками на западном берегу Одера. Река в этом месте широка и глубока, к тому же начался ледоход. Но ничто не могло остановить наступательный порыв советских войск.

26. Пятидесятый сбитый

10 февраля 1945 года мы возвращались с «охоты» без добычи. Я расстроен, однако опыт научил меня не терять надежды до тех пор, пока не приземлюсь.

Подлетая к аэродрому, я услышал по радио свои позывные. Командир полка сообщил: над аэродромом два самолета противника. Оглянулся и увидел два новых, блестящих «фокке-вульфа». С ходу зашел одному в хвост. «Ну, — думаю, — тебе не уйти!» Второй поспешил скрыться в облаках. Медлить нельзя. Открыл огонь. На вражеском самолете, очевидно, загорелось масло — он с белым «шлейфом» пошел к земле. Но немец снова стал набирать высоту — он, видимо, рассчитывал дотянуть до своей территории. Линия фронта близко. Тогда я второй очередью зажег мотор «фоккера». Немец выбросился с парашютом и, опустившись в нескольких метрах от нашего аэродрома, попытался убежать в лес. Но это ему не удалось.

На аэродроме первым ко мне подбежал Куманичкин:

— Здорово ты действуешь! Фрицы прямо к нам на аэродром с воздуха падают, как говорится — «с доставкой на дом» бьешь!

Немецкого летчика привели на КП. Начали допрашивать. Он

оказался сыном какого-то барона. Немец летал на модернизованном «фокке-вульфе» с мотором водяного охлаждения. Подлетая к нашему аэродрому, он был уверен, что безнаказанно собьет наш самолет и уйдет. Рассказывая все это, немец дрожал, заискивающе поглядывал на меня и вдруг с ужимкой протянул мне руку. Я почувствовал такое отвращение, что повернулся к нему спиной и ушел.

Его «фокке-вульф» был пятидесятый сбитый мною самолет.

27. Враг пытается обстрелять наш аэродром

Продолжаем полеты на «охоту» в район Берлина. Всеми владеет одно горячее желание, одна мысль: скорее разгромить врага в его же логове!

Над Берлином, над его дальними подступами все время висят вражеские истребители. Издали сверху видны очертания огромного города. Вспоминаю все, что читал о нем, вспоминаю рассказы летчиков в Познани. Вот он, город, в котором рождались фашистские планы порабощения нашей страны, вот оно, логово врага!

Немцы цеплялись за малейшую возможность спастись от окончательного краха.

Несколько дней вражеская артиллерия вела лихорадочный обстрел нашего аэродрома. Мы предприняли меры предосторожности. И хотя вокруг рвались снаряды, боевая работа не прекращалась. Беспорядочный обстрел не оказал на нас морального воздействия, не принес и материального ущерба. Но, конечно, он был нам неприятен.

Куманичкин, прилетая с задания, раздраженно говорил:

— Опять тявкают! Долго они, интересно, будут упражняться? Вот бы слетать туда!..

Вражеский обстрел необходимо было прекратить. По-видимому, в лесу прячется фашистский корректировщик, а может быть, и целая группа немцев. Надо было прочесать лес. Для этого была выделена специальная группа. Хаита, знавшего немецкий язык, назначили переводчиком. Предположение оправдалось: был взят в плен немец, корректировавший огонь фашистской артиллерии. Обстрел сразу же прекратился.

Такие рейды потом повторялись несколько раз, и Давид их очень любил.

Хайт возвращался из очередной «операции» возбужденный, подробно рассказывал о том, как их группа действовала в лесу в поисках диверсантов.

— Молодец, Давид! — говорил я. — Боевой ты у нас хлопец!

28. Шестерка против тридцати

В небе над Одером завязалась с немцами борьба за преимущество в высоте. Недаром летчики говорят: хозяин высоты — хозяин боя. Немцы во время боев над Одером поднимались на четыре-пять тысяч метров, мы — на пять-шесть тысяч.

Противник решил перехитрить нас: вражеские самолеты изменили обычное время прихода к району боевых действий. Они стали прилетать не утром, а под вечер, маскируясь солнцем, но это не помогло им, уловка фашистов была разгадана. Мы тоже начали вылетать на «охоту» под вечер. Залетали далеко к ним в тыл, пользуясь дымкой, и «прочесывали» пространство.

Активные действия нашей авиации заставили немцев летать большими группами. Они шли на все: как говорят, «утопающий хватается за соломинку». Надеясь понести меньшие потери, они даже пытались использовать неблагоприятные метеорологические условия. Но и эти их приемы ничего им не дали: мы ответили искусным применением бреющего полета и неизменно выигрывали бой.

12 февраля в паре с летчиком Громаковским я вылетел в район нашего плацдарма на западном берегу Одера. Плацдарм, занятый советскими войсками на Берлинском направлении, был у немцев бельмом на глазу. Они пытались наносить по нему массированные удары с воздуха. Тактику они избрали «воровскую» — старались напасть внезапно, бомбардировать, выскакивая из облаков в просветы и уходя обратно в облака. Но эту хитрость мы уже, повторяю, знали.

С нами в воздух поднялись Куманичкин в паре с Крамаренко и Орлов с ведомым Стеценко. Погода стояла плохая, лишь в просветах виднелось ясное синее небо. Каждая пара искала врага в разных районах, поддерживая связь по радио. На земле было условлено передавать друг другу о том, где и кто увидит противника. Я, как всегда в таких метеорологических условиях, применил бреющий полет.

Вижу — невдалеке от линии фронта из-под нижней кромки облаков вываливается около тридцати «фокке-вульфов». Они, очевидно, намеревались бомбить войска. В таких случаях я привык драться с любым количеством самолетов противника. Так действовал и теперь, став «охотником».

Немцы перестраивались, готовясь нанести удар. Я знал по опыту, что, когда они построятся, ошеломить их будет труднее.

Сейчас все внимание немцев было направлено на построение боевого порядка.

Передал по радио второй и третьей парам:

— Нахожусь в шестом квадрате, все ко мне! И сразу же подал команду Громаковскому:

— Прикрой, атакую!

Прижимаясь к земле, сливаясь с фоном местности, иду на сближение с противником. Под прикрытием Громаковского с ходу, снизу, врезаюсь во вражеский строй. С дистанции сто метров выпускаю три очереди в «брюхо» «фокке-вульфа». Вырвалось пламя — горящий самолет пошел к земле.

В это время на меня сверху, сзади, бросился немец. Но Громаковский вовремя заметил, что я в опасности. «Отвернув» вправо, он дал заградительную очередь и, поймав немца в прицел, сбил его.

Немцам так и не удалось принять боевой порядок. Они заметались. Я опять перешел на бреющий полет, чтобы нанести внезапный удар.

Но обстановка остается напряженной: некоторые вражеские самолеты установили взаимодействие между собой. Вижу — Куманичкин уже рядом со мной. На душе стало веселее.

— Саша, бей их! — кричу я.

Вот он в паре с Крамаренко идет на сближение с вражеской девяткой, на высоте ста пятидесяти — двухсот метров внезапно атакует ведущего и с первой же очереди сбивает его.

— Молодец, Куманичкин!

Меня охватывает боевой азарт. Чувство такое, какое бывало во время прикрытия наших наземных войск: большое чувство ответственности за свои действия. Вспомнилось, как я дрался на бреющем в районе Южного Буга с «Юнкерсами-87».

Немцы в растерянности. Одни уходят в облака, другие поворачивают на запад. Наша атака настолько стремительна, мы с такой быстротой снуем между ними, что фашистам, вероятно, кажется, будто их атакует большая группа самолетов.

Вот и Орлов подлетает. Под прикрытием Сте-ценко он атакует вражеский самолет и сбивает его с короткой дистанции. Но и сам попадает под удар. Орлов сбит

Мы с удвоенной яростью продолжаем атаковать уходящего врага. Под прикрытием Громаковского атакую сверху последний «фокке-вульф», который пытается скрыться в облаках. Немец даже сбрасывает бомбы — чтобы облегчить самолет — на свою территорию. Быстро настигаю его — дистанция подходящая. Открываю огонь: немец так и врезался в землю.

— Вот тебе, собака, за Орлова!

Попытка немцев по-воровски напасть с воздуха на плацдарм, занятый нашими войсками, провалилась.

Время истекло. Возвращаемся домой.

Подлетаем к линии фронта. Сейчас противник откроет огонь с земли из всех видов оружия — летим на бреющем. Подаю команду:

— Делаем противозенитный маневр!

В самом деле, со всех сторон нас начали осыпать трассы зенитного огня. Снаряд пробил мне плоскость и радиомачту. Но мы, искусно маневрируя, благополучно ушли домой.

В этом бою наша группа сбила восемь самолетов противника: одного сбил Куманичкин, одного — наш погибший боевой товарищ Орлов, одного — Стеценко, двух — мой напарник Громаков-ский, трех — я.

В напряженном воздушном бою с противником, который в пять раз превышал нас численностью, мы с успехом использовали весь свой опыт. Я уже знал, что группу в четыре-шесть самолетов целесообразнее разделить на пары: так легче и эффективнее искать врага на большом пространстве. Нам во многом помог бреющий полет и уменье маскироваться на фоне местности.

Когда я докладывал командиру о воздушном бое нашей шестерки с тридцатью «фокке-вульфами», на КП приняли радиограмму от командующего наземной армией. Оказывается, он наблюдал за тем, как мы вшестером вели бой против тридцати «фокке-вульфов». Он видел, как немецкие летчики сбросили бомбы на свои же войска, как были сбиты восемь вражеских машин. Все это происходило на глазах пехотинцев, они напряженно следили за ходом боя.

Командующий прислал на имя нашего командира благодарность за помощь, оказанную летчиками. Не могу не привести слова, которые тогда так взволновали и обрадовали всех нас:

«По мастерству, красоте, спаянности этот бой является триумфом нашей авиации. Поражен отвагой и мастерством летчиков».

Нет большей похвалы для боевого летчика-истребителя, чем похвала пехотинцев, наблюдавших за ходом его воздушного боя. Это высокая оценка.

Наш бой подробно разобрали и обсудили. Было сделано много полезных выводов, извлечено много важных уроков.

29. Бой с немецким реактивным самолетом

В день двадцать седьмой годовщины Советской Армии мы собрались на аэродроме и в приподнятом, боевом настроении слушали приказ Верховного Главнокомандующего.

Сколько воспоминаний связано у меня с этим торжественным днем! Я вспомнил, как слушал приказ товарища Сталина на тыловом аэродроме в Средней Азии 23 февраля 1942 года. В ту тяжелую пору на протяжении огромного фронта от Северного Ледовитого океана до Черного моря наша армия вела ожесточенные бои, чтобы, измотав немецко-фашистские войска, изгнать их из пределов нашей Родины. Теперь Советская Армия не только освободила родную землю, но и перенесла войну на территорию фашистской Германии.

Настали долгожданные дни!

Но окончательная победа сама собой не приходит. И мы это хорошо знали. Немцы бросали в бой все сохранившиеся резервы. Они пытались «напугать» нас своей новой техникой и, в частности, реактивными самолетами. Мы все чаще и чаще стали говорить об этих самолетах: как с ними вести борьбу?

Трудность заключалась в том, что после встречи командира полка с двумя немецкими реактивными истребителями никто из нас больше их не видел. Встречали их еще летчики из соседних частей. Летали эти самолеты, как свободные «охотники», — одиночками, парами, небольшими группами, применяя штурмовые действия. На нашем фронте они появлялись только в одиночку, ограничиваясь молниеносной атакой на большой скорости. Но в бой, как правило, не вступали, предпочитая действовать «из-за угла».

Я много думал о методах борьбы с этими машинами. Перехватить реактивный самолет, развивающий огромную скорость, было делом нелегким. В этом я отдавал себе ясный отчет. Тем сильнее было мое желание присмотреться к нему в воздухе. К сожалению, никто, кроме Чупикова, не мог поделиться со мной своими наблюдениями.

И вот мне довелось встретиться с немецким реактивным самолетом.

24 февраля я вылетел в паре с Титоренко на свободную «охоту».

Внимательно слежу за- воздухом. Вижу, из-за дымки на высоте трех тысяч пятисот метров внезапно появляется самолет. Не замечая нас, он идет вдоль Одера на скорости, предельной для наших «Лавочкиных». Всматриваюсь: это безусловно реактивный самолет. Быстро разворачиваюсь, даю мотору полный газ и начинаю его преследовать. Летчик-фашист, очевидно, и не смотрел назад, надеясь на большую скорость своего самолета. Я

опасаюсь, что, заметив нас, он, по обыкновению, уйдет. «Выжимаю» из машины максимальную скорость, стараясь сократить дистанцию и подойти под вражеский самолет.

Мой напарник не отстает от меня. Зная его горячность, предупреждаю, чтобы он не терял хладнокровия, не начинал действовать без моей команды.

Хочется подробно, поближе рассмотреть реактивный самолет и, если удастся, открыть по нему огонь.

Снижаюсь и подхожу под немца со стороны хвоста на расстоянии двухсот метров. Удачный маневр, быстрота действия плюс скорость моего самолета — все это позволило приблизиться к реактивному самолету.

И вдруг в него неожиданно для меня полетели трассы — мой напарник не выдержал! Я был уверен, что «старик» испортил план моих действий, и в душе нещадно ругал его. Но, оказывается, его трассы неожиданно улучшили мое положение. Самолет врага стал разворачиваться влево, в мою сторону, и на мгновение подставил мне свою «спину». В этот миг, развив предельную скорость, которую только может дать мой самолет, я сблизился с врагом. Вот уже нас отделяет совсем короткая дистанция. С волнением открываю огонь. Реактивный самолет, разваливаясь на части, стремительно падает вниз, на территорию врага.

Через несколько дней собралась фронтовая конференция для обсуждения тактики ведения борьбы с реактивными самолетами. Было приглашено несколько летчиков нашей части, в том числе Титоренко и я. В своем сообщении о реактивном самолете я постарался проанализировать и проведенный нами бой, и все, что мне было известно о тактике действий новых немецких самолетов. На конференции выступили летчики из других частей. Обмен мнениями обогатил наш опыт и сыграл большую роль в борьбе истребителей нашего фронта с реактивными немецкими самолетами.

30. Воспитание

Получаем приказ: выделить группу истребителей в район Штаргардта. Возглавил группу сам командир части. С ним улетели Куманичкин, Титоренко, Азаров, Громов и еще три летчика.

Группу Чупикова ждали серьезные испытания. Наступила весна. Настоящих аэродромов не было. Командир выбрал бетонированную, недостроенную немцами узкую полосу. С нее и взлетали летчики группы Чупикова. А летать приходилось много,

так как в этом районе воздушный противник был активен.

Я с оставшимися на аэродроме летчиками летал в тот же район, где действовал Чупиков, — по его вызову, когда нужна была наша помощь.

За время отсутствия Чупикова я почувствовал еще большую ответственность не только за свои действия, но и за действия однополчан.

В дружной семье советских авиаторов даже молодые летчики в суровой фронтовой обстановке быстро становились мужественными и отважными воинами. И я был удивлен, когда встретил летчика, который за несколько месяцев пребывания в части ни разу не дрался с врагом. Даже не поверил этому. Вылетая на боевое задание, он не искал противника, не навязывал ему боя. Я заинтересовался: что же это за истребитель? Вызвал его к себе. Он держался неуверенно. Я говорил с ним мягко, старался понять, что же он представляет собой. Задал ему несколько вопросов. Выяснил: летчик он грамотный; значит, дело не в подготовке. Решил проверить его в воздухе. Сообщил ему об этом, и он заметно изменился в лице.

В то утро высота облачности достигала шести тысяч пятисот метров. Предупредил летчика, что полетим на высоту и что надо на земле надеть кислородную маску. Она, правда, стесняет движения, и многие были против того, чтобы надевать ее на земле. Но я опасался, что если придется драться на вертикалях и попадать в область «кислородного голодания», то мой напарник замешкается, надевая кислородную маску в бою.

Летчик ушел, а через некоторое время и я отправился к самолету. Мой напарник с унылым видом стоял у своей машины.

Взлетели. Набрали высоту более шести тысяч метров. Ведомый не отстает. Мы — за линией фронта, летим над территорией противника. В стороне — Берлин. Смотрю, ниже нас — два «мессера». Передаю об этом по радио напарнику. А он прижался ко мне, как цыпленок к наседке. Приказываю:

— Займите положенную дистанцию и интервал!

Он выполнил приказание довольно своеобразно: занял дистанцию и интервал, но не с той стороны самолета, с какой это требовалось для поиска противника. Получилось так, что я как бы прикрывал напарника… от Берлина. «Трусит, чудак! — подумал я. — Посмотрим, что будет дальше. Может, освоится».

Вражеские летчики, очевидно, увидели нас и со снижением развернулись в сторону Берлина. Они часто так делали: уходили со снижением якобы домой, в стороне набирали высоту и затем возвращались, имея уже преимущество над нами. Я внимательно проследил — немцы ушли далеко. Спрашиваю по радио летчика:

— Видел самолеты противника?

— Видел.

Лечу дальше. На горизонте появилось восемь самолетов.

По «походке» узнаю, что это противник. Шесть самолетов отделяются и уходят в сторону Берлина, а два поворачивают к линии фронта. «Фокке-вуль-фы»! Хорошая будет моему напарнику школа! А он еще больше ко мне жмется. Я его подбадриваю: «Не робей!» — и начинаю преследовать пару «фокке-ров». Догоняю. Вот-вот открою огонь! Они заметили меня и резко развернулись в сторону Берлина. Я очутился под ними.

Сразу захожу в хвост ведущего самолета и командую:

— Прикрой, атакую!

Ведомый должен был оттянуться назад, чтобы прикрыть мою атаку, а он держится возле меня.

Сейчас в упор расстреляю ведущего. Нажал гашетки. Пушки молчат. Самолеты врага сделали переворот. Я тоже сделал переворот — и за ними.

Быстро перезаряжаю пушки. Не отстаю. Один из «фоккеров» пытается набрать высоту. Сближаюсь с ним. Нажимаю гашетки. Что за чертовщина! Не стреляют пушки, да и только! В этот миг вспоминаю о ведомом — да где же он? Командую:

— Ко мне!

Осматриваюсь — а его и след простыл.

На расстоянии километра от меня он открыл беспорядочный огонь, а затем повернул домой. Никогда я так не злился на товарища, да и случая такого никогда у меня не было.

Немцы, видимо, заметили, что пушки у меня отказали, и стали проявлять большую активность. Я попал в тяжелое положение. Как никогда, мне нужна была помощь ведомого.

Ведущий вражеской группы открыл огонь. Однако, используя качества и преимущества моего самолета, я оторвался от противника и ушел домой.

Приземлился, подозвал своего напарника. Смотрю — у него губы дрожат.

— Вы видели противника? — спрашиваю. Ведомый в простоте душевной отвечает:

— Да ведь я стрелял, товарищ командир! Тут я вышел из себя:

— Кто же так стреляет?!

У него было такое жалкое лицо, что я сдержался и продолжал спокойнее:

— Запомните: такими атаками вы только дело портите и себя унижаете. Противник вас, как птенца, расстреляет. Помните закон: встретил врага — первый вступай с ним в бой и бей с

короткой дистанции. Бей уверенно, смело.

Я отпустил его, и он ушел, понурив голову.

Забегу вперед, чтобы закончить рассказ об этом летчике. Наш командир долго с глазу на глаз беседовал с ним, а я несколько дней делал вид, что не замечаю его. Со мной он боялся встретиться. Товарищи не могли забыть его позорной трусости.

Очевидно, в нем шла большая внутренняя борьба. И вот однажды он прилетел с боевого задания радостный, возбужденный и доложил, что сбил вражеский самолет. Подошел ко мне — смотрю, что-то новое появилось во всем его облике. Я крепко пожал ему руку.

— Благодарю вас за суровый урок, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

Урок был действительно суровый, но полезный.

31. В великое наступление за Родину, за Сталина!

Вечером в день возвращения группы командира из района Штаргардта Чупиков собрал нас и поделился своими впечатлениями. Летчики были в бодром, приподнятом настроении. Они отлично дрались, и счет сбитых вражеских самолетов у них сильно вырос. Долго сидели мы в этот вечер, рассказывая друг другу обо всем, что произошло за неделю. Когда расходились по «домам», я сказал Ку-маничкину:

— По всему чувствуется, что не сегодня завтра начнется последний и решительный.

— Дело, дружище, вдет к этому. Час победы приближается.

Да! Великая Отечественная война с немецкими оккупантами победоносно завершалась.

…Войска сосредотачивались для штурма Берлина. Незаметно для нас готовилось решительное наступление Советской Армии на столицу Германии. От Одера до Берлина протянулись немецкие оборонительные сооружения. Фашисты использовали для обороны все естественные рубежи и населенные пункты. На подступах к Берлину созданы были три линии обороны. Сам город делился на секторы обороны — немцы рассчитывали затянуть сражение.

Наш полк, как и десятки других авиационных полков, находился в полной боевой готовности.

Наступление советских войск на Берлин началось неожиданно, как неожиданно, всего лишь три месяца назад, начался прорыв висленского рубежа.

16 апреля всех нас разбудил оглушительный шум: волнами

шли наши ночные бомбардировщики. Земля содрогнулась, загудела.

— Артподготовка, друзья! — крикнул кто-то.

Мы бросились к автомашинам, на бегу застегивая гимнастерки. Собираемся у КП. Нам сообщают, что войска фронта пошли в решительное наступление на долговременную эшелонированную оборону немцев, прикрывающую Берлин. Боевое воодушевление охватывает нас.

Кому из боевых летчиков не знакомо то волнующее чувство, которое испытываешь, когда сотни советских орудий ведут артиллерийскую подготовку к наступлению нашей пехоты, когда тысячи вспышек освещают небо, а ты стоишь на аэродроме, захваченный наступательным порывом, и с нетерпением ждешь сигнала к взлету!

За два года фронтовой жизни я не раз переживал это, но ничто нельзя сравнить с тем, что я видел и пережил перед рассветом 16 апреля 1945 года.

Я до малейших подробностей помню то утро. Темное небо в несметных светящихся трассах, слитный гул наших авиационных моторов, раскаты от бомбовых ударов самолетов, непрерывный грохот нашей артиллерии. Лавина огня и металла обрушилась на противника.

Началось последнее, решительное сражение…

Возбужденно переговариваемся, вернее, перекликаемся — грохот заглушает голоса. Еще темно, и я смутно различаю лица своих товарищей.

— После такого штурма немцу будет капут! — кричит мне Куманичкин.

— Скорей бы рассвет! — раздается чей-то голос.

— Скорей бы вылететь на Берлин!..

Вдруг над линией фронта вспыхнул яркий белый свет: стало видно далеко вокруг.

В первую секунду мы ничего не поняли. И только потом сообразили: сотни прожекторов, ослепив немцев, осветили путь нашей пехоте на Берлин.

Незабываемое зрелище!

У нас на аэродроме было светло, как днем. Я поглядел на друзей. Глаза всех были устремлены туда, где в едином наступательном порыве наши войска шли на Берлин. В эти минуты каждый из нас испытывал чувство гордости за нашу большевистскую партию, которая мудро провела нас сквозь все испытания войны, гордость за нашу Родину, наш народ, за тех, кто в тылу создавал танки и самолеты, минометы и пушки, гордость за нашу непобедимую армию, которую Генералиссимус

Сталин вел к победе.

Чувство гордости испытывали мы и от сознания, что принадлежим к советским вооруженным силам, что мы участники великого наступления.

Мы вступили в решительные бои, вооруженные волей к окончательной победе, богатейшим боевым опытом, совершенной отечественной военной техникой.

На рассвете бесчисленные эскадрильи советских самолетов полетели на Берлин. Над нашим аэродромом мчались штурмовики, бомбардировщики, сопровождаемые истребителями. Такого количества боевых самолетов я еще не видел за все время войны.

Такого штурма, такой согласованности в действиях всех родов войск еще не знала ни одна битва в истории человечества!

Свыше семнадцати тысяч боевых вылетов произвели в тот день советские авиаторы.

С первого дня битвы за Берлин советская авиация как бы дополняла артиллерию. Она уничтожала долговременную оборону немцев, наносила удары по аэродромам, войскам противника. Немецкие истребители действовали большими группами, по сорок-пятьдесят самолетов. Мы встречали их на подступах к тем участкам фронта, куда они направлялись.

Лишь немногим вражеским самолетам удалось прорваться через наши истребительные заслоны.

Обстановка была сложной не только на земле, где наши войска преодолевали глубоко эшелонированную оборону, но и в воздухе. Враг бросил в бой остатки своего потрепанного воздушного флота.

Летчики нашей части делали по четыре-пять вылетов. Однако никто из нас не чувствовал усталости.

Вечером, горячо обсуждая прошедший день, мы говорили о том, что если наступление советских войск будет продолжаться в таком темпе, то Берлин будет взят в течение недели.

Чем ближе была победа, тем неудержимее рвались в бой летчики. Каждому хотелось совершить подвиг во имя Родины здесь, на подступах к Берлину, каждый готов был на любую жертву, лишь бы ускорить разгром врага.

Если летчик получал задание сделать за день, скажем, четыре боевых вылета, то он добивался у командира разрешения на пятый вылет. В эти дни могучего патриотического подъема особенно сильно было стремление до конца, с честью, пусть ценою своей жизни, выполнить долг перед Родиной.

32. Над Берлином

Утром 17 апреля мы вылетели в паре с Титоренко. Набрали большую высоту. В небе ни облачка. Самолетов противника не было видно. Правда, враг мог появиться внезапно со стороны солнца.

Мы зашли южнее Берлина, чтобы осмотреть воздушное пространство. На земле шел бой.

Решаю пролететь над центром Берлина. Развиваю большую скорость. И вот под крыльями самолета — центральные кварталы столицы Германии. Кое-где видны пожары — очевидно, сюда уже прилетали наши бомбардировщики. Зенитки молчат, и мы спокойно пролетаем над городом. Как назло, ни один вражеский самолет не появляется. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и решаю еще раз пройти над Берлином. Но в этот момент в стороне от нас, на восточной окраине, появляются четыре истребителя противника. Фашистские «охотники» уже боятся ходить парами, они летают группами — по четыре, а то и по восемь самолетов. Можно было бы наброситься на них сразу, зайти сзади и ринуться очертя голову. Это заманчиво, но безрассудно.

Внимательно оглядываю пространство. Прищурился — солнце «выедает» глаза. Вижу — прямо на нас движутся две точки: это «мессеры». Они, видимо, взяли мой самолет в прицел. Идти на них в лобовую, подставлять себя под удар — глупо. Проскакиваем мимо и взмываем, чтобы сверху атаковать врага.

Но не успели мы набрать высоту, как немцы стали поспешно уходить, несмотря на количественное превосходство. Они пытались одолеть нас хитростью. Четыре истребителя были только приманкой. Если бы мы завязали с ними бой, то нас немедленно атаковала бы пара «мессеров», дежурившая в стороне.

Возвращаемся домой, досадуя, что не сбили ни одного самолета. После напряженного летного дня я сидел на КП и жаловался Чупикову:

— Сколько сегодня летал, а все без толку. Не воспользоваться ли мне тем, что немцы усиливают действия авиации к вечеру? Разрешите еще раз слетать, товарищ командир? С Титоренко разрешите, а?

— Хватит с вас, полетите завтра, — сказал командир решительно. — На сегодня вполне достаточно.

Но я не успокоился и, как у нас говорилось, «выклянчил» полет.

Немцы, стараясь использовать заходящее солнце, пытались совершать налеты под вечер. На это я и рассчитывал.

Со всей строгостью предупреждаю Титоренко:

— Дима, смотри только не горячись! Внимательно следи за всеми моими действиями. Вылет сложный, тем более что мы оба устали. Ни на секунду не ослабляй внимание.

— Слушаюсь! — ответил мне «старик». Вылетели. Пересекли линию фронта на высоте

трех тысяч пятисот метров. Передаю Титоренко по радио: «Смотри в оба!» Внизу шли бои.

Пристально вглядываюсь в даль, на запад. Дымка от пожаров, пронизанная лучами заходящего солнца, мешала видеть. Появились облака.

Направляемся к северо-западной окраине Берлина. Может быть, встретим противника над городом?

Подлетаем к северной части города. Замечаю точки. Они приближаются к нам. Проходит несколько секунд. Все ясно — идет большая группа «Фокке-Вульфов-190» с бомбами. Кричу Титоренко:

— Горка!

Делаем «горку». Набираем большую высоту — метров на тысячу выше немцев, прикрываемся разорванной облачностью.

По радио передаю на КП:

— В районе Берлина встретил около сорока «фокке-вульфов» с бомбами. Курс на восток. Высота три тысячи пятьсот метров.

Изучаю боевой порядок немцев, взвешиваю обстановку.

Немцы летят эшелонированно по высоте. Так им легко охранять друг друга и не допускать наших. Я принял решение атаковать.

Отошел от врага далеко на запад; осмотрел воздушное пространство. Не знаю, заметили нас немцы или нет. Во всяком случае, виду не подают.

Испытываю сложное чувство, хорошо знакомое каждому летчику перед решительным, опасным боем. Незначительная ошибка, просчет — и все будет сорвано, кончено. А мы во что бы то ни стало должны помешать фашистам бомбить наши войска!

— Ну что, ударим, Дима? — спрашиваю Титоренко.

— Попробуем! — отвечает он.

Не знаю, что он чувствовал в эту секунду, но голос у него был спокойный, уверенный.

И наша пара вступает в поединок с двадцатью парами врага.

Атакуем верхнюю группу «фокке-вульфов». Немцы не ждали удара. Я выбрал один самолет, взял его в прицел, почти в упор открыл огонь. «Фокке-вульф» вспыхнул в воздухе и рухнул на окраину Берлина.

«Хвост» немецкой группы расстроился, боевой порядок спутался. Фашисты заметались и стали бросать бомбы на свою

территорию.

Резко взмываю вверх. Ведомый не отстает. Кричу ему:

— Держись, старик!

Вижу, в нижних группах вражеских самолетов сохраняется боевой порядок Надо во что бы то ни стало расстроить его.

Рассчитываю, где бы снова нанести удар по врагу. Вклиниваюсь в строй, прорезаю его и с ходу открываю огонь. Немцы шарахаются из стороны в сторону, беспорядочно стреляют.

Титоренко надежно прикрывает хвост моей машины. Но некоторые немецкие летчики опомнились. Очевидно, увидели, что нас всего лишь двое. Один из «фокке-вульфов» пытается открыть огонь по моему самолету, но Титоренко сбивает его меткой очередью. Надежно прикрыл меня мой напарник.

Стремительно атакуем немецкие самолеты — то справа, то слева. Титоренко не отстает от меня. Боевой порядок немцев нарушен окончательно, к тому же у нас преимущество в высоте.

Забываю, что нахожусь на «охоте». Думаю лишь о том, что надо сорвать вражеский налет на советские войска. Такого подъема, как сейчас, я еще никогда не испытывал. Одна мысль, что под крыльями моего самолета — Берлин, что совсем близко от него советские войска веду!*1* бои, что мы должны помешать ненавистным «фокке-вульфам» прорваться к линии фронта, придает мне силу.

Группы врага редели. Немцы начали уходить на запад, замысловато перестраиваясь. Но один из фашистских летчиков оказался «напористым». Смотрю, он под шумок отделяется от своих и идет к линии фронта, очевидно рассчитывая все же сбросить бомбы на наши войска. Настигаю его сверху. Он входит в пике и бросает бомбы на свою территорию. На выходе из пикирования я «прошил» его длинной очередью. Фашистский самолет взорвался.

Я расслабил мускулы и почувствовал нервную дрожь, которая пробегает по всему телу после напряженного боя. Как всегда, пересохло во рту — было нестерпимо жарко.

Первая мысль — о Титоренко. Оглянулся — он здесь. Вторая — о самолете: посмотрел на плоскости — пробоин не видно. Взглянул на часы: бой длился двадцать пять минут. Включил бензино-мер — горючее кончалось.

— Ну как дела, Дима? — спросил я Титоренко.

— Все в порядке, — ответил он охрипшим голосом.

— Молодец, старик!

Мы полетели домой. В этом бою я сбил шестьдесят первый и шестьдесят второй самолеты противника. Товарищи, зная о встрече нашей пары с сорока «фокке-вульфами», ждали нас с

необычайным волнением. Первым подошел к нам командир полка. Я доложил ему о результатах боя. Нас окружили летчики и засыпали вопросами.

— Хорош был бой! — говорит Титоренко, пожимая мне руку.

Он даже осунулся за этот вылет, но глаза его радостно блестят.

Да, бой был действительно хорош. И не только с точки зрения тактики, но и по тому настроению, с которым мы его вели. Нас увлекал неудержимый наступательный порыв, который охватил в эти дни Советскую Армию. Я вложил в этот бой всю свою душу, все знания, весь опыт. Наша пара вела его исключительно дружно, мы были как один человек. В этом бою были превышены все положенные нагрузки — не только на самолет, но и на наш организм.

Рано утром 18 апреля я уже был у своего самолета и осматривал его.

Я уже собирался сесть в кабину, когда меня вызвали на КП. Оказывается, пришла радиограмма — мне приказано вылететь в Политуправление фронта.

Не мог представить себе, зачем меня вызывают. Командир тоже был озадачен приказом. Я сейчас же приготовился к полету. Провожая меня, Чупиков сказал:

— Возвращайтесь скорее.

Прилетев в штаб фронта, я. узнал, что мне поручается 1 Мая выступить в Москве перед микрофоном от имени воинов 1-го Белорусского фронта. Это был самый неожиданный и необычный приказ, какой мне когда-либо приходилось получать.

Я был обрадован и смущен: увидеть Москву в такой день, но и покидать фронт в такое горячее время! Считаные дни отделяли нас от победы, мыслью о которой мы жили все годы войны. Я мечтал встретить этот великий день на боевом посту, в дружной фронтовой семье летчиков.

В ДНИ ПОБЕДЫ

1. В ликующей Москве

И вот я в третий раз в Москве. Трудно передать те чувства, которые испытывал каждый фронтовик, приезжавший в те дни в столицу. Сколько раз от имени Родины после незабываемого дня 5 августа 1943 года, дня победы над немцами в битве на Курской дуге, салютовала нам столица!

Вспомнилось, как в ноябре 1942 года я, рядовой летчик, отправлялся отсюда на фронт, как уже бывалым летчиком в июне 1944 года получал здесь назначение на должность заместителя командира полка. А сейчас я закрываю свой боевой счет, и на нем 330 боевых вылетов, 120 воздушных боев, 62 лично сбитых самолета.

И когда я стоял у микрофона и от имени воинов 1-го Белорусского фронта благодарил Родину, благодарил великого Сталина за неустанную заботу о нас, фронтовиках, и передавал привет москвичам, я так волновался, как никогда в жизни.

…События развертываются стремительно. Взят Берлин. Германия безоговорочно капитулирует. Мысленно переношусь к себе в полк, представляю себе боевых друзей в эти дни всенародного ликования.

Задерживаюсь в Москве — мне будут вручать вторую медаль «Золотая Звезда».

В День Победы я — в столице.

Как хороша была Москва в тот день великого торжества! Улицы в огнях иллюминации. Тепло. В ясном весеннем небе пролетают эскадрильи самолетов и сбрасывают красные, зеленые, белые ракеты.

На улицах так много людей, что они идут плечом к плечу, поют, смеются, говорят друг с другом, словно все они давным-давно знакомы. Военных встречают ликующими возгласами.

Я счастлив — мне довелось увидеть столицу в день Победы, во имя которой я столько раз вступал в смертельный бой с врагом. Только жалею об одном — что нет со мной друзей-однополчан. Как хорошо было бы пройти вместе с ними по праздничной Москве!.. Как хорошо было бы шагать сейчас рядом с Евстигнеевым, Амелиным, вместе с которыми я был здесь в напряженные ноябрьские дни 1942 года!

Мои раздумья неожиданно были прерваны. Меня подхватила толпа, и я полетел в воздух под возгласы: «Качать летчика! Ура

сталинским соколам! Ура советской авиации!»

2. В семье испытанных друзей

На следующий день улетаю под Берлин, в родную часть.

На нашем аэродроме непривычно спокойно и тихо. Нет напряженной суеты и оживления, которые царили здесь еще недели две назад, хоть и по-прежнему снуют бензозаправщики, хлопочут механики, пробегают к своим машинам летчики. В линейку стоят боевые самолеты. Идет мирная учеба.

Ищу глазами свой самолет. Около него возится техник Васильев.

Меня встречают однополчане. Куманичкин, Титоренко обнимают меня. Командир крепко жмет руку и тоже обнимает. Хайт от меня не отходит. Поздравляем друг друга с победой. Лица у всех довольные, веселые.

Вечером еще раз все вместе празднуем Победу.

Чупиков рассказывает о последних днях войны. Счет сбитых вражеских самолетов почти у всех моих однополчан увеличился. Немцы сами залетали на наш аэродром, в панике не зная, куда им садиться. Восторженно делюсь впечатлениями о Дне Победы в столице. Друзья слушают, затаив дыхание. В чьем сердце не вызовет радостного волнения одно лишь упоминание о Москве, Красной площади, Кремле, о городе, где живет и работает Сталин!..

…Снова целыми днями на аэродроме. Изучаем опыт войны, достижения отечественной авиационной техники, совершенствуем летное мастерство. В эти дни решаю попытаться осуществить давнишнюю мечту: получить высшее образование, поступить в Военно-воздушную академию. Получаю разрешение на отправку документов и с нетерпением жду ответа.

Приходят вести о старых однополчанах. Друзья пишут, что счет дважды Героя Советского Союза Кирилла Евстигнеева достиг пятидесяти двух самолетов.

Мухин, как он выражается, «рапортует» мне, что и у него, и у Амелина, и у Брызгалова ко дню взятия Берлина значительно вырос боевой счет, что Евстигнеев проявил за это время свои блестящие командирские способности, что он так же прост, как был всегда, такой же Кирюша, каким он, Мухин, помнит его в первые дни знакомства.

Я горд и рад за моих старых товарищей, с которыми начал крыло к крылу боевой путь.

…В полку идет учебно-боевая и политическая подготовка.

Рано утром перед тренировочным полетом захожу на КП. Мне кажется, что летчики, собравшиеся там, сегодня молчаливее обычного и смотрят они на меня так, словно что-нибудь случилось. Когда мне подают телеграмму, я догадываюсь: случилось что-то с отцом — от него давно не было писем. Страшные слова не сразу доходят до сознания. Еще и еще раз читаю текст. 17 мая не стало моего отца. Не могу сдержать слез.

Позже из писем родственников я узнал, что отец долго болел, но строго-настрого наказал не сообщать мне, чтобы не беспокоить меня, не отрывать, как он говорил, от ратных дел. Он все надеялся встретиться со мною и был уверен, как писали мне родственники, что это исцелило бы его. Но и после окончания войны отец не позволял извещать меня о болезни, не хотел омрачить мне радость Победы.

Отец дожил до Дня Победы — эта мысль несколько утешала меня.

Проходит неделя, и я опять прощаюсь с друзьями. Меня вызывают в Москву на подготовку к параду Военно-воздушных сил в День сталинской авиации.

3. У Семена Алексеевича Лавочкина

Мне давно хотелось познакомиться с конструкторами моего замечательного самолета и его испытанного вооружения — Семеном Алексеевичем Лавочкиным и Борисом Гавриловичем Шпиталь-ным.

Кажется, не было ни одного воздушного боя, чтобы я не вспоминал с благодарностью и уважением об этих ученых-патриотах. И вот мое давнишнее желание осуществляется. Я еду в гости к Семену Алексеевичу Лавочкину.

Семен Алексеевич встречает меня тепло и радостно.

Он высок, немного сутулится, у него спокойные движения, добрые, умные глаза.

— Очень рад вас видеть, — говорит он, улыбаясь, и, не выпуская моей руки, глядит на меня внимательно, чуть прищурившись, словно изучает. Он усаживает меня, сам садится напротив.

— Я все время следил за вами и вашими боевыми товарищами. Расскажите все по порядку о всех своих впечатлениях, о самолете.

— Знаете, Семен Алексеевич, я так полюбил ваш самолет, что, когда приходил на аэродром, даже приветствовал его. Чувство у меня было такое, словно передо мной друг. Вернее —

не друг, а уважаемый, требовательный командир. Хотелось в совершенстве овладеть высокой техникой. Ведь недаром летчики считают, что машина, вооружение и техника пилотирования — одно целое…

Беседуем долго. Семен Алексеевич подробно расспрашивает о боевых качествах самолета, записывает что-то в блокнот.

Лавочкин делится своими творческими замыслами и интересуется моими планами.

Когда мы идем в цеха завода, Семен Алексеевич говорит:

— Мы от вас, летчиков, не отставали — конструкторы прислушивались к мнению фронтовиков, стремились усовершенствовать боевой самолет. Дни и ночи проводили в конструкторском бюро.

Лавочкин взволнованно заканчивает:

— Товарищ Сталин руководил нами. Своими указаниями Иосиф Виссарионович будил в нас творческую мысль, заставлял стремиться к новому, не удовлетворяться достигнутым…

Мы долго осматривали завод. Во время обеденного перерыва вокруг меня собрались рабочие и работницы. Они просили рассказать о том, как я воевал на истребителе, созданном их руками.

Свой рассказ я закончил словами благодарности строителям прекрасных боевых машин:

— Ни разу за все время моей боевой деятельности самолет конструкции Лавочкина не подвел меня в воздушных боях. Спасибо вам, товарищи!

4. Служу Советскому Союзу!

Наступил День авиации — 18 августа. Уже накануне было известно, что погода ожидается нелетная и воздушный парад не состоится. Решаю провести праздничный день со старыми друзьями. Полк, в котором начиналась моя боевая жизнь, стоял недалеко от Москвы.

Как всегда, встал рано утром. Включаю радио. Передают приказ товарища Сталина. В памяти оживают незабываемые дни на боевом аэродроме, когда, собравшись у командного пункта, мы слушали воодушевляющие нас слова вождя.

Диктор зачитывает Указы Президиума Верховного Совета: многие боевые летчики награждены орденами, многим присвоено звание Героя Советского Союза. Узнаю: я награжден третьей «Золотой Звездой».

В эти минуты я был один. Все мои мысли и чувства были устремлены к самому близкому, самому родному мне человеку, чье имя для меня дороже всего.

Перед моим взором встает образ великого Сталина, знакомые

любимые черты того, кто всегда был со мной, кто вдохновлял меня в каждом бою, и я думаю о прожитом, о боевом пути, пройденном мною и моими товарищами.

Каждый из нас делал то, что мог и должен был делать. Поле нашей боевой деятельности было нешироко, но мы знали, что от наших действий в воздухе, от действий группы, в которой мы вели воздушный бой, зависели жизни многих советских солдат, офицеров, генералов, сражающихся за Родину. Это сознание воспитывало в нас чувство величайшей ответственности, воспитывало внутреннюю дисциплину, заставляло упорно работать над собой, постоянно толкало к поискам новых эффективных методов ведения воздушного боя.

На войне и мои боевые друзья, и я не только знали свой долг, мы им жили. Каждый из нас понимал, что своей боевой деятельностью, пусть в маленьких масштабах, на нашем участке фронта, мы вносим свою долю в великое дело победы над врагом, выполняем приказ нашей любимой Родины.

Без опыта, без знаний удачи не бывает. И я добивался ее неустанной работой над собой. Меня воспитали комсомол, большевистская партия. Они укрепили мой боевой дух, развили во мне стремление к знаниям, воспитали из меня человека смелого, настойчивого в достижении своей цели, воина, готового идти на смерть во имя победы дела Ленина — Сталина. Большевистская партия воспитала во мне драгоценное качество: никогда не успокаиваться на достигнутом. И я всегда старался не задерживаться на достигнутом уровне знаний, мастерстве, идти вперед и только вперед!

Мысленно даю клятву учиться, учиться без устали. Только этим могу я отблагодарить Родину за высокую награду.

Вечер — один из самых счастливых вечеров в моей жизни — провожу в боевой семье героев, испытанных друзей, с которыми начинал свою фронтовую жизнь.

5. У Бориса Гавриловича Шпитального

В дни ожидания ответа из Военной академии мне удалось встретиться с человеком, которого я так часто вспоминал на фронте, — Борисом Гавриловичем Шпитальным. Его оружием я сбил первый фашистский самолет под Белгородом. Его же оружием сбил шестьдесят второй — над Берлином.

Шпитальный встречает меня, как близкого человека. Говорит он быстро, четко и некоторые фразы, которые считает особенно важными, повторяет. У него проницательный и выразительный

взгляд, высокий, открытый лоб, энергично очерченное, немного суровое лицо. Зато когда он улыбается или смеется, то сразу делается удивительно добродушным.

Мы очень долго говорим о вооружении. Борис Гаврилович задает вопрос за вопросом. Его интересует мое мнение о качестве оружия на «Лавочкине». Последовательно рассказываю ему ряд эпизодов, говорю, что называл его оружие «разящим мечом». Борис Гаврилович иногда переспрашивает и задумывается. Затем разговор переходит на темы, не имеющие ничего общего с войной, техникой.

Улыбаясь и дружески глядя на меня, Борис Гаврилович говорит:

— Ну, а теперь побеседуем о вашем будущем. Конечно, перед вами все дороги открыты. Но я думаю, что совет старшего и более опытного человека вам, хоть вы и закаленный воин, может пригодиться. Советую обязательно поступить в академию.

И Борис Гаврилович хорошо и просто говорит о моем дальнейшем росте, о коммунистической этике, о дружбе, о долге большевика. Его слова запали мне в душу. И я был вдвойне благодарен ему — и как конструктору боевого вооружения, и как старшему товарищу.

6. В родном училище

Прошло еще несколько дней, и я получил извещение: меня зачислили в Военно-воздушную академию.

Я понимал, что мне нелегко будет учиться, но был уверен, что под руководством опытных педагогов сумею преодолеть трудности. И смело шел им навстречу.

Перед началом занятий в академии получаю отпуск и на пассажирском самолете лечу в родные места, на Украину, в Киев.

Смотрю на Днепр и вспоминаю воздушные бои над переправами — десять дней ожесточенных боев, одиннадцать сбитых мною самолетов.

Я посетил могилы генерала армии Ватутина и старого русского летчика Нестерова, таранившего в годы первой империалистической войны вражеский самолет. Побывал на заводах, в клубах, много беседовал с учащейся молодежью, рабочими.

Из Киева вылетаю в городок, в который уже давно вернулось из эвакуации мое родное училище летчиков-истребителей. Здесь я воспитывался, учился летному искусству.

Меня встречают торжественно. Весь личный состав, все

курсанты выстроились на знакомом аэродроме.

Старых друзей — Усменцева, Панченко, Коло-мийца — я не застал. Они были на соседнем аэродроме, где я начинал свою боевую деятельность. Они всю войну работали инструкторами и подготовили не один десяток летчиков.

В училище внешне все на своем месте, словно не было войны, эвакуации, четырех лет тяжких испытаний. Тот же распорядок дня, та же хорошо налаженная учеба. Даже стенгазета, которую я столько раз оформлял, висит на том же месте. Но чувствуется, что дисциплина в школе стала еще крепче.

Много беседую с курсантами, инструкторами. Делюсь своим опытом. Встречаю нескольких старых преподавателей и бесконечно рад, что могу поблагодарить их за то, что они научили меня летному делу, привили любовь к самолету.

7. Там, где шли бои

Вылетаю на аэродром, где находились мои друзья по училищу.

Сколько событий оживает в памяти, когда пролетаю над местами боев! Не могу усидеть на месте, перехожу от окошка к окошку и смотрю вниз. Вот здесь как будто упал «фокке-вульф», подальше — «мессер». Тут был наш аэродром. Там пролегала линия фронта, и над ней мы прикрывали с воздуха наши наземные войска от вражеской авиации…

А теперь подо мной на освобожденной земле идут осенние полевые работы. Жизнь вновь возвратилась на эти места, опаленные огнем войны.

Вот и аэродром. Не успел я выйти из самолета, как меня подхватили мои старые друзья по авиационному училищу и повели к трибуне, у которой выстроился весь личный состав эскадрильи. Среди незнакомых лиц сразу замечаю старого техника Наумова. Он радостно улыбается.

Хочу рассказать собравшимся о том, как я получил здесь первое боевое крещение, как вылетал с товарищами на первые боевые задания. Взгляд мой невольно останавливается на развалинах ангара, возле которого погиб Солдатенко — наш любимый командир. Несколько минут не могу произнести ни слова. С трудом отвожу взгляд от ангара и начинаю говорить о Солдатенко.

Мы идем на его могилу. Долго стоим над ней, вспоминаем товарищей, погибших в боях за нашу Родину.

Целый день я провел с друзьями, мы никак не могли

наговориться. На следующее утро я улетел в Шостку.

8. Снова на родине

Радостное и вместе с тем грустное чувство охватывает меня: издали видна Ображеевка, поля, леса, лентой извивается речушка. Знакомый пейзаж… Сколько раз я любовался им, когда летал над маленьким аэроклубовским аэродромом! А где же техникум, общежитие? Фашисты при отступлении уничтожили много домов.

На аэродроме — директор техникума, старые преподаватели. У многих на глазах слезы радости. Меня обнимают, жмут руки. Сколько расспросов, разговоров!

С болью в сердце слушаю о том, как фашисты истязали моих земляков. Иду на братские могилы замученных гитлеровцами советских людей. Там лежит и старый партизан Сергей Андрусенко…

Товарищи приглашают меня в горком партии. У входа собралось много народу. Люди улыбаются, протягивают мне цветы.

Я так взволнован неожиданной встречей, устроенной земляками, что не могу сразу заговорить, но вот слова полились сами собой. Речи держат и мои земляки.

Из Шостки еду на автомашине в Ображеевку. Вот она, дорога, которую я за годы учения исходил не одну сотню раз! Маленьким показалось мне родное село. Подъезжаю к сельсовету. Меня уже ждут, собрались все односельчане, вся моя родня. Ищу глазами сестру Мотю. Вот она — окружена ребятишками. Меня целуют, обнимают — просто, от души, и я целую и обнимаю стариков, детей, всех подряд.

Кому раньше отвечать, с кем раньше поговорить? Спрашивали все разом. Ко мне пробился Макси-мец; теперь он — секретарь партийной организации. За ним идет мичман с боевыми медалями. Да это Гриша Вареник, мой одноклассник! А рядом с ним стоит и улыбается Ивась, из-за которого я дрался в классе. Сейчас он — счетовод в колхозе «Червонный партизан». Вот и Проня, которая повисла на кусте в тот день, когда мы чуть не потонули на разлившейся Десне. Тут и старик рыбак Каплун, перед которым я робел в детстве.

— Да це Микиты Кожедуба! — говорит какой-то старик и обнимает меня.

— Ну, скажи слово нам, — раздается со всех сторон.

Поднимаюсь на маленькую трибуну. Оглядываю лица

односельчан, взволнованные, радостные. Вспоминаю отца, Сергея Андрусенко, боевых друзей, бои за освобождение Родины. И я говорю своим односельчанам об этом, говорю о могучем чувстве любви к нашей великой социалистической Родине, о своих стойких, отважных боевых друзьях.

…Прохожу по всему селу. Я — у родных могилок.

Вспомнилась мать, ее сдержанная ласковость, забота о детях. Вспомнилось, как отец хотел определить меня к ремеслу, с какой радостью носил мои детские смешные рисунки по знакомым, мечтал, что я стану художником, и как он горд был моими победами во время войны. Как бы порадовался он сейчас нашей встрече…

Долго пробыл я у могилы родителей. В стороне, сняв шапки, стояли мои односельчане. С чуткостью, свойственной простым, хорошим людям, они понимали, что мне хочется побыть одному со своими мыслями.

Подхожу к ним, и мы шагаем по широким знакомым улицам.

Не верю, глазам: навстречу идет Нина Васильевна, а за ней пионеры с цветами. Она такая же, как прежде, только поседела и на лбу сеточка морщин. Крепко пожимаем друг другу руки. Она рассказывает, что учительствует в другой деревне и приехала со своими учениками, чтобы повидаться со мной.

Вместе входим в класс. Какой же он, оказывается, крохотный! Мои маленькие односельчане чинно встают и приветствуют меня.

А вот и моя парта. За ней стоят две девочки с косицами, глядят на меня и, робея, отвечают на мои вопросы.

Я провел в родном селе несколько дней. Был на полях, на лугах у Вспольного, где когда-то пас телят, прошелся вдоль березняка у гати — любимого места отца.

По вечерам, когда в притихшем селе раздаются песни девушек, долго беседую с односельчанами. Они делятся своими планами, радуются, что Обра-жеевка, пережившая гнет немецкой оккупации, уже оправилась. Рассказывают о том, как работает «Червонный партизан», о своем мирном, созидательном труде.

Накануне моего отъезда в колхозном тенистом саду мне устроили торжественные проводы. Столы под яблонями были уставлены яствами. Вокруг собрались односельчане.

Первую здравицу провозглашают за творца всех наших побед — великого Сталина. Звучит громкое и дружное «ура». Потом мой старейший односельчанин, Пономаренко, важно и степенно сказал:

— Привет тебе, Иван Микитович, от колхоза «Червонный партизан». Жаль, что твоего папаши, Микиты Илларионовича, уже нет. Порадовался бы он на тебя. Спасибо любимому товарищу

Сталину, спасибо Советской Армии за то, что вырастили тебя, нашего земляка!

Мы долго сидели под яблонями за дружеской застольной беседой. Я рассказывал своим землякам о боевых делах советских летчиков, о друзьях-товарищах. Смеркалось. Становилось свежо, но расходиться по домам не хотелось…

* * *

Рано утром взлетаю с маленького аэроклубов-ского аэродрома.

Шесть лет назад я впервые поднялся отсюда в воздух, и с тех пор моя жизнь связана с авиацией.

Я лечу в столицу, чтобы совершенствовать свое военное и летное мастерство, приобретать новые знания. Широкий путь открыт передо мной.